

ISSN печатной версии: 2658-7335

№ 2 / 2025

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT
SCIENTIFIC MAGAZINE

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 2

2025

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2025, № 2

Основан в 2016 г.

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2025, № 2

It is founded in 2016.

ISSN печатной версии: 2658-7335

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук с 23.09.2022

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-72249 от 24.01.2018 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека (Российский индекс научного цитирования) № 165-04/2021

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД РФ, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Кубани, директор издательства ООО «Наука и образование»

- **ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

ISSN for printed version: 2658-7335

By the decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published from 23.09.2022

Mass media registration certificate: PI № FS 77-72249 dated January 24, 2018 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

License Agreement Scientific Electronic Library
(Russian Science Citation Index) № 165-04/2021

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Employee of the Kuban Internal Affairs Bodies, Director of the Publishing House of Science and Education LLC

- **DEPUTY CHIEF EDITOR**

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of Law, Professor, Head of Educational and Methodological Department Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,

академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственной технической университет;

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Говердовская Елена Валентиновна,

доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета;

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории правового регулирования, Кубанский государственный университет;

Семенцов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет;

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Бабаев Михаил Матвеевич,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Байер Елена Александровна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта, Донской государственной технической университет, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Богатырев Валерий Викторович,

доктор юридических наук, профессор, профессор Юридического института, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, профессора юридического факультета, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»;

Давыдова Галина Ивановна,

доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Ялта;

Жиркова Евгения Алексеевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы, теории литературы и критики, Кубанский государственный университет;

Звонарева Лола Уткировна,

доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Института мировых цивилизаций, Москва;

Иванцов Сергей Вячеславович,

доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Игнатов Александр Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Кашкаров Алексей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клименко Таужан Микаиловна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Мамедов Рашад Юсуф оглы,

доктор философии по праву, доцент, доцент кафедры гражданского права, Академия полиции Азербайджанской республики;

Невский Сергей Александрович,

Заслуженный сотрудник МВД РФ, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника, начальник научно-исследовательского центра № 1 Всероссийского научно-исследовательского Института МВД России;

Немыка Анна Анатольевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет;

Павлов Юрий Михайлович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой публицистики и журналистского мастерства, Кубанский государственный университет;

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии и инклюзивного образования, Донской государственный технический университет;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственный технический университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Шаталова Ольга Васильевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документирования Елецкого государственного университета имени Бунина;

Шкаплеров Юрий Павлович,

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Могилевского института Республики Беларусь;

Шульженко Вячеслав Иванович,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии и журналистского языка, Пятигорский государственный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Irina V. Abakumova,

Academician Russian Academy of Education, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Technical University;

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Elena V. Goverdovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Postgraduate and Additional Education of the Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, a branch of the Volgograd State Medical University;

Yury V. Luchinsky,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Legal Regulation, Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of Department of Criminal Proceedings, Kuban State University;

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Babaev,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena A. Bayer,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of Physical Culture and Sports, Don State Technical University, Director of the Azov Child Care Center;

Valery V. Bogatyrev,

Doctor in Law, Professor of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Professor of the Faculty of Law, Moscow Financial-Industrial University «Synergy»;

Galina I. Davydova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Psychology Department of the Humanitarian Pedagogical Academy (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education «V.I. Vernadsky KFU», Yalta;

Evgenia A. Zhirkova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the History of Russian Literature, Literature Theory and Criticism, Kuban State University;

Lola U. Zvonareva,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Advertising and Public Relations of the Institute of World Civilizations, Moscow;

Sergey V. Ivantsov,

Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexander N. Ignatov,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexey A. Kashkarov,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Tauzhan M. Klimenko,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Law Institute of the North Caucasus State Academy;

Elena Yu. Kolomiitseva,

Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Moscow State Institute of Culture;

Rashad Yu. Mamedov,

Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor, Assistant Professor of Civil Law Department, Police Academy of the Azerbaijan Republic;

Sergey A. Nevsky,

Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head, Head of the Research Center № 1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Anna A. Nemyka,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Kuban State University;

Yuri M. Pavlov,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism and Journalistic Skills, Kuban State University;

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Defectology and Inclusive Education, Don State Technical University;

Olga D. Fedotova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Primary Education, Don State Technical University;

Lubov Ya. Khoronko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Education and Educational Sciences, Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University;

Olga V. Shatalova,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Methods of Teaching and Documenting it at Yelets State University named after Bunina;

Yuri P. Shkaplerov,

Doctor in Law, First Deputy Head, Mogilev Institute of the Republic of Belarus;

Vyacheslav I. Shulzhenko,

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics, Russian Philology and Journalistic Language, Pyatigorsk State University.

КОНТАКТЫ:

○ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич

Тел.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Тел.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, Переулок Народный, д. 2/1

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс: +7(988) 167-67-67

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ EDITOR-IN-CHIEF

Popov Mikhail Yur'evich

Ph.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna

Ph.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, Narodny Lane, 2/1

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax: +7(988) 167-67-67

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Басенко И.М.</i> Функционирование фразеологических единиц англоязычного и русскоязычного юридического дискурса: сопоставление и характеристика особенностей	19
<i>Воронкова Л.С.</i> Язык в правовой системе: функциональные особенности	23
<i>Закиров Р.Д.</i> Иноязычная лексика в современном русском языке (словообразовательный аспект)	27
<i>Мутусханова Р.М.</i> Когнитивные и коммуникативные аспекты заимствований в современном русском языке	34
<i>Тагаев М.Д., Немыка А.А.</i> Современная художественная проза в практике преподавания русского языка как иностранного	38
<i>Ястребова О.И., Гарцуева О.А.</i> Интегративно-правовая функция англицизмов в современном языке судопроизводства	44

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абрамян С.К.</i> Проблемные аспекты предупреждения коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления	53
<i>Бабанин В.Ю.</i> Субъективная сторона состава неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ): сложности квалификации и пути их преодоления	57
<i>Васильева М.А.</i> К вопросу о понятии и способах ведения экологической войны	63
<i>Вишнева У.И.</i> Работник как более слабая сторона трудового спора	68
<i>Гуляев Т.Н.</i> Исторический аспект теории суверенитета государства в рамках взаимодействия между международным и национальным правом	73
<i>Попов Е.А., Абрамян С.К., Штырхунова Н.А.</i> Развитие общественного транспорта и его влияние на городскую среду	78
<i>Попов М.Ю., Вакула И.М., Чапурко Т.М., Клименко Т.М., Бандурин В.А.</i> Духовно-нравственные источники коррупции в современном российском обществе	85

Рахимов Д.О.

Особая уголовно-правовая охрана редких и исчезающих видов животных
и растений: социальная и правовая обусловленность 94

Тихонов Р.И.

Арбитрабельность корпоративных споров: сравнительное исследование 100

CONTENTS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Ivan M. Basenko</i> Functioning of phraseological units of english and russian legal discourse: comparison and characterization of features	19
<i>Lyudmila S. Voronkova</i> Language in the legal system: functional features	23
<i>Rail' D. Zakirov</i> Foreign language lexis in modern russian (word-formation aspect)	27
<i>Ramisa M. Mutuskhanova</i> Cognitive and communicative aspects of borrowings in modern russian	34
<i>Mamed D. Tagaev, Anna A. Nemyka</i> Contemporary artistic prose in the practice of teaching russian as a foreign language	38
<i>Oksana I. Yastrebova, Oksana A. Gartsueva</i> Socio-legal function of anglicisms in the modern language of legal proceedings	44

JURISPRUDENCE

<i>Suzanna K. Abramyan</i> Problematic aspects of preventing corruption in public authorities and local self-government	53
<i>Vyacheslav Yu. Babanin</i> The subjective side of the composition of non-provision of assistance to the patient (Art. 124 of the criminal code of the Russian Federation): difficulties of qualification and ways to overcome them	57
<i>Maria A. Vasilyeva</i> On the issue of the concept and methods of environmental warfare	63
<i>Uliana I. Vishneva</i> The employee as the weaker side of the labor dispute	68
<i>Timur N. Gulyaev</i> The historical aspect of the theory of State sovereignty in the framework of the interaction between international and national law	73
<i>Evgeny A. Popov, Suzanna K. Abramyan, Natalia A. Shtyrkhunova</i> The development of public transport and its impact on the urban environment	78
<i>Mikhail Yu. Popov, Ivan M. Vakula, Tatyana M. Chapurko, Taufhan M. Klimenko, Vitaly A. Bandurin</i> Spiritual and moral sources of corruption in modern russian society	85
<i>Jahongir O. Rakhimov</i> Special criminal and legal protection of rare and endangered species of animals and plants: social and legal conditionality	94
<i>Roman I. Tikhonov</i> Arbitrability of corporate disputes: a comparative study	100

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-4>

УДК 376

Attribution

cc by

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: СОПОСТАВЛЕНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ

Басенко И.М.

Северо-Кавказский филиал

Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация. Функционирование фразеологизмов в юридической сфере выступает центральной темой данного исследования. Носители различных языков и представители разных культур могут достичь более глубокого взаимопонимания благодаря изучению специфики фразеологических единиц в правовой области. В судебных решениях и других юридических текстах фразеологизмы представляют собой существенный компонент. Особенно значимую функцию выполняют английские фразеологические обороты в правовом дискурсе: они не только передают культурно-правовую информацию и формулируют юридические концепции, но и существенно воздействуют на адресата правового сообщения. Исследование дифференциальных характеристик фразеологизмов в структуре юридического английского и русского языков представлено в данной работе. Методология включает контекстуальный, дискурсивный и описательный анализ. Устойчивые словосочетания юридического дискурса могут классифицироваться как фразеологические единицы, что открывает возможность изучения их семантических особенностей с применением стандартных классификаций фразеологизмов. Исследования показали, что фразеологические единицы в российском юридическом дискурсе отличаются нейтральной окраской, устойчивостью применения и шаблонностью формулировок. В противоположность этому, английские фразеологизмы насыщены образностью и оценочными элементами в своих коннотативных значениях. Практическое применение этих выводов найдет свое место в работе переводчиков и юристов, которым необходимо правильно интерпретировать фразеологические обороты в профессиональной сфере. Кроме того, данные наблюдения представляют ценность для теоретических изысканий специалистов, занимающихся лингвистикой, межкультурной коммуникацией и лингвокультурологией.

Ключевые слова: фразеологизм, юридический дискурс, русский язык, английский язык, право.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF ENGLISH AND RUSSIAN LEGAL DISCOURSE: COMPARISON AND CHARACTERIZATION OF FEATURES

Ivan M. Basenko

North Caucasus branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Abstract. The functioning of phraseological units in the legal field is the central topic of this study. Speakers of different languages and representatives of different cultures can achieve a deeper understanding by studying the specifics of phraseological units in the legal field. Phraseological units are an essential component in court decisions and other legal texts. English phraseological phrases perform a particularly significant function in legal discourse.: They not only convey cultural and legal information and formulate legal concepts, but also significantly influence the addressee of the legal message. The study of the differential characteristics of phraseological units in the structure of the legal English and Russian languages is presented in this work. The methodology includes contextual, discursive, and descriptive analysis. Stable phrases of the legal discourse on family law can be classified as phraseological units, which opens up the possibility of studying their semantic features using standard classifications of phraseological units. Research has shown that phraseological units in Rus-

sian legal discourse are characterized by neutral coloring, stability of application and formulaic formulations. In contrast, English phraseological units are saturated with imagery and evaluative elements in their connotative meanings. The practical application of these findings will find its place in the work of translators and lawyers who need to correctly interpret phraseological phrases in the professional field. In addition, these observations are valuable for theoretical research by specialists involved in linguistics, intercultural communication, and cultural linguistics.

Keywords: phraseology, legal discourse, Russian, English, law

Funding: Independent work.

Введение.

Междисциплинарный подход становится характерной чертой современных научных исследований. Всё больше ценятся работы, изучающие взаимное проникновение и влияние различных научных областей. В этом контексте особенно интересен юридический дискурс (далее ЮД), выполняющий двойственную функцию: он одновременно разделяет лингвистику и юриспруденцию как отдельные дисциплины, но при этом объединяет их терминологические и методологические инструменты для более глубокого анализа профессионального языка права.

Концепция дискурса в целом привлекает пристальное внимание представителей разных наук – от языковедов до психологов, социологов и философов, что отражается в многочисленных современных научных трудах [1, с. 1283].

Национально-культурные особенности, формирующиеся в процессе уникального исторического становления общества и его правовой структуры, находят отражение в ЮД.

В профессиональном общении как на русском, так и на английском языках прослеживаются общие характеристики:

- соблюдение языковых стандартов;
- формальность стиля;
- четкое разграничение статусно-ролевых взаимодействий;
- институциональность.

Глобализационные процессы, происходящие в экономике, взаимное влияние правовых систем и стремление к международной стандартизации права стали ключевыми факторами, вызвавшими повышенное внимание к профессиональной терминологии.

Исследование юридической научной литературы свидетельствует о том, что фразеологические обороты (далее ФО) играют ключевую роль в ЮД. Эти языковые конструкции, также именуемые фразеологизмами или фразеологическими единицами, представляют собой устойчивые словесные комбинации, где целостное значение выражения доминирует над независимостью составляющих его элементов. Именно такие устойчивые обороты формируют существенный

пласт специфической юридической терминологии [2, с. 70].

Цель исследования – сопоставление и характеристика особенностей ФО англоязычного и русскоязычного ЮД.

Материалы и методы исследования. Синтез, обобщение, сравнение, классификация, контекстуальный, дискурсивный и описательный анализ.

Обсуждение.

Фразеологизмы, хотя и кажутся необычными для практического юридического языка, на самом деле, составляют важный элемент правовой коммуникации.

Юридическая фразеология объединяет специфические выражения, отражающие как универсальные правовые концепции, так и культурно-обусловленные юридические феномены, характерные для конкретных правовых традиций. Перевод и интерпретация таких выражений часто затруднены из-за их культурной специфики.

Глубокое исследование семантических особенностей и культурных аспектов юридических ФО может помочь в предотвращении юридических противоречий, возникающих из-за разночтений в их толковании.

Общественное сознание в правовой сфере находит свое отражение в юридическом языке, который формирует профессиональное мировоззрение специалистов и влияет на обыденные представления людей о праве.

Являясь элементом национальной культуры, правовая культура содержит в себе характерные для данного общества правовые концепты.

Общественные отношения регулируются правом, которое через свой язык транслирует культурно-правовые представления, существующие в коллективном сознании [2, с. 70].

В современной лингвистике особое внимание уделяется изучению специализированных языковых средств в профессиональных сферах коммуникации. ЮД, как одна из наиболее формализованных областей человеческой деятельности, обладает богатым фразеологическим «фондом», отражающим специфику правового мышления разных культур.

Юридические ФО имеют двойственную природу. С одной стороны, они воплощают универсальные правовые концепты, понятные представителям разных культур. С другой стороны, в них закодированы уникальные национально-специфические представления о праве и справедливости.

Согласно результатам наших исследований, фразеологический состав юридического языка англоязычных стран формирует особую категорию языковых единиц, которые репрезентируют ключевые профессиональные концепты правовой системы. Эти устойчивые выражения не просто обогащают юридическую терминологию, но и отражают историческое развитие англосаксонской правовой традиции [3, с. 36].

Д.С. Сканарев развивает эту мысль, указывая на когнитивную ценность фразеологизмов в ЮД. По его мнению, семантика таких выражений представляет собой уникальный культурный код, через который можно проследить эволюцию правовых представлений конкретного народа и одновременно выявить общечеловеческие правовые универсалии [4, с. 303].

Таким образом, фразеологические единицы в ЮД выступают не только как средства профессиональной коммуникации, но и как лингвокультурные феномены, отражающие специфику национального правосознания и одновременно универсальные правовые принципы, что делает их ценным материалом для междисциплинарных исследований на стыке лингвистики, юриспруденции и культурологии.

Результаты.

Сопоставление фразеологизмов в англоязычном и русскоязычном ЮД может выявить не только различия и сходства в языковых системах, но и обозначить культурные и правовые традиции каждой из стран.

Ниже приведены примеры ФО, используемых в юридическом контексте, с кратким анализом их значения и использования.

«Beyond a reasonable doubt» vs. «Вне всякого сомнения»

Английский. Этот фразеологизм часто используется в уголовном праве, чтобы обозначить уровень доказанности вины обвиняемого. Требуется, чтобы доказывать вину было достаточно уверенно, чтобы не оставалось разумного сомнения.

Русский. Аналогичное выражение, в котором подчеркивается отсутствие сомнений при вынесении вердикта. При этом, культурно и юридически выражение может трактоваться чуть более субъективно в зависимости от контекста дела.

«Letter of the law» vs. «По букве закона».

Английский. Подразумевает строгое следование тексту закона, без учета возможных намерений или контекста.

Русский. Эквивалентный фразеологизм, который также выражает приверженность четким формулировкам законодательства, но может также подразумевать недостаток гибкости или учета специфики случая.

«In good faith» vs. «Добросовестно»

Английский. Этот термин широко используется в гражданском праве и подразумевает честность и искренность в намерениях сторон при заключении сделки или ведении переговоров.

Русский. Понятие также встречается в гражданском праве и оценивает честные намерения участников сделки, однако в российском контексте может иметь более широкое применение, включая административные и трудовые отношения.

«Due diligence» vs. «Комплексная проверка»

Английский. Процесс сбора и анализа информации о компании или лице перед заключением сделки или инвестированием.

Русский. Термин «комплексная проверка» используется как аналог, подчеркивая тщательность и всесторонность анализа, особое внимание уделяется юридической и финансовой проверке.

«Double jeopardy» vs. «Двойное привлечение к ответственности»

Английский. Принцип, согласно которому никто не может быть судим повторно за одно и то же преступление.

Русский. Подобный принцип действует и в российской правовой системе, однако терминология и конкретные условия его применения могут варьироваться.

Заключение.

В юридическом переводе особенно важно учитывать культурные нюансы каждой правовой системы.

Лингвистический анализ показывает, что ФО разных языков часто имеют параллели, несмотря на различное происхождение. Когда мы рассматриваем юридическую терминологию разных стран, становится очевидным, что многие обороты сохраняют смысловую нагрузку при переводе, хотя их форма может существенно отличаться. Это обусловлено тем, что правовые системы, несмотря на уникальность, часто решают схожие проблемы.

Для адекватной передачи юридических фразеологизмов необходимо глубокое понимание не

только языковых аспектов, но и специфики законодательства каждой юрисдикции.

Исторические пути развития права в разных странах наложили отпечаток на формирование специфических выражений, которые, тем не менее, могут находить соответствия в других языковых системах.

Эффективная коммуникация в международном правовом поле требует скрупулезного анализа контекстуальных и культурологических факторов при работе с юридической фразеологией.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Кравчук Ю.С. Опыт сопоставительного анализа английских и русских фразеологических единиц на материале юридического дискурса / Ю.С. Кравчук, ОН. Осадчая // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2024. Т. 34. № 6. С. 1283–1288.
2. Калиновская В.В. Особенности фразеологических единиц в юридическом дискурсе // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 10(86). С. 69–73.
3. Басенко И.М. Английские фразеологизмы в юридическом дискурсе / И.М. Басенко, В.А. Пономаренко // Вестник адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2021. № 3 (282). С. 34–39.
4. Скарнев Д.С. Функционирование фразеологизмов в юридическом дискурсе // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Сборник статей. Тула, 2018. С. 299–304.

References:

1. Kravchuk Yu.S. The experience of comparative analysis of English and Russian phraseological units based on the material of legal discourse / Y.S. Kravchuk, O.N. Osadchaya // Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology. 2024. Vol. 34. № 6. P. 1283–1288.
2. Kalinovskaya V.V. Features of phraseological units in legal discourse // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2021. № 10(86). P. 69–73.
3. Basenko I.M. English phraseologisms in legal discourse / I.M. Basenko, V.A. Ponomarenko // Bulletin of the Adygea State University. Ser.: Philology and Art History. 2021. № 3(282). P. 34–39.
4. Sknarev D.S. The functioning of phraseological units in legal discourse // Polyparadigmatic contexts of phraseology in the 21st century: Collection of articles. Tula, 2018. P. 299–304.

Информация об авторе

Басенко Иван Михайлович

кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева
ivan_basenko@mail.ru

Ivan M. Basenko

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch of the Lebedev
Russian State University of Justice
ivan_basenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.05.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-6>

УДК 81

Attribution

cc by

ЯЗЫК В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Воронкова Л.С.

Северо-Кавказский филиал

Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация. В данной статье рассматриваются право и язык как ключевые компоненты юридического языка, а также их значимость в контексте современного общества. Юридический язык представляет собой уникальную систему, в которой пересекаются правовые нормы и языковые конструкции, что делает его важным инструментом для правоприменения и правосознания. Также, в данной статье рассматриваются функциональные особенности юридического языка в современном мире и аспекты его значимости. Характеризуется роль правовых определений в юридической деятельности. Язык коррелируется со сферами прав и юридических процессов. Язык рассматривается в качестве способа трансляции юридической информации, а также в качестве проводника смысла права. В ходе анализа устанавливаются связи взаимодействия языка и права, а также исследуются их влияния друг на друга.

Ключевые слова: язык, право, юридический язык, функции языка, правовая система, правовые нормы, правоотношения, юридическая деятельность, общество.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LANGUAGE IN THE LEGAL SYSTEM: FUNCTIONAL FEATURES

Lyudmila S. Voronkova

North Caucasus branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Abstract. This article examines law and language as key components of legal language, as well as their significance in the context of modern society. Legal language is a unique system in which legal norms and language constructions intersect, which makes it an important tool for law enforcement and legal awareness. This article also examines the functional features of legal language in the modern world and aspects of its significance. The role of legal definitions in legal activity is characterized. Language correlates with the spheres of rights and legal processes. Language is considered as a way of transmitting legal information, as well as a conductor of the meaning of law. The analysis establishes connections between the interaction of language and law, and examines their influence on each other.

Keywords: language, law, legal language, language functions, legal system, legal norms, legal relations, legal activity, society.

Funding: Independent work

Введение.

Язык, являясь уникальным общественным явлением, связывает многие поколения и остаётся неотделимым от человека, который как бы определяет его сущность. Познание мира человеком осуществляется исключительно с помощью слова, именно оно выступает содержанием мысли. Также, язык выступает своеобразной формой регулирования общественного поведения, путем реализации помимо своих основных функций, коммуникации или познания, второстепенные, как раз таки выраженные в регулировании поведения людей [1, с. 20].

Говоря о языке, следует отметить его роль в коммуникации. Прежде всего, важно отметить, что он выступает способом передачи информации.

Основными функциями языка являются:

Коммуникативная, выраженная во взаимном обмене информацией. Язык возник и продолжает существовать, в первую очередь, для того, чтобы люди могли общаться. Взаимодействуя между собой, люди участвуют в передаче своих мыслей, чувств и переживаний [2, с. 75–76].

Конструктивная, или мыслеформирующая, выраженная в развитии мысли отдельно взятого

© Воронкова Л.С.

человека и общества. Язык должен сопутствовать мысли, а мысль не должна отставать от языка.

Эмоционально-экспрессивная, позволяющая выражать чувства и эмоции. Данная функция служит одним из способов высказывания внутреннего состояния говорящего к ситуации общения. Таким образом, мысли и эмоции человека выражаются с помощью языка [3].

Как было отмечено Ю.В. Сорокиной: «Язык – это великое достояние человечества. Он сохраняет все приобретения, весь опыт, все эмоции и чувства, сформировавшиеся в течение многих тысяч лет. Вся история человечества оказывается вплетенной в ткань языка» [4, с. 31].

Обсуждение.

Язык достаточно тесно связан с правом, так как он служит инструментом правовой системы. Язык способствует формулированию и интерпретированию законов страны. Следует отметить и то, что при взаимодействии права и языка образуется правовой язык, который обладает своими особенностями, такими как точность или ясность.

В условиях глобализации и интеграции правовых систем значение юридического языка возрастает. Юридический язык представляет собой систему словесного выражения мыслей, основной задачей которого является описание права, формирование специфической терминологии, наличие особых объектов фиксации, а также наличие круга специальных пользователей.

Р.Г. Мельниченко в своей работе, посвященной постановке проблемы формирования и использования юридического языка, прямо указывает на то, что юридический язык обладает такими же функциями, которые присущи общим функциям языка. К указанным функциям следует относить коммуникативную,мыслеобразующую и сегрегационную [5, с. 65].

Правовая система реализуется для определения норм и правил для общества, а язык – это средство для передачи этих норм и правил. Право имеет достаточно сильное влияние на язык. Оно является основой для развития языка, так как создание новых законов и норм способствует образованию соответствующих понятий и терминов в языке.

Существуют 3 аспекта, в которых правовая система оказывает значительное влияние на язык:

1. Юридическая терминология.

Формирование новых юридических терминов – это один из основных способов влияния правовой системы на язык. Юридические термины обязательно в правовой системе, так как они помогают точно и однозначно выразить правовые понятия и принципы.

Такие термины, как «право», «конституция», «закон», «суд» являются юридическими терминами. Они имеют особое значение в правовой системе, которое отличается от их использования в повседневной жизни.

Использование юридических терминов обеспечивает ясность и точность в юридических документах, таких как судебные решения, правовые документы и других юридических текстах. Но стоит отметить, что юридическая терминология достаточно сложная и непонятная для непрофессионалов, поэтому необходима доступность правовой информации для всего населения страны.

2. Языковые нормы и правовые нормы.

Правовая система устанавливает языковые нормы, которые регулируют применение языка в юридических документах и судебных процессах. Они определяют правила грамматики, орфографии и других важных правил написания документов, которые обязательно должны быть соблюдены в юридических документах. Например, при написании правовых документов стоит соблюдать формальный и точный стиль, а также избегать неоднозначности. Это способствует обеспечению ясности правовых норм. Конкретное и точно определенное использование языка права в юридическом толковании способствует искоренению каких-то двусмысленностей и позволяет избежать недопониманий, способствуя сделать право более сбалансированным [6, с. 98–99].

Языковые нормы имеют похожую на юридические термины проблему. Они могут быть слишком сложными для непрофессионалов. Это может способствовать трудной доступности правовой информации. Необходимо усовершенствовать язык права, чтобы он был более понятен и ясен. Это позволит населению страны легко воспринимать и применять правовые нормы.

3. Язык судебных процессов.

Значительное влияние на язык оказывают судебные процессы, так как в них используется язык, который отличается от обычной речи. Его используют для более точного выражения аргументов и фактов.

В судебных процессах используют судебные решения, показания свидетелей, допросы. Для обеспечения справедливого применения закона, эти элементы требуют точного выражения.

Результаты.

Для рассмотрения взаимодействия языка и права обычно используются два подхода.

Первый – это подход к языку как к форме реализации юридической деятельности. Правовая сфера общества – это сфера, которая имеет свой особый тип речевой коммуникации с определенными, присущими ей языковыми чертами.

Второй подход рассматривает язык как предмет правоприменительной деятельности.

При этом стоит отметить, что связь между языком и правом проявляется в нескольких аспектах, таких как:

1. Язык является регулятором со стороны права. Например, авторское право, речевые ситуации, связанные с клеветой.
2. Язык как инструмент осуществления правоприменительной деятельности. Например, вопросы понимания и толкования законов.
3. Язык является инструментом законотворчества.
4. Язык является инструментом юриспруденции.

Так как юридический язык является особой сферой функционирования языка, можно выделить его основные функции, структуру и особенности. К основным функциям языка можно отнести:

1. Коммуникацию: язык обеспечивает обмен информацией между участниками правовых процессов.
2. Интерпретацию: правовые тексты требуют точного понимания и интерпретации, что невозможно без языка.
3. Аргументацию: язык используется для построения логических аргументов и защиты правовых позиций.

Объединяя функции, можно утверждать, что язык позволяет юристам, судьям, адвокатам и другим участникам правовой системы обмениваться информацией, интерпретировать законы и представлять свои аргументы.

Важно отметить, что значимой спецификой юридического языка является структура юридического текста. Анализируя юридические тексты, можно выделить ключевую специфику, выраженную в применении единой структуры.

В нормах права используется общепринятая трехэлементная структура: гипотеза, диспозиция и санкция. Такая структура, в большей степени, взаимосвязана с собой и способна в полной мере охарактеризовать сущность содержательного аспекта. В данном контексте, Н.Ю. Завьялова и А.Д. Лебедева справедливо указывают на осо-

бенности логической структуры, включающей в себя перечисленные элементы. Такая структура способствует лучшему пониманию права и правовых норм, а также правильному применению их в жизни [7, с. 114].

Существует специальная иерархия текстов, которые относятся к языку права.

На первое место можно поставить правотворческие тексты. К таким текстам относятся законодательные акты, договоры или уставы.

Второе место занимают судебные тексты и речевая практика судопроизводства. К таким текстам относятся постановления и решения судов, исковые заявления и экспертизы.

К заключительному третьему месту могут принадлежать административно-управленческие тексты. К ним относят речевую коммуникацию государственных структур и ведомств.

Во всех указанных видах текстов сложилась и успешно применяется единая структура, включающая в себя основополагающие элементы: вводная часть, описательно-мотивировочная часть, резолютивная часть.

Заключение.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что язык находится в очень тесной взаимосвязи с правом, так как возникновение, изменение и прекращение права зависит именно от языка. Он играет ключевую роль в создании, передаче и применении правовых норм, а также в поддержании правопонимания и правового сознания общества.

Изучение языка в правовой системе для обеспечения эффективной правовой коммуникации, улучшения правовой техники и повышения правовой грамотности общества является актуальным и неоспоримым.

Культура права зависит от языка, так как он является средством записи информации. Значение права также непосредственно зависит от языка, поскольку использование языка способствует совершенствованию системы толкования права.

Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать более глубокому пониманию роли языка в правовой системе и ее влияния на правовую практику.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Чинарян Е.О. Язык как средство выражения правовой мысли. Особенности языка законодательства // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1. 20 с.
2. Назарова А.А. К вопросу о функциях языка и речи // Гуманитарный вектор. Педагогика, психология. 2019. № 2. С. 75–76.
3. Гакало А.А. Влияние глобализации на функции языка // Научно-практический электронный журнал. 2023. № 1(76).
4. Сорокина Ю.В. Язык как средство правовой коммуникации // Вопросы российского и международного права. 2015. № 8–9. 31 с.
5. Мельниченко Р.Г. Юридический язык: постановка проблемы. 2021. № 1. 65 с.
6. Чжау Чжицян. К вопросу о взаимодействии языка и права с юрлингвистической точки зрения / Чжау Чжицян, Ши Лэй // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. С. 98–99.
7. Завьялова Н.Ю. Особенности логической структуры коллизионных норм права / Н.Ю. Завьялова, А.Д. Лебедева // Общество и право. 2020. 114 с.

References:

1. Chinaryan E.O. Language as a means of expressing legal thought. Features of the language of legislation // Law and the State: Theory and Practice. 2020. № 1. 20 p.
2. Nazarova A.A. On the issue of the functions of language and speech // Humanitarian vector. Pedagogy, psychology. 2019. № 2. P. 75–76.
3. Gakalo A.A. The influence of globalization on the functions of language // Scientific and practical electronic journal. 2023. № 1(76).
4. Sorokina Yu.V. Language as a means of legal communication // Issues of Russian and international law. 2015. № 8–9. 31 p.
5. Melnichenko R.G. Legal language: statement of the problem. 2021. № 1. 65 p.
6. Zhau Zhiqiang. On the issue of interaction of language and law from a legal-linguistic point of view / Zhau Zhiqiang, Shi Lei // Bulletin of the Moscow. 2019. P. 98–99.
7. Zavyalova N.Yu. Features of the logical structure of conflict rules of law / N.Yu. Zavyalova, A.D. Lebedeva // Society and Law. 2020. 114 p.

Информация об авторе

Воронкова Людмила Сергеевна

старший преподаватель
кафедры языкознания и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева
voronkova_ls@mail.ru

Lyudmila S. Voronkova

Senior Lecturer of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch
of the Lebedev Russian State University of Justice
voronkova_ls@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.05.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-8>

УДК 81

Attribution

cc by

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Закиров Р.Д.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию словообразовательной деривации иноязычной лексики в современном русском языке. Всесторонне рассматриваются различные аспекты функционирования заимствованных слов, их структурные особенности, а также процессы их адаптации и интеграции в лексическую систему русского языка. Особое внимание уделяется изучению словообразовательных моделей, по которым происходит деривация новых слов на основе иноязычных корней и аффиксов. Целью работы является выявление закономерностей заимствования иноязычных слов, а также изучение способов её интеграции в русскую языковую систему. В рамках исследования применялись методы сравнительного анализа и корпусной лингвистики, что позволило провести комплексное изучение семантических и морфологических трансформаций иностранных слов. Кроме того, в статье анализируются профессионализмы, образованные с помощью заимствованных элементов, и особенности их функционирования в специальных сферах. Значительное место в работе занимает исследование универбаций, то есть слов, образованных из словосочетаний с заимствованными компонентами. Данное исследование вносит вклад в понимание механизмов взаимодействия русскоязычной и иноязычной лексики, а также процессов её адаптации и словообразовательной деривации на современном этапе развития русского языка. Результаты исследования показали, что большинство иноязычных заимствований адаптируется к правилам русского словообразования, претерпевая изменения в форме и значении. Также было отмечено, что некоторые иноязычные слова становятся основой для образования новых производных, что свидетельствует о динамичности русского языка и его способности к инновациям.

Ключевые слова: иноязычная лексика, словообразовательная деривация, заимствование, заимствованное слово, словообразовательные модели, адаптация, профессионализмы, универбации.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FOREIGN LANGUAGE LEXIS IN MODERN RUSSIAN (WORD-FORMATION ASPECT)

Rail' D. Zakirov

Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The article is devoted to the study of word-formation derivation of foreign-language lexicon in the modern Russian language. Various aspects of the functioning of borrowed words, their structural features, as well as the processes of their adaptation and integration into the lexical system of the Russian language are comprehensively considered. Particular attention is paid to the study of word-formation patterns, according to which the derivation of new words on the basis of foreign roots and affixes takes place. The aim of the work is to reveal the regularities of borrowing foreign-language words, as well as to study the ways of its integration into the Russian language system. Within the framework of the research the methods of comparative analysis and corpus linguistics were applied, which allowed to carry out a comprehensive study of semantic and morphological transformations of foreign words. Besides, the article analyses professionalisms formed with the help of borrowed elements and the peculiarities of their functioning in special spheres. The study of universals, i.e. words formed from word combinations with borrowed components, occupies a significant place in the work. This study contributes to the understanding of the mechanisms of interaction between Russian- and foreign-language lexicon, as well as the processes of its adaptation and word-formation derivation at

the present stage of Russian language development. The results showed that most foreign-language loanwords adapt to the rules of Russian word formation, undergoing changes in form and meaning. It was also noted that some foreign-language words become the basis for the formation of new derivatives, which indicates the dynamism of the Russian language and its ability to innovate.

Keywords: foreign language vocabulary, word-formation derivation, borrowing, borrowed word, word-formation models, adaptation, professionalisms, universals.

Funding: Independent work.

Введение. Современный русский язык представляет собой живой, изменчивый организм, который находится в состоянии непрерывного взаимодействия с другими языковыми системами. Яркий пример этого – широкое включение иноязычных слов, проникающих из различных источников в лексический состав русского языка. Причины такой миграции из одной системы в другую одним из первых описал основатель Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэн де Куртенэ в статье «О смешанном характере всех языков». Он определил внешние и внутренние причины перехода единиц одного языка в другую, называя этот процесс смешением [1, с. 13].

Различные системы неодинаково принимают «чужеродный» элемент, который приспосабливается к фонетическим, лексическим и грамматическим правилам принимающей системы. Одним из ассимиляционных процессов является образование новых производных от заимствованной основы, иначе говоря, неологизмы подвергаются активным процессам, участвуя в словообразовательной деривации, что позволяет им органично вписываться в лексическую систему русского языка и частично ассимилироваться в нём.

Актуальность данного исследования обусловлена интенсивным и непрерывным процессом проникновения иноязычной лексики в современный русский язык, являющимся одной из ярких черт его развития в эпоху глобализации и технологического прогресса. Данный процесс оказывает значительное влияние не только на лексический состав языка, но и на его словообразовательную систему.

Новизна данного исследования заключается в анализе лексического материала, собранного за последние годы (2023–2025), включая заимствования, появившиеся в связи с развитием ИТ-технологий, медиа, экономики и других быстро развивающихся сфер.

Применение комплексного подхода, который объединяет в себе методы традиционного лингвистического анализа (морфемный, словообразовательный, семантический), обнаруживает и описывает новые тенденции в словообразовании с использованием иноязычных элементов, например, появление гибридных словообразовательных моделей (соединение русских и иноязычных морфем).

Для анализа была произведена сплошная выборка иноязычных слов (преимущественно из ИТ

и компьютерной сферы) из комментариев участников сообществ социальной сети VK (ВКонтакте) под названиями: PC – всё о IT [2] и BRIGMAN [3].

Также, нами были отобраны слова из «Толкового словаря русского языка XXI века» Е.Н. Шагаловой [4] и онлайн-словаря «Involta Science (IT словарь терминов и аббревиатур)» [5], который постоянно обновляется редакторами по мере поступления новых слов.

Изучение процессов заимствования иноязычной лексики и особенностей её функционирования в современном русском языке является актуальной задачей; особенно это важно сегодня, когда языковая политика правомерно ограничивает использование слов-дублетов, которые имеют функциональные синонимы и являются данью языковой моде.

Анализ лексических единиц, функционирующих в последние десятилетия в публицистических текстах (National Geographic; Cosmopolitan; Vogue; Forbes), интернет-дискурсе (PC – всё об IT; BRIGMAN), профессиональных форумах (Российский интернет-форум), позволяет не только проследить необходимость их использования, специфику номинаций, но и выявить закономерности взаимодействия русского и иностранных языков, а также определить роль и место иноязычной лексики в лексической системе русского языка.

Обсуждение.

Среди современных исследователей, посвятивших свои работы различным аспектам данной проблемы, следует назвать Л.П. Крысина, Н.Б. Мечковскую, Н.В. Габдееву, Е.В. Маринову.

Термины «иноязычное слово» и «заимствование» на сегодняшний день не имеют однозначного определения. Лингвисты, изучающие эти феномены, по-разному интерпретируют данные понятия, поскольку пласт явлений, который охватывает термин «заимствование», генетически неоднороден и формировался в различные исторические периоды.

Обратимся к наследию выдающегося лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ, который указывал на то, что «...нет и не может быть ни одного чистого и смешанного языкового целого» [6, с. 16].

Следует отметить, что учёные Ленинградской и Казанской лингвистических школ разделяют по-

нения «иностранное слово» и «заимствование», выбирая в качестве критерия такого разделения ассимиляцию прототипа в принимающем языке.

Согласно мнению Н.В. Габдеевой, заимствованная лексика представляет собой «особый пласт словарного состава русского литературного языка, который всегда находился в центре внимания переводчиков, общественных деятелей, филологов, критиков, писателей и поэтов» [7, с. 11]. Кроме того, она подчеркивает, что «в отношении заимствований можно выделить две противоположные тенденции» [7, с. 11].

Другой подход связан с противопоставлением исконной и неисконной лексики. В конце XX века Л.П. Крысин предложил использовать термин «иностранное слово», считая, что «он подходит не только для обозначения слов, пришедших в русский язык из других стран, но и для лексики народов, проживающих на территории России» [8, с. 40]. По его мнению, иностранным словом следует считать «любое неисконное слово или лексический элемент, употребляемый носителями языка» [8, с. 40].

Сегодня в некоторых работах термины «заимствование» и «иностранное слово» функционируют как синонимы. Л.П. Крысин определил термин «заимствование» в качестве синонима термину «иностранное слово» [8, с. 142], его позицию поддерживает, например, С.Б. Изюмская в своей работе «Неологизмы английского происхождения в русской прессе 90-х годов: структурно-семантический и коммуникативно-функциональный аспекты» [9, с. 17].

Результаты.

Как известно, русский язык на протяжении своего развития активно пополнялся словами, заимствованными из других языков, в особенности из греческого, латинского, французского и немецкого. Начиная со второй половины XIX века и до настоящего времени, наблюдается интенсивное влияние английского языка на русский. Сегодня это связано с глобализацией, развитием науки и техники, компьютеризации, массовой культуры и многих других сфер, где английский язык выступает в качестве языка-посредника.

Иностранные слова из английского языка охватывают различные тематические группы:

- 1) термины, относящиеся к сфере информационных технологий (*компьютер, интернет, сайт, сканер, принтер, смартфон, гаджет, чат, онлайн, офлайн* и др.);
- 2) слова, связанные с экономикой и финансами (*бизнес, маркетинг, менеджмент, дилер, брокер, дисконт, ваучер, лизинг, рейтинг* и др.);
- 3) лексика, обозначающая явления современной массовой культуры (*шоу, блог, клип, хит, рейтинг, спонсор, имидж, бренд, пиар* и др.);

4) слова, относящиеся к сфере моды и индустрии красоты (*дизайн, фэшн, стайлинг, мейкап, макияж, маникюр, педикюр, спа / spa* и др.);

5) слова, относящиеся к спортивной терминологии (*фитнес, сёрфинг, сноуборд, скейтборд, киберспорт, паркур* и др.);

Необходимо отметить, что существуют лексемы, которые являются частично адаптированными в русском языке, их следует разделить по следующим категориям:

1. Слова, сохраняющие элементы иностранной фонетики:

- суши (япон. «寿司 *суши*»);
- гейша (япон. «芸者 *гэйся*»);
- пицца (итал. «*pizza*»).

2. Слова, сохраняющие иностранные морфемы:

- мастер-класс (сочетание английских морфем);
- хост-семья (из англ. «*host family*»);
- дизайнер (из англ. «*designer*»);
- пресс-релиз (из англ. «*press release*»).

3. Слова, вошедшие в русский язык с частично адаптированным значением:

- сайт (из англ. «*site*» – веб-ресурс в интернете);
- браузер (из англ. «*browser*» – программа для просмотра веб-страниц);
- хакер (из англ. «*hacker*» – человек, незаконно проникающий в компьютерные системы).

Исходя из ранее сказанного, можно отметить, что в русском языке данная иностранная лексика сохраняет элементы своего исходного фонетического или морфологического прототипа, однако некоторые неологизмы могут иметь семантические изменения по сравнению с прототипическим значением.

Среди процессов ассимиляции в принимающей системе особо следует отметить словообразовательную деривацию как средство образования новых слов в современном русском языке.

Словообразование является важным механизмом пополнения словарного состава русского языка во всех функциональных сферах и обусловлено его синтетической природой.

Согласно определению А.К. Карпова, словообразование «представляет собой процесс создания вторичных языковых знаков, ограниченных рамками слова, с целью номинации» [10, с. 60].

Основываясь на этом определении, в данном исследовании под словообразованием подразумевается процесс образования производных и сложных слов на основе «однокоренных лексических единиц в соответствии с существующими в языке моделями и образцами» [11, с. 467].

В настоящей статье, в рамках концепции Казанской лингвистической школы, рассматриваются основные способы образования производных от иноязычных основ, такие как суффиксальный, префиксальный, конфиксальный, сращение, сложение, аббревиация.

1. При суффиксальном способе новое слово образуется благодаря присоединению к иноязычной основе иноязычного/русского суффикса, при помощи которого лексема обозначает лицо по роду их деятельности или отношению к действию (маркетинг > маркетинговый; дизайнер > дизайнерский).

2. В результате префиксального способа формируется слово с новым лексическим значением. Происходит образование с помощью присоединения иноязычного префикса к иноязычной основе (контракт > антиконтракт; сайт > ресайт; комфорт > дискомфорт).

3. Сложение, в результате которого образуются сложные слова, или композиты, как правило, результат объединения в русском языке двух иноязычных основ, иногда это могут быть исконные слова или ассимилированные (*секонд-хенд*; *инфо-центр*; *видео-салон*).

Рассматривая словообразовательные приёмы, нельзя не отметить использование русских морфем с иноязычными основами. Такие средства называют словообразовательными формантами – минимальный значимый элемент, с помощью которого образуется новое слово от другого слова или основы.

В качестве примеров мы приводим лексику (сленгизмы) компьютерного подъязыка в период с 2020 по 2024 год. В качестве источников для сплошной выборки были использованы иноязычные слова из сообществ социальной сети VK (ВКонтакте): «PC – всё об IT»; «BRIGMAN», а также «IT словарь терминов, сленг и аббревиатуры из сферы информационных технологий».

1. В результате суффиксального способа при помощи присоединения русского суффикса к иноязычной основе образуется прилагательное или глагол (реже существительные):

- апгрейд > апгрейдный > апгрейдить;
- архив > архиватор > архиваторный > архивировать;
- баг > багованный > баговать;
- ксерокс > ксеренный > ксерить;
- софт > софтник > софтный > софтить.

© Закиров Р.Д.

Таким образом, русские суффиксы активно используются для образования производных слов от иноязычных основ во всех частях речи.

2. Префиксальный способ вносит добавочное значение новому слову в результате присоединения русских приставок, сохраняя при этом после иноязычной основы русский суффикс:

- шифр > расшифровка > расшифрованный > расшифровать (используется также с префиксами *за-*, *от-*, приобретая иное значение);
- кэш > закэшированный > закэшировать (используется также с префиксом *от-*, приобретая иное значение);
- синхрон > засинхронизированный > засинхронизировать (используется также с префиксом *от-*, приобретая иное значение);
- пак > распаковка > распакованный > распаковать (используется также с префиксом *за-*, приобретая иное значение);
- рендер > перерендеровка > перерендить (используется также с префиксом *про-*, приобретая иное значение).

Таким образом, префиксальное словообразование является довольно продуктивным механизмом адаптации иноязычной лексики в русском языке.

3. Словосложение с интерфиксацией, где между двумя иноязычными основами используется русский интерфикс *-о-* для обозначения лица с характерным действием или наименованием термина или предмета:

- багоюзер (от англ. «buguser») – лицо, использующее баг в компьютере;
- дискодрайвер (от англ. «discdriver») – наименование компонента компьютера (дискеты с загруженными драйверами);
- блогосфера (от англ. «blogsphere») – совокупность всех блогов по всему миру, чаще всего выступает в качестве термина.

4. Аббревиация и усечение основы – способ также является актуальным в современном русском языке. Э.М. Медникова в работе «Вопросы оптимизации естественных коммуникативных систем» говорит о данных лексических единицах, отмечая важную необходимость «кодировать слова так, чтобы выражение было более экономным, а также устранялась излишняя избыточность информации» [11, с. 92].

Аббревиатуры, образованные при помощи русских основ:

- ЦП – центральный процессор;
- ОЗУ – оперативное запоминающее устройство;

- ПЗУ – постоянное запоминающее устройство;
- ДУ – дисковое устройство;
- ЖД – жёсткий диск;
- ИБП – источник бесперебойного питания;
- ПК – персональный компьютер;

Слова, образованные путём усечения:

- комп – от *компьютер*;
- инет – от *Интернет*;
- ноут – от *ноутбук*;
- клавиша – от *клавиатура*;
- винт – от «винчестер» (жёсткий диск);
- прога – от *программа*.

5. Одним из интересных процессов, связанных со словообразовательной ассимиляцией заимствований, является универбация. Это явление, при котором иноязычное словосочетание сокращается до одного слова по моделям русского языка, например:

- *электронная почта* > e-mail – иноязычное словосочетание от английского «electronic mail», сокращается до одного слова, сохраняя при этом английскую графическую форму;
- *система глобального позиционирования* > GPS – длинное описательное словосочетание происходит от английского «Global Positioning System», в результате сокращается до аббревиатуры GPS;
- *информационные технологии* > ИТ – словосочетание происходит от английского «Information Technologies»;
- *компакт-диск* > CD – двухсловное иноязычное наименование происходит от английского «compact disc», которое преобразуется в аббревиатуру CD и заимствуется в готовом виде русским;
- *искусственный интеллект* > ИИ – словосочетание происходит от английского «artificial intelligence», однако аббревиатура осуществляется в русской принимающей системе.

Такие примеры демонстрируют, как иноязычные описательные наименования адаптируются к более лаконичным формам в русском языке посредством универбации.

Существуют варианты разговорной универбации в современном русском языке, такие как:

- *персональный компьютер* > комп – вместо официального сокращения «ПК» в разговорной речи используется более краткая форма *комп*;

- *оптический диск* > оптик или оптика – словосочетание *оптический диск* имеет два разговорных аналога;

- *электронная сигарета* > вейп – происходит от английского слова «vape» (пускать пар);

- *беспилотный летательный аппарат* > дрон;

- *гибридный автомобиль* > гибрид.

Такие разговорные универбации демонстрируют тенденцию русского языка к сокращению и упрощению иноязычных многословных наименований в повседневном общении.

Заключение.

Таким образом, вышеперечисленные слова представляют собой термины/сленгизмы, свойственные языку специалистов в определенной области, и используются ими для обеспечения лаконичности профессионального речевого общения. Появление данных лексических единиц обусловлено необходимостью номинации новых объектов и явлений и не может быть квалифицировано как избыточное.

Словообразовательная ассимиляция иноязычной лексики является одним из ключевых аспектов адаптации заимствованных слов к системе русского языка. Этот процесс демонстрирует высокую степень проницаемости русской лексической системы и ее способность интегрировать элементы других языков.

Использование иноязычных морфем, таких как основы, префиксы и суффиксы в продуктивных моделях русского словообразования ведет к появлению новых лексических единиц, расширению словарного состава языка. Продуктивность ряда иноязычных словообразовательных элементов свидетельствует об их прочном закреплении в системе русского языка.

Словообразовательная ассимиляция иноязычной лексики затрагивает не только морфологический, но и структурный аспект. Некоторые модели словообразования, характерные для языков-источников, начинают проникать в русский язык, расширяя его словообразовательные возможности.

Процесс словообразовательной ассимиляции часто сопровождается появлением словообразовательных вариантов, отражающих поиск оптимальных моделей для адаптации иноязычных элементов. Кроме того, существуют иноязычные слова, которые сохраняют черты оригинального написания и словообразовательной структуры, но при этом интегрируются в русскую словообразовательную систему.

Изучение словообразовательного аспекта иноязычной лексики в русском языке позволяет глубже понять механизмы взаимодействия и взаимовлияния различных языковых систем. Этот процесс демонстрирует высокую адаптивность

русского языка, его способность ассимилировать и преобразовывать заимствованные элементы в соответствии с собственными закономерностями.

Дальнейшее исследование словообразовательной ассимиляции иноязычной лексики имеет важное значение для понимания динамики развития русского языка, а также для совершенствования методик преподавания русского языка как родного и иностранного.

Заимствование иноязычной лексики и процесс их словообразовательной ассимиляции является неотъемлемой частью развития современного русского языка. Однако следует отметить, что прототипы, которые попадают в русскую лексику, активно ею ассимилируются на всех уровнях языковой системы, поэтому обеспокоенность некоторых лингвистов по поводу чрезмерного влияния английского языка представляется несколько преувеличенной.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков. СПбГУ, 1901. С. 12–24.
2. PC – всё о IT. URL : <https://vk.com/technology.help> (дата обращения 12.07.2024).
3. BRIGMAN. URL : <https://vk.com/brigman> (дата обращения 12.07.2024).
4. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М. : АСТ: Астрель, 2011. 413 с.
5. Involta science (IT словарь терминов и аббревиатур). URL : <https://science.involta.ru/glossary> (дата обращения 12.07.2024).
6. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М. : АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с.
7. Габдреева Н.В. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода : монография / Н.В. Габдреева, А.В. Агеева, А.Р. Тимиргалеева. М. : ФЛИНТА; Наука, 2019. 328 с.
8. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М. : Знак, 1996. С. 142.
9. Изюмская С.С. Неологизмы английского происхождения в русской прессе 90-х годов: структурно-семантический и коммуникативно-функциональный аспекты : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов-н/Д., 2000. 168 с.
10. Карпов А.К. Словообразование современного русского языка. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2000. 282 с.
11. Медникова Э.М. Вопросы оптимизации естественных коммуникативных систем / Э.М. Медникова, Л.А. Шеляховская. М. : Московский университет, 1971. 166 с.
12. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX-начала XXI века: проблемы освоения и функционирования : дис. ... д. филол. наук: 10.02.01. М., 2008. 509 с.
13. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М. : Флинта; Наука, 2009. 582 с.
14. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. 2-е изд. М. : Большая советская энциклопедия, 1998. 685 с.

References:

1. Baudouin de Courtenay I.A. On the mixed character of all languages. SPbGU, 1901. P. 12–24.
2. PC – all about IT. URL : <https://vk.com/technology.help> (date of application 12.07.2024).
3. BRIGMAN. URL: <https://vk.com/brigman> (date of application 12.07.2024).
4. Shagalova E.N. The newest explanatory dictionary of the Russian language of the 21st century: about 1,500 words. M. : AST : Astrel, 2011. 413 p.
5. Involta science (IT dictionary of terms and abbreviations). URL : <https://science.involta.ru/glossary> (date of application 12.07.2024).
6. Baudouin de Courtenay I.A. Selected works on general linguistics : in 2 vol. M. : USSR Academy of Sciences, 1963. Vol. 1. 384 p.
7. Gabdreeva N.V. Foreign vocabulary in the Russian language of the modern period : monograph / N.V. Gabdreeva, A.V. Ageeva, A.R. Timirgaleeva. M. : FLINTA; Science, 2019. 328 p.
8. Krysin L.P. The word in modern texts and dictionaries: Essays on Russian vocabulary and lexicography. M. : Znack, 1996. P. 142.

9. Izyumskaya S.S. Neologisms of English origin in the Russian press of the 90s: structural-semantic and communicative-functional aspects: dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.01. Rostov-on/D., 2000. 168 p.
10. Karpov A.K. Word formation of the modern Russian language. Nizhnevartovsk : Publishing house of the Nizhnevartovsk Pedagogical Institute, 2000. 282 p.
11. Mednikova E.M. Issues of optimization of natural communication systems / E.M. Mednikova, L.A. Shelyakhovskaya. M. : Moscow University, 1971. 166 p.
12. Marinova E.V. Foreign words in Russian speech of the late 20th – early 21st century: problems of development and functioning : dis. ... Doctor of Philology: 10.02.01. M., 2008. 509 p.
13. Mechkovskaya N.B. History of language and history of communication from cuneiform to the Internet: a course of lectures on general linguistics. M. : Flinta; Nauka, 2009. 582 p.
14. Linguistics. Great Encyclopedic Dictionary / Edited by V.N. Yartseva. 2nd edition. M. : Great Soviet Encyclopedia, 1998. 685 p.

Информация об авторе

Закиров Раиль Дамирович

ассистент кафедры русского языка как иностранного,
Высшая школа русской филологии
и культуры им. Льва Толстого,
Институт филологии и межкультурной коммуникации
ORCID: 0009-0002-8634-5642
rail.zakirov.1999@mail.ru

Rail' D. Zakirov

Assistant Professor of the Department
of Russian as a Foreign Language,
Lev Tolstoy Higher School
of Russian Philology and Culture,
Institute of Philology and Intercultural Communication
ORCID: 0009-0002-8634-5642
rail.zakirov.1999@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.05.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-15>

УДК 81

Attribution

cc by

КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мутусханова Р.М.

Чеченский государственный педагогический университет

Аннотация. Современный русский язык находится под активным влиянием глобализационных процессов, в результате которых усиливается роль иноязычных заимствований, в частности англицизмов, в различных сферах коммуникации. В данной работе предпринята попытка комплексного анализа когнитивных и коммуникативных аспектов функционирования заимствованной лексики в актуальном языковом пространстве. С когнитивной точки зрения, заимствования рассматриваются как элементы, способствующие формированию новых понятий и концептуальных схем, отражающих изменения в социальной, технологической и культурной сферах. Они становятся средствами категоризации новых явлений и являют собой важный индикатор языковой адаптации к быстро меняющейся реальности. Коммуникативные аспекты связаны с использованием заимствований как элементов стилистического оформления речи, маркеров принадлежности к определённым социальным, профессиональным или возрастным группам, а также с их функцией упрощения или уточнения смысла в условиях многоканальной и быстрой коммуникации, характерной для цифровой среды. Анализируются примеры заимствований в медиадискурсе, рекламе, блогосфере, в студенческом и молодежном сленге, где заимствованная лексика активно используется как средство самовыражения и инструмент коммуникативной гибкости. Отдельное внимание уделяется оценочной и эмоциональной нагрузке заимствований, а также их восприятию в массовом сознании: от критики избыточности и «засорения» языка до признания заимствованных слов как необходимых средств описания новых реалий. Работа базируется на эмпирических лингвистических данных, включает сравнительный анализ и опирается на положения когнитивной лингвистики, социолингвистики и прагматики.

Ключевые слова: заимствования, когнитивные процессы, языковое сознание, англицизмы, коммуникативная практика, молодежный сленг, цифровая среда, языковая адаптация, лингвистическая инноватика, социолингвистика.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

COGNITIVE AND COMMUNICATIVE ASPECTS OF BORROWINGS IN MODERN RUSSIAN

Ramisa M. Mutuskhanova

Chechen State Pedagogical University

Abstract. Modern Russian is under the active influence of globalization processes, as a result of which the role of foreign-language borrowings, in particular Anglicisms, is increasing in various fields of communication. In this paper, an attempt is made to comprehensively analyze the cognitive and communicative aspects of the functioning of borrowed vocabulary in the current linguistic space. From a cognitive point of view, borrowings are considered as elements contributing to the formation of new concepts and conceptual schemes reflecting changes in the social, technological and cultural spheres. They become a means of categorizing new phenomena and are an important indicator of linguistic adaptation to a rapidly changing reality. The communicative aspects are related to the use of borrowings as elements of stylistic design of speech, markers of belonging to certain social, professional or age groups, as well as their function of simplifying or clarifying meaning in conditions of multi-channel and fast communication typical of the digital environment. The article analyzes examples of borrowings in media discourse, advertising, the blogosphere, in student and youth slang, where borrowed vocabulary is actively used as a means of self-expression and a tool for communicative flexibility. Special attention is paid to the evaluative and emotional burden of borrowings, as well as their per-

ception in the mass consciousness: from criticism of redundancy and «clogging» of language to recognition of borrowed words as necessary means of describing new realities. The work is based on empirical linguistic data, includes comparative analysis and is based on the provisions of cognitive linguistics, sociolinguistics and pragmatics.

Keywords: borrowings, cognitive processes, linguistic consciousness, Anglicisms, communicative practice, youth slang, digital environment, linguistic adaptation, linguistic innovation, sociolinguistics.

Funding: Independent work.

Введение. Современный этап развития русского языка характеризуется высокой степенью открытости к внешнему воздействию и взаимодействию с другими языковыми системами, в первую очередь, с английским. Это обусловлено не только глобализационными и технологическими процессами, но и активным участием русскоязычного сообщества в международной коммуникации, цифровой культуре и информационном обмене.

Одним из наиболее заметных проявлений таких процессов является стремительный рост иноязычных заимствований – прежде всего англицизмов – в различных сферах современного общения: от научной и деловой речи до повседневного интернет-дискурса.

Явление заимствований в языке существует с древнейших времен, однако в XXI веке оно приобретает новые когнитивные и коммуникативные характеристики. Заимствования не просто пополняют словарный состав языка – они влияют на способы концептуализации реальности, меняют структуру ментальных репрезентаций, служат маркерами групповой идентичности и инструментами социокультурной дифференциации. Особенно заметной становится эта тенденция в условиях цифровой среды, где языковое поведение характеризуется высокой степенью спонтанности, гибкости и экспрессивности.

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления влияния заимствованной лексики на когнитивные процессы и коммуникативную практику носителей русского языка. Важно не только зафиксировать количество и типологию заимствований, но и понять, какие функции они выполняют, как интерпретируются, перерабатываются и адаптируются в языковом сознании, каким образом они влияют на структуру дискурса и коммуникативные стратегии.

Целью данной работы является анализ когнитивных и коммуникативных аспектов заимствований в современном русском языке, выявление их роли в структурировании знаний, формировании идентичности и организации речевого взаимодействия в различных коммуникативных сферах.

Обсуждение. Результаты.

Заимствования в современном русском языке выполняют не только номинативную функцию, то есть служат для обозначения новых реалий и понятий, но и активно вовлекаются в процессы

концептуализации и категоризации окружающего мира. В рамках когнитивного подхода такие элементы рассматриваются как важные компоненты языковой картины мира, отражающие изменения в мышлении и восприятии действительности.

На уровне индивидуального и коллективного сознания заимствованные единицы могут становиться когнитивными «маркерами» определённых сфер, таких как IT, маркетинг, мода, политика, а также цифровая культура. Например, заимствования типа «стартап», «кейс», «фейк», «скилл», «нетворкинг», «бренд» и др. часто не имеют точных аналогов в русском языке, что способствует их активному включению в профессиональную и повседневную речь. При этом заимствование включает не только слово, но и целый понятийный блок, «зашифрованный» в иноязычную лексику. Так, слово «кейс» обозначает не просто «пример» или «ситуацию», а совокупность методов, стратегий и контекстов, связанных с обучением и управлением, а «скилл» подчеркивает практическое умение, акцентируя его рыночную востребованность [1].

С когнитивной точки зрения, такие заимствования влияют на структуру ментальных категорий носителей языка.

Под воздействием англоязычной модели происходит смещение фокуса:

- появляется тенденция к прагматизации мышления;
- доминируют категории эффективности, целеполагания, саморазвития.

Лингвисты (например, Е.С. Кубрякова, Т.В. Булыгина) отмечают, что языковая картина мира – не статическая система, а подвижная структура, отражающая эволюцию знаний и ценностей. Включение иноязычных элементов в неё свидетельствует об изменении когнитивных стратегий и стилей мышления.

С точки зрения коммуникативных функций, заимствования становятся маркерами групповой идентичности, особенно в молодежной среде и профессиональных сообществах. Использование англицизмов позволяет подчеркнуть принадлежность к «продвинутой» культуре, глобальному дискурсу, профессиональной компетентности [2]. Так, выражения «прокачать софт-скиллы», «зайти на митап», «апнуть уровень» являются не просто средствами передачи информации, но и выполняют социально-

коммуникативные функции – они кодируют принадлежность к определённой социальной или профессиональной группе.

Цифровая среда, в свою очередь, усиливает процессы заимствования и ускоряет их распространение. В интернете новые слова мгновенно внедряются в обиход, проходят процессы деривации и адаптации: появляются производные формы (*лайкать, шарить, банить*), гибридные конструкции (*фейковая новость, топовый контент*), изменяются морфологические свойства слов [3]. Часто наблюдается и игровое переосмысление заимствованных слов – например, в форме сленговых сокращений (*инфлюенс, токс от токсичный*) или креативных орфографических трансформаций (*брЭнд, трэш*).

Коммуникативный аспект заимствований проявляется в их способности выполнять функцию социального и профессионального маркирования: употребление определённых заимствованных слов и выражений (например, «бренд», «нетворкинг», «таргетинг», «лайфхак») указывает на принадлежность говорящего к определённой социальной группе, профессиональному сообществу или культурной среде. Заимствования становятся элементами ситуативной адаптации: в разных коммуникативных контекстах они могут выполнять экспрессивную, прагматическую, эмоциональную или игровую функцию. В молодёжной среде, например, наблюдается активное употребление заимствований из английского языка, таких как «зашеймить», «рейтить», «пранк», «бустить», «токсик», «вайб», которые не только обозначают действия или состояния, но и формируют языковую идентичность, отражая принадлежность к цифровой культуре и трендовому дискурсу.

Заимствования также влияют на процессы формирования и выражения культурной и профессиональной идентичности. Овладение определённым пластом иноязычной лексики часто становится показателем культурной включённости, образованности и коммуникативной гибкости.

В языковой практике специалистов в области маркетинга, IT, психологии, медиа и других сфер активно используются термины английского происхождения, такие как «воркшоп», «скиллы», «фидбек», «майндсет», «трекинг», «брейншторм», которые не только упрощают коммуникацию, но и создают ощущение принадлежности к международному сообществу [6].

В блогосфере заимствованная лексика стала неотъемлемым элементом повседневной речевой практики. Блогеры активно используют слова и выражения вроде «сторис», «фолловеры», «лайкнуть», «реелс», «стрим», «подкаст», «дроп», «ивент», «краш», «контент-мейкер» и т.д. Причем, заимствования не только интегрируются в речь, но и подвергаются морфологической и словообразовательной адаптации: появляются формы типа «запостить», «залайкать», «забанить», «захейтить», «запушить». Это демонстри-

рует не только степень освоения заимствований, но и высокую степень языковой креативности, характерную для интернет-коммуникации. Заимствования здесь становятся неотъемлемой частью самопрезентации, усиления личного бренда, формирования неформального, доверительного стиля общения с аудиторией [9].

В студенческой и молодёжной среде заимствования – это один из ключевых компонентов сленга, отражающего мировоззрение, ценности и культурную принадлежность молодого поколения. Такие слова, как «краш» (объект симпатии), «флексить» (демонстрировать что-то с пафосом), «рофл» (шутка, прикол), «зашеймить» (публично осудить), «левелапнуться» (прокачаться), «чиллить» (отдыхать), используются в повседневной речи в вузах, мессенджерах, на форумах и в соцсетях. Эти заимствования не только выполняют экспрессивную функцию, но и служат социальными маркерами, обозначающими принадлежность к поколению Z или Y, к определенной субкультуре или интерес-группе.

Таким образом, молодёжный сленг с заимствованной лексикой становится формой лингвистического самовыражения, способом выстраивания коммуникации на равных и одновременно – инструментом разграничения своего круга от «чужих».

Заключение.

Когнитивные и коммуникативные аспекты заимствований в современном русском языке отражают сложные и многослойные процессы, происходящие на стыке языка, мышления и социокультурной динамики. Заимствования перестают быть просто средствами номинации – они становятся важными маркерами изменения ментальных структур, трансформации языковой картины мира и способов коммуникации в условиях глобализации и цифровизации общества.

С когнитивной точки зрения, иноязычные элементы формируют новые категории и концепты, способствуют перераспределению смысловых акцентов, изменяют привычные модели концептуализации действительности. Коммуникативно они служат маркерами идентичности, индикаторами принадлежности к определённым сообществам, профессиональным или социальным группам, а также участвуют в формировании новых языковых норм и стилистических регистров – особенно в условиях интернет-коммуникации.

Активное проникновение заимствований в речь различных возрастных и социальных групп подтверждает их устойчивость и адаптивность, несмотря на существующее мнение о «засорении» языка. Текущая языковая ситуация требует не запрета, а осмысленного подхода к явлению заимствования – с позиций языковой политики, образования и культурной медиативности.

Таким образом, анализ когнитивных и коммуникативных аспектов заимствований позволяет глубже понять, как язык отражает современные тенденции в культуре, обществе и мышлении, и

подчеркивает необходимость изучения этих процессов в рамках междисциплинарного научного подхода.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Словарь культуры XXI века: Глобальная серия / Сост. И. Сид; Науч. ред. В. Руднев. М. : Центр книги Рудомино, 2022. Т. 1.
2. Матузов Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. М. : Дело, 2022.
3. Огурчиков А. ICQ перестанет работать. Чем запомнился мессенджер // Hi-tech.Mail.ru. 2024. 28 мая. URL : <https://hi-tech.mail.ru/review/110374-icqperestanet-rabotat> (дата обращения 08.04.2025).
4. Каминская Т.Л. Трансформация жанровой системы медиа // Журналистика в 2020 году : творчество, профессия, индустрия: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конференции. М. : Ф-т журналистики МГУ, 2021. С. 447–448.
5. Шмелева Е.Я. Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 46–52.
6. Bail Ch. Breaking the social media prism : how to make our platforms less polarizing. USA : Princeton University Press, 2021. 240 p.
7. Social Cohesion and Volunteering: Correlates, Causes and Challenges / Z. Horsham [et al.] // Translational Issues in Psychological Science. 2024. Vol. 10. № 1. P. 51–68. URL : <https://doi.org/10.1037/tps0000387>

References:

1. Dictionary of 21st Century Culture: Global Series / Compiled by I. Sid; Scientific editor V. Rudnev. M. : Rudomino Book Center, 2022. Vol. 1.
2. Matuzov N.I. Theory of State and Law / N.I. Matuzov, A.V. Malko. M. : Delo, 2022.
3. Ogurchikov A. ICQ will stop working. What the messenger will be remembered for // Hi-tech.Mail.ru. 2024. May 28. URL : <https://hi-tech.mail.ru/review/110374-icqperestanet-rabotat> (date of application 04/08/2025).
4. Kaminskaya T.L. Transformation of the genre system of media // Journalism in 2020: creativity, profession, industry: collection of materials of the International. scientific-practical. conferences. M. : Faculty of Journalism, Moscow State University, 2021. P. 447–448.
5. Shmeleva E.Ya. Internet communication: new trends in Russian word formation // Upper Volga Philological Bulletin. 2015. № 2. P. 46–52.
6. Bail Ch. Breaking the social media prism : how to make our platforms less polarizing. USA : Princeton University Press, 2021. 240 p.
7. Social Cohesion and Volunteering: Correlates, Causes and Challenges / Z. Horsham [et al.] // Translational Issues in Psychological Science. 2024. Vol. 10. № 1. P. 51–68. URL : <https://doi.org/10.1037/tps0000387>

Информация об авторе

Мутусханова Рамиса Мухтаровна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского языка
и методики его преподавания,
Чеченский государственный
педагогический университет
mramisa@mail.ru

Ramisa M. Mutuskhanova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Russian Language and Methods of its Teaching,
Chechen State Pedagogical University
mramisa@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.05.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-13>

УДК 81'43:82

Attribution

cc by

СОВРЕМЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Тагаев М.Д.¹, Немыка А.А.²

¹Институт русского языка им. А.О. Орусбаева
Киргизско-Российский Славянский университет
имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина,

²Кубанский государственный университет

Аннотация. Статья связана с весьма актуальной в лингвистике и методике преподавания русского языка как иностранного проблемой презентации современного прозаического текста в иноязычной аудитории, его отбора и уровневой маркированности. Авторы комплексно исследуют различные аспекты данной лингводидактической и научной проблемы, предлагают пути их решения, характеризуют модели изучения текстов современной художественной прозы в аудиториях различного типа. Авторы проводят анализ русских прозаических текстов и определяют функциональную специфику их репрезентации в иноязычной аудитории, делают выводы о характере лингвокультурной и междисциплинарной компетенции обучающего и обучаемого, способах оценки параметров сложности художественного текста и его отбора. В исследовании системно представлены приемы, применяющиеся при активной интеграции художественного текстового материала в обучение русскому языку инофонов.

Ключевые слова: художественный текст, современная русская проза, русский язык как иностранный, прикладная лингвокультурология.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CONTEMPORARY ARTISTIC PROSE IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Mamed D. Tagaev¹, Anna A. Nemyka²

¹Russian Language Institute named after A.O. Orusbaev
Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President
of the Russian Federation B.N. Yeltsin,

²Kuban State University

Abstract. The article is related to the very relevant in linguistics and methods of teaching the Russian language as a foreign language problem of presenting a modern prose text in a foreign language audience, its selection and level marking. The authors comprehensively study various aspects of this linguistic and scientific problem, propose ways to solve them, characterize models for studying texts of modern fiction in audiences of various types. The authors analyze Russian prose texts and determine the functional specifics of their representation in a foreign language audience, draw conclusions about the nature of the linguistic, cultural and interdisciplinary competence of the teacher and student, methods for assessing the complexity parameters of the artistic text and its selection. The study systematically presents the techniques used in the active integration of artistic text material into teaching the Russian language to foreign speakers.

Keywords: artistic text, modern Russian prose, Russian as a foreign language, applied linguoculturology.

Funding: Independent work.

Введение

Использование текстов современной русской прозы, в практике преподавания русского языка

как иностранного имеет ряд лингводидактических и лингвокультурных особенностей: оно должно учитывать проблемы правильного отбора текста для аутентичного использования и при

необходимости – его уровневой адаптации. Это, несомненно, способствует развитию языковых и общекультурных навыков у иностранных обучающихся, а также развитию у них лингвокультурной и межкультурной компетенции.

Одна из особенностей использования художественного текста в учебном процессе состоит в том, что он содержит множество языковых и культурных элементов, которые могут быть неясны иностранным студентам. Поэтому важно проводить языковой и культурный анализ художественного текста, чтобы помочь студентам верно семантизировать необходимые лексические и лексико-грамматические конструкции, а также сложные лингвокультуремы.

Изучение современной русской художественной прозы способствует развитию межкультурной компетенции иностранных студентов. Это может быть достигнуто посредством анализа культурных норм и ценностей, представленных в аксиологических доминантах текста, работе с аутентичными материалами и развитию межкультурных навыков.

Художественный текст может быть использован для развития навыков текстовой интерпретации. Это поможет студентам лучше понимать русскую культуру и менталитет, а также должно способствовать улучшению навыков работы не только со значениями, но и со смыслом текста как единого целого.

Обсуждение

В лингводидактике применяются различные подходы, позволяющие иностранным студентам познавать русскую культуру. Так, Е.М. Верещагии и В.Г. Костомаров в своих работах по лингвострановедению развивали идею освоения языка и культуры.

С их точки зрения, «усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком» [2, с. 4].

Особое внимание привлекают лингвокультуремы» [3], выраженные фрагментами литературных текстов или даже полноценными художественными произведениями. Их восприятие приобщает личность к культуре, направлено на понимание культурных кодов, а также интеграцию человека в определенный культурный социум. Личность если не на сознательном, то на подсознательном уровне вливается в концептуальную сферу определенного народа.

Лингвокультурологическая интерпретация основывается на рассмотрении художественного текста с точки зрения феномена речи, языка и культуры. Современный русский прозаический художественный текст отражает ментальные особенности носителей языка, их национальную языковую картину мира, предполагая выявление специфической информации, представлений, зна-

ний, фактов, реалий, речевых формул, которые относятся к конкретной этнокультуре. Именно поэтому при лингвокультурологической интерпретации художественный текст является «хранилищем» информации, которое содержит сведения о культуре народа, его быте и нравах.

Результаты

Анализируя проблемы отбора и уровневой маркированности текста для изучения в иностранной аудитории, следует учитывать значимость составления качественного и достаточного лингвострановедческого комментария. Такой анализ помогает понять, как язык и культура взаимосвязаны и влияют друг на друга, а также расшифровать языковые и культурные особенности, которые могут быть не вполне понятны читателю из другой страны.

Изменения в жизни современного российского общества, а также трансформация сфер межнационального общения показывают, что дальнейшее развитие будет продуктивно лишь в ситуации диалога представителей различных национальных культур, религиозных сообществ, которые способны понять другую культуру.

Особенно значима ориентация методики преподавания иностранных языков, а в частности русского языка как иностранного, не только на грамотное овладение иностранным языком, но и на изучение культуры народа, который говорит на этом языке.

Лингвострановедческие комментарии к тексту помогают читателю лучше понять язык и культуру страны изучаемого языка.

На занятиях по русскому языку как иностранному особо важную роль играет использование современных прозаических текстов, так как они могут быть объектом наблюдения за фактами формирования языковой картины мира конкретного этноса. Кроме этого, прозаические тексты выступают материалом для тренировки, формируют умения и навыки в разных видах речевой деятельности и, являясь источником лингвострановедческой информации, становятся объектом изучения современных ученых-лингвистов.

Явления национальной культуры отражаются в художественной литературе в конкретном историческом хронотопе. Идеалы, которые являются характерными для данной страны, отдельного исторического периода, выражаются в концепции писателя. В ней всегда отражены определенные нравственные, социальные, эстетические ориентиры. Такие явления в полном объеме доступны носителям языка, то есть людям, которые вобрали в себя национально-страноведческие знания, однако они в большей мере остаются неясными для иностранной аудитории.

Национальные элементы содержания имплицитно проходят через всю ткань произведения, об-

наруживая себя в реляционных, а также в номинативных единицах языка, на своем пути создают трудности для объемного, осознанного восприятия данных элементов иностранным читателем.

Абсолютно оправданным при отборе является стремление к тому, чтобы изучаемые прозаические тексты обладали достаточной культурной значимостью, формируя представление о специфике культурного кода носителя языка. Сведения, почерпнутые из таких текстов, часто актуализируются носителями: русского языка в бытовом, массово-информационном и литературно-художественном дискурсе. Поэтому знакомство с ними помогает иностранным учащимся расширить коммуникативную компетенцию, уменьшить трудности в постижении других русскоязычных текстов и стать полноценным участником коммуникации.

Таким образом, актуальным представляется выбор в качестве объектов изучения в иностранной аудитории прозаических текстов Евгения Водолазкина, Виктории Токаревой, Сергея Довлатова, Людмилы Петрушевской, Дины Рубиной, Михаила Елизарова и других известных современных авторов. Их прозаические тексты хранят и транслируют культурную информацию в достаточно концентрированном и в той или иной степени инвариантном формате исследуемого хронотопа. Анализ единиц вербального и когнитивного уровней в рамках данного художественного пространства позволяет обнаружить фрагменты русской языковой картины мира, которая отражает мифологические, фольклорные, религиозные традиции русского народа.

Именно содержательно-концептуальная информация наиболее значима в рамках лингвокультурного подхода к анализу текста, так как в ней содержатся этнокультурные особенности, репрезентующие социальную, экономическую, политическую, культурную жизнь народа.

Представляется ярким и еще малоисследованным с позиций лингвокультурологического анализа роман Михаила Елизарова «Библиотекарь». С первых строчек романа читатель сталкивается с лингвокультурными содержательно-фактологическими характеристиками. Так известно, что книги Громова бесследно исчезли «когда политические катастрофы разрушили советскую Родину». Данные слова сразу отсылают к историческим событиям, связанным с распадом СССР. Лексемы, называющие исторические события или намекающие на них, встречаются на протяжении всего текста.

Слова и словосочетания *фронт, зима сорок третьего, добровольцы, ополчение, госпиталь, в мае война завершилась* (имеется в виду май 1945 года), *фронтотик*, представленные в главе, посвященной Лагудову не только свидетельствуют об исторических событиях, связанных с Великой Отечественной войной, но и являются важной частью характеристики героя.

Со свидетельствами войны читатель встречается на протяжении всего романа. Так, главному герою, который следует в Широнино, в русской глубинке попадает на глаза мемориальная доска, в которой перечисляются имена людей, павших в этих краях. Этот очень важный лингвокультурный аспект: монументы в память о погибших в годы Великой Отечественной войны находятся не только в больших городах, но и в маленьких забытых поселениях.

Лингвокультуреми хрущевская оттепель, конец восьмидесятых, называющие периоды советской эпохи, приводятся автором при описании биографии того или иного героя, с целью репрезентации ступеней развития и условий, в которых формировалась личность персонажа.

Девяносто первый год, лихие девяностые, начало девяностых дает начало новой жизни, в новом обществе капиталистов, в новой стране. Герой не акцентирует на этом внимание, но для любого человека на постсоветском пространстве данный период значит многое.

Встречаются в романе и исторические события, далекие от времени действия в романе. Так, крестьянское воинство Емельяна Пугачева, упоминается в контексте описания вооружения одного из отрядов: молотки, ломы, вилы, косы, цепи.

Невербинская битва с самого начала сравнивается автором в Куликовской. Поединок Пересвета с Челубеем, состоявшийся при последней, иронично упоминается в контексте не состоявшегося подобного поединка в художественном мире романа. Ирония, с которой автор проводит параллели, уменьшает значимость и уместность битвы, описанной в тексте.

Отдельную группу составляют лингвокультуремы-топонимы: ташкентская эвакуация, Саратов, Уфа, Центральная Россия, Белоруссия, Свердловск, Сочи, Дальний Восток, Урал, Алтай, Кавказ, ближнее азиатское зарубежье и другие.

Топонимы участвуют в создании образов героев романа, формируют художественный нарратив, характеризуют национально-культурные особенности эпохи Советского Союза и уже современной России. Так Свердловск, названный так в начале романа, к концу называется Екатеринбург и «Екатом». Данный факт отражает смену эпохи, затронувшую названия поселков, городов и целых областей.

Топонимы, называющие не только крупные города, но и маленькие станции, приводит автор: Позырев, Лычевец, Колонтайск. Данные города названы по дореволюционному образцу «уездными», как будто жизнь в них остановилась еще в конце 19 века и не затронули их «лихие» события 20-го.

Примечательно, что топонимы, называющие места, в которых происходили ключевые собы-

тия романа, Широнино и Невербино, выдуманы Михаилом Елизаровым.

В подтверждение застывшей дореволюционной жизни приводятся пейзажные зарисовки города, описывающие не только общий уклад, но социально-культурные особенности жизни провинциальных городов, это некий собирательный образ чудом сохранившегося через века «уездного города»: *дореволюционные постройки с большими окнами, лепнина на стенах, широкие парадные, купеческая благодать.*

Но и факты советского уклада жизни отмечены автором в маленьком городе. Площадь с бронзовым Лениным, броневики, венки и цветы рядом с золотой надписью «1941–1945», постамент с гаубицей – лингвокультуремы, свидетельствующие о фактах советской жизни.

Гармоничное сосуществование дореволюционного уклада жизни и советского подчеркивается автором. Несмотря на «классовую вражду», в маленьком городке произошло соединение двух традиций, дореволюционной и купеческой, которые мирно существуют. Это важный культурный феномен для России: синтез двух эпох, каждая из которых нашла свое место в культурном коде народа, его традициях и укладе жизни.

Когда главный герой приезжает в мелкий провинциальный город, читатель вместе с ним встречается с целым рядом классических, популярных на постсоветском пространстве эргонимов – названиями магазинов, кафе: «Пирожки», «Мороженое», ООО «Ирина», «Продукты», «Соки. Воды», «Сигареты». Однообразие и незамысловатость названий характеризует социально-культурную специфику человека 90-х.

Важной лингвокультурологической особенностью романа «Библиотекарь» является использование таких лингвокультурем как советизмы. Они отражают социально-бытовую действительность того периода, ее реалии. Например, *социалистический, семилетка, заводская многотиражка, целина, колхозы, комсомольцы и пионеры, Ленинка, Союз, промысловики, партия, советская присяга, ЛПТ, дефицитные продукты.*

Советское студенчество представляет особый культурный пласт в жизни общества. В романе он представлен ярко. Лингвокультуремы МХАТ, политех, шпаргалки, студенческие свадьбы встречаются при описании студенческих годов жизни героя.

Использованы и лингвокультуремы, называющие предметы, изучаемые в советском вузе: экзамен по истории КПСС, *научный коммунизм, теория машин и механизмов.*

Культурная жизнь периода конца 80х-начала 90х годов, поставленная на поток, отражена в романе. *КВН, самодеятельность, городской фестиваль, проректор по культурной части, капустастики, затейник-массовик, ДК, зрелищно-массовая халтура, дедморозить, утренники,*

Дом пионеров, праздник «День города», худрук – данные лингвокультуремы передают стандартизованность культуры этого периода.

Без эквивалентная лексика: захудалый, негодяй, смутьяны, дюжина, страждущие.

Лингвокультуремы, называющие ритуалы погребения разных народов, населяющих нашу страну, часто встречаются на страницах романа.

Так, ритуалы погребения народов Крайнего Севера описываются лексемами с национально-культурным компонентом общего порядка, например, *схоронили*. И следом автор приводит такие слова, как *шаман, демон, моржовый клык*. Сам ритуал погребения самоубийцы по определенным правилам (лицом вниз, пригвоздив моржовым клыком) приводится достаточно кратко.

Ритуал русских похорон также приводится без подробностей: поминки, съездить на кладбище. Но здесь важно отметить одну духовно-нравственную установку российского общества: все близкие родственники должны быть похоронены рядом. Именно поэтому отец главного героя хочет захоронить урну с прахом своего брата рядом с могилами родителей и даже ради этого готов перевезти эту урну уже из другой страны.

Все, что связано со смертью и захоронением, в культуре имеет сакральное значение. С телом обращаются бережно, очень аккуратно. Этому есть свидетельство и в тексте романа: столкнувшись с проблемой перевозки денег через границу, мать главного героя «сразу выступила против такой кощунственной конспирации».

Антропонимы *Стенька Разин, Евпатий Коловрат, переросток Ломоносов, Мамай*, называющие исторических лиц, чьи имена стали символами, а их обладатели героями народных легенд, песен, сказаний.

Так, образ Стеньки Разина – это символ вольнолюбия, свободы, смелости, богатырской удачи

Образ Евпатия Коловрата, символизирующий Русь, которая погибает, но не сдается монгольскому хану, упоминается в эпизоде захвата старухами Дома престарелых. Причем символ относится не к самим старухам, захватившим Дом, а к медперсоналу, который пытался выбраться и спасти свою жизнь. Здесь прослеживается позиция автора: он на стороне медперсонала и считает жестокостью все, что происходило при захвате Моховой Дома престарелых.

Переростком Ломоносовым называет себя главный герой, иронизируя над своим решением поступать в театральный вуз в 27 лет.

Лингвокультуремы семантической группы «Город», обнаруживаются в большом количестве в эпизоде осмотра главным героем квартиры, оставленной в наследство дядей: *ЖЭК, панельные пятиэтажки, АТС, хрущевка, подъезд с сидящими около него старухами.*

Яркий образ «дедка» является типичным: татуированное худое плечо (намек на лагерное прошлое), обматерил (низкий социальный статус). Портрет героя тоже типичен: *майка, спортивные, с лампасами штаны, тапки*. Все это атрибуты человека конца 20 века, который живет бедно, выпивает.

Образ председательницы ЖЭКа также характерен: *пухляя, платье в горох, полные икры, покусанные комарами, золотые зубы, похожие на кукурузные зерна, портрет Валерия Леонтьева*.

Особую лингвокультурную ценность представляют собой детали, связанные с тематической группой «Обустройство квартиры», например, такие культуремы как *пластилиновая, с ниткой, пломба, которую срывает председательница ЖЭКа*. Ироничное замечание героя о площади квартиры (двухкомнатные угоды) свидетельствуют о том, что квартиры в панельной застройке середины 20 века были тесными, малогабаритными. Предметами советского и раннего постсоветского быта наполнены следующие несколько абзацев: *провода для просушки белья с деревянными прищепками на балконе, когда-то модные обои «под кирпич», раздвижной диван, торшер на латунной ноге, квитанции, этажерка с книгами, платяной ореховый шкаф, умывальник, безопасная бритва, холодильник «Север», табуретки*.

Следовательно, большинство лингвокультурем данного текстового фрагмента репрезентируют типичность, стандартизованность быта человека конца 90-х годов.

Необходимым представляется включение в процесс обучения языку посредством восприятия и анализа текстов иностранных студентов продвинутого этапа обучения такой единицы когнитивного уровня, как художественный концепт. Изучение концептов, например, концептов «жизнь» и «смерть», представленных в прозе Людмилы Петрушевской, Евгения Водолазкина, Виктории Токаревой, Михаила Елизарова и других ярких представителей современной русской прозаической школы позволяет глубже проникнуть в основы мировидения русского народа, выявить его национальную самобытность, а следовательно, владение подобными единицами является показателем степени сформированности вторичной языковой личности, обеспечивает успешную межкультурную коммуникацию, понимание художественных текстов, уменьшая потенциальную агномию.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Заключение

Предложенный подход к изучению и использованию современных прозаических текстов в лингвострановедческом аспекте соответствует основным векторам лингвокультурологии и лингводидактики.

Эффективная работа с художественными аутентичными текстами имеет определенную специфику: уроки с использованием аутентичных текстов требуют от преподавателя серьезной филологической подготовки, знакомства с особенностями психологии восприятия художественной литературы, знаний в области аксиологии, а также хорошего литературного вкуса и тонкого языкового чутья [1; 4; 5]. Использование аутентичных текстов возможно на различных этапах обучения и варьируется в зависимости от уровня подготовки студентов. На непродвинутых этапах использование художественных текстов в имеет языковые (изучение новой лексики, иллюстрация и объяснение грамматических явлений) и неязыковые (формирование лингвокультурной, социокультурной компетенций студентов) цели. Кроме того, используя художественный текст, преподаватель может совершенствовать навыки и умения монологической, диалогической, письменной речи студентов. Также реализуются эстетические, страноведческие и психолого-педагогические цели обучения.

На более продвинутом этапе обучения либо при работе с филологами-русистами анализ художественного текста приобретает другую специфику и глубину. На данном этапе задача преподавателя – продемонстрировать студентам, что семантика художественного текста не равна сумме всех его предложений. Художественный текст содержит иную глубинную информацию, для вычленения и восприятия которой необходима активная работа сознания читателя. Работая над художественным текстом в иностранной аудитории продвинутого уровня, преподаватель ставит своей целью через погружение в языковую культуру вывести студентов на уровень понимания особенностей национального мышления.

Таким образом, при правильно и системно организованной работе с аутентичным текстом в иностранной аудитории междисциплинарный анализ становится фактором преодоления трудностей восприятия смыслов, которые содержит текст. Преподавателю также следует учитывать степень подготовленности учащихся, их мотивированность и аксиологический потенциал.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. 4-е изд. М. : «Русский язык», 1990.
2. Воркачев С.Г. К апологии лингвокультурного концепта. Волгоград : Парадигма, избранные работы по теории лингвокультурного концепта, 2013.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М. : Российский ун-т дружбы народов, 2008.
4. Елизаров. М. Библиотекарь. М., 2008.
5. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М. : Гнозис, 2013.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001.
7. Немыка А.А. Единицы языка для специальных и художественных целей. Краснодар, 2013.

References:

1. Vereshchagin E.M. Language and culture: Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language / E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov. 4th edition. M. : «Russian language», 1990. 269 p.
2. Vorkachev S.G. Towards an apology for the linguocultural concept. Volgograd : Paradigm, selected works on the theory of linguocultural concept, 2013.
3. Vorobyov V.V. Linguoculturology. M. : Russian University of Peoples' Friendship, 2008.
4. Elizarov. M. Librarian. M., 2008.
5. Karasik V.I. Language matrix of culture. M. : Gnosis, 2013.
6. Maslova V.A. Linguoculturology. M. : Academy, 2011.
7. Nemyka A.A. Units of language for special and artistic purpose. Krasnodar, 2013.

Информация об авторах

Тагаев Мамед Джакыпович

доктор филологических наук,
профессор,
директор Института русского языка
им. А.О. Орусбаева
Киргизско-Российского Славянского университета
имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина;
президент Национальной ассоциации
преподавателей русского языка и литературы
institut_russ@krsu.edu.kg

Mammad D. Tagaev

Doctor of Philology,
Professor,
Director of the Institute of Russian Language
named after A.O. Orusbaev
Kyrgyz-Russian Slavic University
named after the first President
of the Russian Federation B.N. Yeltsin;
President of the National Association of Teachers
of Russian Language and Literature
institut_russ@krsu.edu.kg

Немыка Анна Анатольевна

доктор филологических наук,
доцент,
профессор кафедры русского языка
как иностранного,
Кубанский государственный университет
annemyka@yandex.ru

Anna A. Nemyka

Doctor of Philology,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Russian as a Foreign Language,
Kuban State University
annemyka@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.05.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.06.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-11>

УДК 81.33

Attribution

cc by

ИНТЕГРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ФУНКЦИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Ястребова О.И., Гарцуева О.А.

Северо-Кавказский филиал

Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация. Юридическая практика в России сталкивается с явлением активного внедрения англицизмов в профессиональный язык. Это явление вызвано процессами глобализации, интенсификацией международных контактов и необходимостью адаптации отечественной юриспруденции к мировым правовым стандартам. Англицизмы становятся неотъемлемой частью юридического языка, что требует анализа их роли и влияния на правовую систему и коммуникацию. Целью настоящего исследования является анализ причин и последствий использования англицизмов в российской юридической практике. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: изучение лексических и стилистических особенностей англицизмов, исследование их влияния на юридическую терминологию и коммуникацию, а также определение их роли в международной правовой практике. В исследовании используется комплексный подход, включающий лексико-семантический анализ, изучение профессиональной литературы и проведение опросов среди юристов. Такой подход позволяет всесторонне рассмотреть влияние англицизмов на юридический язык и выявить их значение в профессиональной коммуникации. В данной статье рассматривается вопрос о функционировании англицизмов в современном юридическом языке. Исследование включает анализ влияния англицизмов на юридическую терминологию, их роль в правоприменении и интерпретации норм права. Рассматриваются примеры использования англицизмов в различных юридических контекстах и их восприятие профессиональным сообществом. Статья демонстрирует растущее влияние англицизмов и обсуждает как положительные аспекты, так и потенциальные проблемы (неясность и неоднозначность), представляя интерес для юристов и лингвистов.

Ключевые слова: англицизм, юридический язык, международные отношения, термины, влияние, международное право, использование, заимствования, язык, интеграция.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIO-LEGAL FUNCTION OF ANGLICISMS IN THE MODERN LANGUAGE OF LEGAL PROCEEDINGS

Oksana I. Yastrebova, Oksana A. Gartsueva

North Caucasus branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Abstract. Legal practice in Russia faces the phenomenon of active introduction of anglicisms into the professional language. This phenomenon is caused by globalization processes, intensification of international contacts and the need to adapt to the world legal standards. Anglicisms are becoming an integral part of the legal language, which requires analyzing their role and influence on the legal system and communication. The purpose of this study is to analyze the causes and consequences of the use of anglicisms in Russian legal practice. To achieve this goal, the following objectives are set: to study the lexical and stylistic features of anglicisms, to investigate their influence on legal terminology and communication, and to determine their role in international legal practice. The study uses a comprehensive approach, including lexico-semantic analysis, the study of professional literature and surveys among lawyers. This approach allows for a comprehensive review of the influence of anglicisms on the legal language and identifying their significance in professional communication. This article deals with the issue of the functioning of anglicisms in modern legal language. The study includes the analysis of the influence of anglicisms on legal terminology, their role in law enforcement and interpretation of legal norms. Examples of the use of anglicisms in various legal contexts and their per-

ception by the professional community are considered. The article demonstrates the growing influence of anglicisms and discusses both positive aspects and potential problems (ambiguity and ambiguity), being of interest to lawyers and linguists.

Keywords: anglicisms, legal language, international relations, terms, influence, international law, usage, borrowings, language, integration.

Funding: Independent work.

Введение.

Англицизмы представляют собой заимствованные из английского языка слова и выражения, которые внедряются в другие языки, включая русский, под влиянием различных факторов, таких как глобализация, развитие международных отношений и доминирование английского языка в профессиональных сферах.

В юридическом языке англицизмы имеют особое значение, так как они часто отражают специфические правовые концепты и термины, не имеющие точных аналогов в других языках.

Англицизмы начали проникать в русский язык в эпоху Петра I, когда Россия активно взаимодействовала с западноевропейскими странами. В рамках реформ, направленных на модернизацию страны, заимствование терминов из английского языка стало частью процесса внедрения новых концепций и технологий. Это касалось и юридической сферы, где возникновение новых понятий требовало соответствующих языковых обозначений.

Существенный рост количества англицизмов в юридическом языке наблюдался в 1990-е годы, когда Россия переживала экономические и правовые реформы. Переход к рыночной экономике и активное взаимодействие с международными партнерами обусловили необходимость заимствования терминов, связанных с корпоративным управлением, финансовыми операциями и международным правом, что, в свою очередь, способствовало интеграции англицизмов в юридическую практику.

На современном этапе англицизмы широко используются в таких областях права, как корпоративное и международное право.

Англицизмы играют ключевую роль в адаптации российской юридической системы к международным стандартам. В условиях глобализации использование англоязычных терминов становится необходимым для унификации правовой терминологии. Это подчеркивает необходимость их правильного понимания и использования российскими юристами, что, в свою очередь, способствует более эффективному взаимодействию на международной арене и внедрению передового опыта в национальную практику.

Обсуждение.

Классификация англицизмов в юридической терминологии может основываться на различных

критериях, таких как степень адаптации, функциональное назначение и контекст использования. По степени адаптации англицизмы делятся на полностью заимствованные без изменений, такие как *habeas corpus*, и адаптированные к фонетическим и грамматическим нормам русского языка, например, *лизинг*.

С точки зрения функционального назначения, англицизмы можно разделить на термины, описывающие правовые концепты, такие как *due diligence*, и термины, связанные с организацией и процессами, например, *outsourcing*. Эти классификации способствуют более глубокому пониманию интеграции англицизмов в юридическую лексику и выделению аспектов их использования, требующих особого внимания. В этом контексте, важно отметить, что «юридический дискурс относится к институциональному дискурсу и, как и любой такой дискурс, может быть определен по следующим параметрам: статус участников коммуникации (судья – обвиняемый), цель коммуникации (выявление обстоятельств совершения преступления)» [4].

Англицизмы оказывают значительное влияние на юридическую лексику, привнося новые термины и концепции, которые ранее не имели представительства в традиционном языке. Это связано с глобализацией правовой практики и необходимостью унификации терминологии в международных правовых документах. Такие термины, как *due diligence*, становятся необходимыми для описания процессов, не имеющих точных аналогов в национальных правовых системах. Тем не менее, использование англицизмов создает определенные сложности, так как требует от специалистов высокого уровня владения иностранным языком и понимания контекста их применения.

Примеры использования англицизмов в юридической практике демонстрируют их функциональную необходимость и влияние на правовую коммуникацию. Например, термин *due diligence*, активно применяемый в международных договорах, обозначает процедуру проверки, которая не имеет точного аналога в русском языке. Это позволяет избежать неоднозначности при описании специфических процессов. Однако такие заимствования могут вызывать трудности при переводе и интерпретации, так как терминологическая точность имеет критическое значение в правовом контексте.

Традиционная юридическая лексика, сформировавшаяся в рамках национальных правовых систем, отличается от англоязычной юридической

терминологии как по структуре, так и по способам выражения правовых понятий. Англицизмы, такие как *due process* и *habeas corpus*, представляют собой примеры терминов, которые имеют глубокие культурные и правовые корни в англосаксонской правовой системе. Эти термины несут в себе уникальные концепции, которые не всегда находят точные аналоги в других правовых системах, что может приводить к трудностям в их адаптации и интерпретации. Например, термин *due process* обозначает фундаментальный принцип справедливости в праве, который в различных правовых культурах может интерпретироваться по-разному. Это различие подчеркивает важность внимательного подхода к использованию англицизмов в юридической практике, чтобы избежать недоразумений и ошибок.

Использование англицизмов в юридической практике оказывает значительное влияние на интерпретацию норм права, особенно в контексте международного права и трансграничных правовых отношений. Такие англицизмы, как *due diligence*, часто применяются для обозначения процедур и концепций, которые не имеют прямых эквивалентов в других правовых системах. Это может вызывать сложности при переводе и интерпретации данных терминов, особенно в случаях, когда юридический текст должен быть адаптирован к национальному законодательству. Например, термин *due diligence* в международных договорах указывает на процедуру проверки, которая имеет специфические особенности в зависимости от контекста.

Англицизмы играют значительную роль в составлении и интерпретации судебных документов, особенно в международной практике и в странах с англосаксонской правовой системой. Например, термин *due diligence*, широко используемый в международных юридических делах, обозначает процесс тщательного анализа и проверки информации перед заключением сделки. Его применение в судебных документах позволяет унифицировать терминологию и облегчить понимание процессов для участников из разных стран. Однако, несмотря на это, использование англицизмов требует осторожности, чтобы избежать юридической неопределённости и двусмысленности.

Влияние англицизмов на процесс судебного разбирательства проявляется в их способности обеспечивать точность и универсальность терминологии. Например, такие термины, как *precedent* и *common law*, имеют важное значение в странах с англосаксонской правовой системой и всё чаще используются в других правовых системах для обозначения аналогичных понятий. Это способствует взаимопониманию между юристами из разных стран. Однако чрезмерное или некорректное использование англицизмов может привести к затруднениям в понимании судебных решений и, как следствие, к юридическим ошибкам.

Правоприменительные акты представляют собой документы, в которых излагаются юридические нормы и их применение в конкретных случаях. В современном юридическом языке всё чаще встречаются англицизмы, которые становятся неотъемлемой частью таких актов, особенно в международной практике. Это связано с глобализацией права и необходимостью унификации терминологии для обеспечения взаимопонимания между различными правовыми системами. Например, в сфере цифрового права в России в последние годы отмечается рост использования англицизмов, таких как *quot, blockchainquot* и *quot, cybersecurityquot*, что отражает влияние англоязычных технологий на национальное законодательство.

Использование англицизмов в правоприменительных актах может оказывать положительное влияние на их содержание и интерпретацию. Это способствует унификации терминологии, что облегчает взаимодействие между юристами из разных стран. Многие юридические документы, связанные с международным правом, содержат англицизмы, такие как *quot, due diligencequot* и *quot, compliancequot*, что упрощает их понимание в международной среде. Такие термины часто имеют устоявшееся значение, что минимизирует риск различных интерпретаций. Однако использование англицизмов в правоприменительных актах также имеет свои недостатки.

Одной из основных проблем является возможность юридической неопределённости, возникающей из-за некорректного перевода или интерпретации таких терминов. Кроме того, чрезмерное использование заимствований может затруднить восприятие текста для лиц, не обладающих достаточными знаниями английского языка.

В юридической практике использование англицизмов может способствовать более точному выражению правовых концепций, особенно в международных делах. Например, термин *quot, due diligencequot*, широко применяется для обозначения процесса тщательной проверки и анализа информации перед заключением сделки. Этот англицизм позволяет юристам из разных стран эффективно взаимодействовать.

Таким образом, некорректное или неоправданное использование англицизмов может усложнять правоприменение. В этом контексте важно отметить, что «актуальность исследования обусловлена изучением необходимости в развитии такого феномена как неологизм в современном английском» [6].

Сравнительный анализ успешного и неудачного применения англицизмов показывает, что их влияние на правоприменение зависит от контекста и уровня подготовки специалистов. С одной стороны, такие термины, как *quot, due diligencequot*, способствуют точности и понятности юридических процессов, особенно в международной практике. С другой стороны, недостаток четких определений или неуместное исполь-

зование, как в случае с *quot, outsourcingquot*, может привести к юридической путанице.

Следовательно, необходима тщательная оценка целесообразности использования англицизмов в каждом конкретном случае, чтобы минимизировать риски и повысить эффективность правоприменения.

Интерпретация норм права, содержащих англицизмы, представляет собой сложный процесс, требующий не только знания языка оригинала, но и глубокого понимания контекста, в котором используются те или иные термины. В юридической практике англицизмы часто применяются для обозначения новых концепций или явлений, не имеющих точного аналога в национальных языках. Это создает необходимость их адаптации для использования в правовой системе, что нередко сопровождается трудностями в интерпретации. Например, термин *quot, due diligencequot*, в российском законодательстве вызывает сложности в понимании и применении, поскольку отсутствует единый подход к его интерпретации. Проблема языковых контактов, как отмечает А.Р. Алеева, *quot* имеет длительную историю, и за период исследований сложилась терминологическая система, используемая в научных работах [1].

Примеры правовой неопределённости, вызванной использованием англицизмов, можно наблюдать в разных правовых системах. Это обусловлено тем, что языковая структура и юридическая культура каждой страны влияют на восприятие и понимание заимствованных терминов.

А.Р. Алеева отмечает, что «заимствование слов из одного языка в другой является закономерным следствием языковых контактов во всех сферах общественной жизни: в области политики, экономики, науки, культуры, здравоохранения, спорта» [1].

Такие ситуации могут приводить к правовым спорам и затруднениям в правоприменении, что подчеркивает необходимость разработки методологических подходов к унификации интерпретации.

Англицизмы оказывают значительное влияние на точность правоприменения, поскольку их использование может приводить к различным трактовкам норм права. Специалисты в области права из стран с неанглоязычным законодательством отмечают сложности в интерпретации норм, содержащих англицизмы. Это свидетельствует о том, что недостаточная точность в понимании этих терминов может негативно сказываться на качестве правоприменения, создавая препятствия для единообразного толкования и применения правовых норм.

Н.А. Тарасевич подчеркивает, что «англицизмы, как и любые заимствования, могут оказывать значительное влияние на формирование и раз-

витие юридической терминологии, что, в свою очередь, отражает динамику правоприменительной практики» [7].

Использование англицизмов в юридическом языке может способствовать возникновению правовой неопределенности. Это происходит из-за того, что англицизмы часто не имеют точных эквивалентов в национальных языках, что затрудняет их интерпретацию. Например, термин *due diligence*, активно применяемый в российском законодательстве, вызывает трудности в однозначной трактовке. Отсутствие единого определения этого термина может привести к различным подходам в его применении.

М.И. Гапликова и С.А. Марухина отмечают, что «заимствование является внешним путем пополнения словаря того или иного языка» [2], что подчеркивает сложность интеграции англицизмов в правовую систему.

Примеры правовой неопределенности, вызванной использованием англицизмов, можно найти в международной практике. Ряд правовых споров в международных арбитражах связано с различной интерпретацией терминов, содержащих англицизмы. Это свидетельствует о том, что отсутствие унифицированного подхода к трактовке таких терминов может стать причиной конфликтов и затруднений в правоприменении [7]. Англицизмы становятся неотъемлемой частью юридического языка, что может как обогащать его, так и создавать трудности в интерпретации норм права.

Правовая неопределенность, вызванная использованием англицизмов, существенно влияет на правоприменение. Такие термины, как *due diligence*, часто появляются в законодательных актах без чёткого определения, что создает трудности для юристов и судей. Неясность в терминологии может привести к неоднозначным решениям. В этом контексте, «таким критерием выступает законность, которая аккумулирует правовые требования соблюдения необходимых предписаний, регламентирующих социально-экономические связи» [5]. Использование англицизмов без должной адаптации и объяснения может негативно сказаться на эффективности юридической системы, подрывая её стабильность и предсказуемость.

Интерпретация правовых норм, содержащих англицизмы, требует применения специальных методологических подходов, направленных на устранение возможных правовых недоразумений. Одним из таких подходов является анализ контекста использования англицизма в юридическом тексте, что позволяет определить его значение в рамках конкретной правовой системы. Например, термин *quot; due diligencequot*, в российском законодательстве используется для обозначения должной осмотрительности, но его интерпретация может варьироваться в зависимости от контекста применения. Поэтому важно учитывать как юридические традиции, так и

международную практику использования подобных терминов. Это способствует унификации понимания и предотвращает правовую неопределенность.

Результаты.

Для эффективной работы с англицизмами в юридических текстах рекомендуется использовать глоссарии и справочники, содержащие переводы и объяснения терминов, а также учитывать их использование в международной практике.

Важно также обучать юристов и переводчиков специфике работы с англицизмами, чтобы минимизировать риски правовой неопределенности и обеспечить точность правоприменения.

Англицизмы играют значительную роль в процессе глобализации права, выступая в качестве инструмента унификации и стандартизации правовых систем различных стран. Английский язык, будучи международным языком делового и юридического общения, предоставляет основу для формирования такой терминологии. Эти термины становятся неотъемлемой частью правового дискурса, обеспечивая единое понимание и применение норм права в международной практике.

Культурное влияние англицизмов в праве проявляется в изменении восприятия юридических процессов и адаптации международных стандартов в странах, где английский язык не является основным. Например, использование англицизмов в международных договорах и соглашениях формирует у юристов и широкой общественности представление о необходимости следования универсальным правовым стандартам. Однако такая тенденция также вызывает

культурные дискуссии о сохранении национальной идентичности в праве. В результате, англицизмы становятся не только инструментом глобализации, но и фактором, влияющим на культурное восприятие права.

Активное проникновение англицизмов в профессиональную лексику обусловлено необходимостью унификации терминологии, используемой в международных правовых документах, а также потребностью в адаптации национальных правовых систем к глобальным стандартам.

Г.И. Дедкова отмечает, что «очевидным стал поток иноязычной лексики из англо-американского языка, который проникает во все сферы русского языка. Английский язык все более становится языком общения в деловых переговорах, в науке, культуре и доминирует в СМИ и Интернете» [3]

Заключение.

Таким образом, англицизмы не только обогащают юридический язык, но и делают его более универсальным и применимым в международной практике.

Интеграция англицизмов в юридический язык сопровождается как преимуществами, так и определёнными трудностями. С одной стороны, англицизмы облегчают коммуникацию между юристами разных стран, способствуют унификации правовых понятий и процессов. С другой стороны, их активное использование может вызывать сложности в интерпретации норм права, особенно в странах с различными правовыми традициями. Однако это также требует разработки стратегий для их корректной интеграции, чтобы избежать недопонимания и сохранить национальные особенности правовых систем.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алеева А.Р. Иноязычная лексика немецкого происхождения в русском языке новейшего периода : автореферат дис. ... на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Казань, 2006.
2. Гапликова М.И. Англицизмы в современном французском языке (на материале интернет-блогов) / М.И. Гапликова, С.А. Марухина // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5. С. 415–416.
3. Дедкова Г.И. Интернационализация языка в условиях глобализации: плюсы и минусы. Развитие языка в современном мире // Человеческий капитал. 2020. № 5(137). С. 71–72.
4. Исхакова И.Д. Юридический дискурс: проблемы перевода юридических терминов (на материале английского языка) // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». URL : <https://interactive-plus.ru>
5. Лисюткин А.Б. Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: теория и практика правовой жизни // Правовая культура. 2014. № 2(17). С. 10.

6. Цыганкова А.А. Языковые особенности английских неологизмов в сфере экономики: Выпускная квалификационная работа. Белгород, 2019.
7. Актуальные вопросы науки о языке / Отв. редактор Н.А. Тарасевич; Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина // Материалы Республиканской студенческой научно-практической конференции на тему «Актуальные вопросы науки о языке», Брест, 27 марта 2020 г. Брест : БрГУ имени А.С. Пушкина, 2020. 321 с.

References:

1. Aleeva A.R. Foreign language lexicon of German origin in the Russian language of the newest period : abstract of the dis. ... for degree of Candidate of Philological Sciences. Kazan, 2006.
2. Gaplikova M.I. Anglicisms in the modern French language (on the material of Internet blogs) / M.I. Gaplikova, Marukhina S.A. // International Student Scientific Bulletin. 2016. № 5. С. 415–416.
3. Dedkova G.I. Internationalization of language in the conditions of globalization: pros and cons. Language development in the modern world // Human capital. 2020. № 5(137). P. 71–72.
4. Iskhakova I.D. Legal discourse: problems of translation of legal terms (on the material of the English language) // Center for scientific cooperation «Interaktiv plus». URL : <https://interactive-plus.ru>
5. Lisyutkin A.B. Fundamentals of state policy in the development of legal literacy and legal consciousness of citizens: theory and practice of legal life // Legal Culture. 2014. № 2(17). P. 10.
6. Tsygankova A.A. Linguistic features of English neologisms in the field of economics: Graduation qualification work. Belgorod, 2019.
7. Actual issues of language science: materials of the Republican student scientific-practical conference «Actual issues of language science», Brest, March 27, 2020 / Editor-in-chief N.A. Tarasevich; Brest State University named after A.S. Pushkin. Brest : Pushkin Brest State University, 2020. 321 с.

Информация об авторах

Ястребова Оксана Ивановна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева
miss.oxen@yandex.ru

Oksana I. Yastrebova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch
of the Lebedev Russian State University of Justice
miss.oxen@yandex.ru

Гарцуева Оксана Александровна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева
miss.oxenia@yandex.ru

Oksana A. Gartsueva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch
of the Lebedev Russian State University of Justice
miss.oxenia@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.05.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.06.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-1>
УДК 342

Attribution
cc by

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Абрамян С.К.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Цель исследования – провести анализ существующих методов и стратегий борьбы с коррупцией в органах государственной власти и местного самоуправления, а также выявить наиболее распространенные коррупционные факторы, влияющие на деятельность властей. В условиях современного общества противодействие коррупции в органах местного самоуправления становится одной из ключевых задач для обеспечения прозрачности и эффективности управления на местах. В частности, с учетом наработок, имеющихся в ученом мире и правоприменительной практике, очевидным является начинать противодействие коррупции с момента рождения человека и его взросления. Это направление по обучению граждан. Позиционирование образа честного и неподкупного служащего представляет собой направление по воспитанию личности и стремление соответствовать данному образу. Поддержка законодателя по конкретизации правового статуса позволит ориентироваться в своей профессиональной деятельности как государственным, так и муниципальным служащим. Методология исследования основана на диалектико-материалистическом подходе к познанию обозначенных явлений и фактов. Инструментами в процессе работы над статьей стали такие методы, как сравнительно-правовой, описательный, статистический. Теоретическую основу составили научные работы ведущих ученых в области отечественной юриспруденции; нормативную – правовые акты в анализируемой сфере; эмпирическую – статистические данные.

Ключевые слова: коррупция, органы государственной власти, органы, местного самоуправления, проблемы, предупреждение, профилактика, государство, общество.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEMATIC ASPECTS OF PREVENTING CORRUPTION IN PUBLIC AUTHORITIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

Suzanna K. Abramyan

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The purpose of the study is to analyze existing methods and strategies for combating corruption in public authorities and local governments, as well as to identify the most common corruption-causing factors affecting the activities of the authorities. In modern society, combating corruption in local governments is becoming one of the key tasks for ensuring transparency and effective local governance. In particular, taking into account the developments available in the scientific world and the law of applied practice, it is obvious to begin opposition from the moment a person is born and grows up. This is a direction for the education of citizens. Positioning the image of an honest and uncorrupted employee is a direction for personal education and the desire to conform to this image. The support of the legislator in specifying the legal status will allow both state and municipal employees to navigate their professional activities. The research methodology is based on a dialectical-materialistic approach to the knowledge of these phenomena and facts. Such methods as comparative law, descriptive, and statistical have become tools in the process of working on the article. The theoretical basis is made up of scientific works by leading scientists in the field of domestic jurisprudence; normative – legal acts in the analyzed field; empirical – statistical data.

Keywords: corruption, public authorities, local government, problems, prevention, prevention, state, society.

Funding: Independent work.

Введение. Проблеме коррупции посвящено множество научных исследований. Теоретические аспекты вопроса изучены В.В. Лунеевым и И.Д. Фиалковской.

Проблемы традиционных форм коррупции и государственной службы исследованы В.Ю. Голубовским, Т.Н. Синюковой.

Современные коррупционные схемы с использованием криптовалют анализируются в работах С.С. Мелещенко, С.Ф. Тарасовой, а также Ю.В. Малковой, А.В. Тихоновой.

Рассмотрена практика ответственности чиновников за коррупционные преступления в работах М.М. Долгиевой.

Исследованием антикоррупционной политики с внедрением цифровых технологий занимались А.Г. Кравченко, А.В. Овчинников, а также потенциальные ограничения использования геоинформационных систем рассмотрены в трудах Б.М. Сейнароева.

И.В. Купцова анализирует применение цифровых технологий в антикоррупционной политике.

Геоинформационные системы на региональном уровне изучены О.А. Астафуровой и Е.М. Патовой.

Система «Посейдон», направленная на автоматизацию антикоррупционной деятельности, исследована Д.М. Фарахиевым, но требует дальнейшего изучения.

Коррупция является одной из самых серьезных угроз для стабильности и развития демократических институтов, особенно в сфере местного самоуправления. Согласно статистике Судебного департамента Верховного Суда, за прошлый год за преступления коррупционной направленности вынесено 22 014 обвинительных приговоров по основным составам и в качестве дополнительной квалификации. Это на 7,3 % больше чем в 2023 году.

В Российской Федерации существует множество проблемных аспектов в сфере деятельности органов местного самоуправления. Ключевой проблемой противодействия коррупции является отсутствие прозрачности в их деятельности органов местного управления [3, с. 31].

Обсуждение.

В соответствии с п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ, каждый гражданин Российской Федерации имеет право получать достоверную информацию о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Должностные лица местного самоуправления должны обеспечить каждому возможность ознакомления

с материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы человека и гражданина. Однако на практике существует тенденция скрывания информации о расходах муниципального бюджета, об источниках финансирования, об итогах проведения закрытых заседаний о вопросах местного значения.

Для решения данной проблемы необходимо:

- установить стандарты для форматов отчетов, которые более детально будут регулировать деятельность должностных лиц в сфере предоставления информации гражданам;

- создать общественные советы, проводящие независимые мониторинги расходов бюджета.

Результаты.

Стоит акцентировать внимание на судебной практике. Так, муниципальная служащая подала иск к администрации Усольского района о восстановлении на работе после увольнения за не предоставление сведений о доходах супруга, в частности, о продаже автомобиля. Она утверждала, что не знала о продаже и не имела умысла скрывать доход, который не облагается налогом. Администрация обосновала увольнение на основании представления прокуратуры и предыдущих нарушений служащей. Суд подтвердил, что служащая была обязана предоставлять полные сведения, и признал, что ее вина в правонарушении была доказана. В итоге, суд отказал ей в удовлетворении иска и восстановлении на работе. Данная судебная практика подчеркивает важность прозрачности в деятельности муниципальных служащих.

Ещё одной проблемой противодействия коррупции является недостаточный уровень доказательной базы для привлечения лица к ответственности. Чаще всего, крупные преступления остаются «в тени», незначительные деяния выходят на первый план. Например, строительная компания дала взятку главе муниципального образования в размере 5000 рублей с целью ускорения процесса подписания документов на разрешение строительства. Затем глава муниципального образования предложил компании сделку, в результате которой он просил дополнительную плату в размере 200000 рублей взамен за «содействие» в ускорении процесса получения разрешений и других необходимых документов. На примере данной ситуации можно сделать вывод о том, что коррупция набирает популярность из-за недостатка доказательной базы. Небольшие взятки, такие как 5000 рублей, воспринимаются незначительно, это приводит к тому, что крупные коррупционные схемы остаются незамеченными [3, с. 32].

Необходимо рассмотреть такой путь решения данной проблемы, как систематизация сбора доказательств, которая подразумевает разработку четких процедур и стандартов для сбора доказательств коррупционных преступлений.

Заключение.

Заключительной проблемой является наличие конфликта интересов как коррупционного фактора. Целесообразно более тщательно подходить к подбору кадров, претендующих на должность муниципального служащего.

Как нам представляется, в Плате противодействия коррупции особое внимание следует уделить контролю за правами и обязанностями, соблюдением ограничений и запретов, а также применением видов дисциплинарной ответственности при прохождении государственной (муниципальной) службы в Российской Федерации. Это будет существенным «кирпичиком» в фундаменте модели противодействия коррупции. Так, антикоррупционным законодательством не предусмотрено освобождение служащего (работника) от исполнения обязанности представлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, в том числе в период нахождения его в отпуске (ежегодный оплачиваемый отпуск, отпуска без сохранения денежного содержания, по уходу за ребенком и другие предусмотренные законодательством отпуска), в период временной нетрудоспособности или иной период неисполнения должностных обязанностей. При невозможности, по объективным причинам, представить сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своей супруги (супруга), несовершеннолетних детей служащему (работнику) необходимо обратиться с соответствующим заявлением для рассмотрения на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов [2, с. 62–65]. Если в ходе мероприятий по урегулированию конфликта интересов удастся данный конфликт разрешить, следовательно, одним проявлением коррупции по фактической ситуации станет меньше. Рассмотренные предложения по противодействию коррупции составляют лишь малую долю направлений и предлагаемых мер [1, с. 154].

Во всем мире для борьбы с коррупцией создаются специализированные органы и службы, которые отвечают за расследование и пресечение коррупционных деяний. Они обладают независимостью и полномочиями для проведения расследований и наказания коррупционеров. Эффективная работа таких органов снижает уровень безнаказанности граждан и укрепляет правопорядок.

История развития государства и гражданского общества подтверждает ценность профилактических мер. Профилактика коррупции включает в себя различные меры, направленные на предотвращение коррупционных правонарушений. Это может включать обучение государственных служащих этике, антикоррупционным стандартам и процедурам. Кроме того, существует практика аудита и мониторинга для выявления потенциальных нарушений в системе государственной (муниципальной) службы.

Административное принуждение, как подтверждает история и правоприменительная практика, неизбежно опирается на процедуры расследования и судебное преследование. В этой связи, как нам представляется, будет бесценной роль правоохранительных органов. Однако расследование коррупционных правонарушений требует компетентности и независимости правоохранительных органов.

Следовательно, помимо требований, что должностные лица этих органов должны быть способными выявлять, собирать доказательства, а также проводить следствие о коррупционных делах, следует предусмотреть обязанность данных лиц систематически повышать свои познания в разновидностях коррупционной деятельности.

Таким образом, противодействие коррупции является важной составляющей в деятельности органов местного самоуправления. При разработке и внедрению мер, направленных на повышение прозрачности процессов принятия решений и активное вовлечение граждан в контроль за деятельностью местных властей, возможно снижение коррупционных правонарушений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федорова Т.В. Меры по предупреждению коррупции среди государственных и муниципальных служащих // В сборнике: Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения). Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. СПб., 2025. С. 153–158.

2. Родина А.В. Характеристика конфликта интересов на государственной службе / А.В. Родина, Т.В. Федорова // Студенческий вестник. 2023. № 20(259). С. 62–65.
3. Казаченкова А.А. Вопросы противодействия коррупции в органах местного самоуправления // Наука через призму времени. 2025. № 1(94). С. 30–33.

References:

1. Fedorova T.V. Measures to prevent corruption among state and municipal employees // In the collection: Actual problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin readings). Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference. SPb., 2025. P. 153–158.
2. Rodina A.V. Characteristics of the conflict of interests in public service / A.V. Rodina, T.V. Fedorova // Student Bulletin. 2023. № 20(259). P. 62–65.
3. Kazachenkova A.A. Issues of combating corruption in local governments // Science through the prism of time. 2025. № 1(94). P. 30–33.

Информация об авторе

Абрамян Сюзанна Кароевна
доцент кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
abrsyuzanna@yandex.ru

Suzanna K. Abramyan
Associate Professor of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
abrsyuzanna@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-3>

УДК 343

Attribution

cc by

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СОСТАВА НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ (СТ. 124 УК РФ): СЛОЖНОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Бабанин В.Ю.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Статья посвящена установлению субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ. Целью исследования является выявление особенностей и противоречий в определении формы вины данного состава преступления, а также разработка предложений, направленных на развитие теоретических основ и унификацию судебной следственной практики по вопросам установления формы вины в составе неоказания помощи больному. В качестве методологической основы работы использовался диалектический метод научного познания и базирующиеся на нём общенаучные (абстрагирования, анализа, синтеза, индукции, дедукции, аналогии) и частнонаучные (формально-правовой, сравнительно-правовой, юридической герменевтики) методы изучения правовых явлений и процессов. В публикации анализируются противоречия в научной доктрине и правоприменительной практике в части определения формы вины указанного состава преступления. Особое внимание уделяется сложности разграничения косвенного умысла и неосторожности при неоказании помощи больному. Отмечается, что специфика общественно опасного деяния в неоказании помощи больному, заключающаяся в нарушении профессиональных обязанностей, затрудняет установление субъективной стороны состава преступления. На основе проведенного исследования предлагаются некоторые меры по совершенствованию уголовно-правового регулирования субъективной стороны состава неоказания помощи больному.

Ключевые слова: неоказание помощи больному, субъективная сторона преступления, форма вины, умысел, неосторожность, квалификация преступлений, бездействие, медицинская помощь.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE SUBJECTIVE SIDE OF THE COMPOSITION OF NON-PROVISION OF ASSISTANCE TO THE PATIENT (ART. 124 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): DIFFICULTIES OF QUALIFICATION AND WAYS TO OVERCOME THEM

Vyacheslav Yu. Babanin

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article is devoted to the establishment of the subjective side of the corpus delicti provided for in Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify the features and contradictions in determining the form of guilt of a given crime, as well as to develop proposals aimed at developing theoretical foundations and unifying judicial and investigative practice on the issues of establishing the form of guilt as part of failure to provide assistance to a patient. The methodological basis of the work was the general dialectical method of scientific cognition and the general scientific (abstraction, analysis, synthesis, induction, deduction, analogy) and private scientific (formal legal, comparative legal, legal hermeneutics) methods of studying legal phenomena and processes based on it. The publication analyzes contradictions in scientific doctrine and law enforcement practice regarding the definition of the form of guilt of the specified corpus delicti. Special attention is paid to the difficulty of distinguishing between indirect intent and negligence when not providing assistance to a patient. It is noted that the specificity of a socially dangerous act in not providing assistance to a patient, which consists in violating professional duties, makes it difficult to establish the subjective side of the crime. Based on the conducted research, some measures are proposed to improve the criminal law regulation of the subjective side of the composition of non-provision of assistance to the patient.

© Бабанин В.Ю.

Keywords: failure to help a patient, the subjective side of the crime, the form of guilt, intent, negligence, qualification of crimes, inaction, medical care.

Funding: Independent work.

Введение.

Толкование элементов уголовно-правовой характеристики состава неоказания помощи больному на протяжении длительного времени остается одним из дискуссионных вопросов в отечественной доктрине уголовного права. Особую остроту этой проблеме придает противоречивость правоприменительной практики российских судов по делам о ятрогенных преступлениях, к числу которых традиционно относится предписание о неоказании помощи больному (ст. 124 УК РФ).

Вместе с тем, анализ судебных решений позволяет выявить полярные подходы в установлении субъективной стороны рассматриваемого состава преступления. На одном полюсе – судебные инстанции обоснованно ограничиваются констатацией неосторожной формы вины, на другом – усматривают умысел [1], допускают смешение форм вины [2] либо вовсе оставляют данный признак без надлежащей правовой оценки. В этой связи, возникает необходимость пересмотра правового содержания вины в ст. 124 УК РФ с целью устранения существующей правоприменительной неопределенности и обеспечения единообразия судебной практики.

Обсуждение.

Прежде всего, необходимо отметить, что и в частях 1 и 2 ст. 124 УК РФ форма вины одна и та же – неосторожность. Тем не менее, как свидетельствуют материалы судебно-следственной практики, зачастую, правоприменитель либо устанавливает вину в форме умысла по отношению к самому бездействию, выражающемуся в неоказании помощи больному, забывая о последствиях, либо констатирует смешанную форму вины, предполагая умышленный характер бездействия и неосторожное отношение к последствиям, предусмотренным нормой уголовного закона [3, с. 20].

Указанная правоприменительная позиция по вопросу установления субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, неоднократно становилась предметом обоснованной критики в специальной юридической литературе. Например, Е.В. Хромов заявляет, что «вина в материальных составах преступлений определяется как психическое отношение субъекта к последствиям, а не к деянию. Признание преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, совершенным с двумя формами вины, противоречит требованиям ст. 27 УК РФ, так как отказ в медицинской помощи при отсутствии последствий не влечет наступления уголовной ответственности» [4, с. 62].

В качестве другой иллюстрации тезиса о неправомерности подобного применения уголовного закона можно привести точку зрения К.А. Берчанского, который в одной из своих научных работ подчеркивает, что «... ст. 124 УК РФ предусматривает уголовную ответственность только в случае причинения вреда здоровью или смерти по неосторожности, она описывает только неосторожные деяния...» [5, с. 177].

Следовательно, правоприменительная практика, допускающая квалификацию состава неоказания помощи больному как умышленное деяние или деяние со смешанной формой вины, фактически искажает уголовно-правовую природу данного состава преступления. Однако данная позиция не является общепринятой среди специалистов в области уголовного права. Более того, нередко ошибочные подходы в процессе квалификации преступлений во многом обусловлены некорректным применением различных научных воззрений.

По мнению Н.А. Савич и А.Ю. Коломойцева, субъективная сторона неоказания помощи больному выражена в умысле по отношению к содеянному [6, с. 89]. Позицию, согласно которой вина устанавливается в форме прямого умысла к факту неоказания помощи больному и в форме легкомыслия или небрежности к причинению вреда здоровью, высказывал и А.И. Коробеев [7, с. 38].

Аналогичной позиции придерживается и Т.Н. Петрова, согласно которой состав преступления, предусмотренный ст. 124 УК РФ, предполагает умышленное совершение деяния при неосторожном отношении к последствиям. При этом ключевой элемент доказывания сводится к подтверждению осведомленности медицинского работника о неправомерности его отказа в оказании медицинской помощи, учитывая опасное состояние для жизни и здоровья больного лица [8, с. 70].

Проблема определения форм вины в рассматриваемом преступлении нашла отражение и в ряде комментариев к УК РФ [9, с. 165; 10, с. 194], в которых также встречается утверждение о наличии умысла в отношении самого неоказания помощи и неосторожности в отношении наступивших последствий. Следует обратить внимание на то, что подобные разъяснения встречаются как на официальных интернет-ресурсах органов прокуратуры [11], так и на иных различных информационных веб-порталах [12].

Это свидетельствует о том, что в специальной литературе и прочих источниках также присутствуют существенные расхождения во взглядах на субъективную сторону указанного противоправного деяния. Очевидно, что подобная не-

определенность будет способствовать неоднородности судебно-следственной практики, что предопределяет необходимость дальнейшей научной дискуссии и совершенствования конструкции уголовно-правовой нормы, направленной на охрану больного при неоказании ему надлежащей помощи.

По нашему мнению, диспозиция состава неоказания помощи больному охарактеризовала его субъективную сторону исключительно неосторожной формой вины – в виде преступного легкомыслия или небрежности. Поэтому любые попытки квалифицировать данное деяние как совершенное с двумя формами вины либо как умышленное преступление представляются необоснованными и противоречащими букве закона.

Интеллектуальный элемент вины при преступном легкомыслии, в контексте рассматриваемой нормы, заключается в предвидении медицинским работником абстрактной возможности наступления средней тяжести вреда здоровью (по ч. 1), тяжкого вреда здоровью либо смерти (по ч. 2), в отличие от преступной небрежности, где интеллектуальный элемент выражается в отсутствии предвидения таких последствий.

Волевой момент преступного легкомыслия проявляется в самонадеянном (без достаточных к тому оснований) расчете на предотвращение вышеупомянутых последствий, в преступной небрежности, в отсутствии волевых усилий, направленных на их предвидение.

Вместе с тем, вопрос психического отношения субъекта, совершающего преступление, предусмотренное ст. 124 УК РФ, к уклонению от оказания необходимой медицинской помощи не является бесспорным, так как концептуальная близость преступного легкомыслия и косвенного умысла указывает на предвидении негативных последствий при отсутствии прямой заинтересованности в их наступлении.

В определенной мере, рассматриваемая проблема проистекает из несовершенства нормативного закрепления форм вины, а именно – из неосторожности, поскольку в ч. 2 и ч. 3 ст. 26 УК РФ законодатель ограничивается описанием психического отношения к последствиям, не раскрывая отношение к общественно опасному деянию.

Согласно наиболее распространенному в отечественной уголовно-правовой доктрине мнению, при легкомыслии лицо осознает общественную опасность своего деяния абстрактно, ошибочно рассчитывая на предотвращение негативных последствий, при этом стремясь их не допустить, в то время как при косвенном умысле лицо, хоть и не желало наступление общественно опасных последствий, но сознательно допускало их или относилось к ним безразлично [13, с. 25].

И.И. Нагорная в своих исследованиях также акцентировала внимание на данной проблематике, подчеркивая, что при отграничении преступлений с косвенным умыслом от неосторожных деяний необходимо изучение мотивов и целей медработника, которые обусловили нарушение его соответствующих обязанностей [14, с. 89].

Указанное позволяет сделать вывод о том, что диспозиция ст. 124 УК РФ в части установления формы вины оставила за пределами правового внимания ситуации, когда субъект преступления явно относится к возможным негативным последствиям безразлично, не предпринимая реальных усилий для предотвращения вреда, что в свою очередь обладает повышенной общественной опасностью в сравнении с неосторожным деянием.

Причины подобного безразличия могут быть различны, в том числе и пренебрежительное отношение к пациенту, личная заинтересованность или грубое нарушение фундаментальных принципов оказания медицинской помощи. При этом в практике известны случаи, когда медицинские работники отказывались от оказания необходимой помощи ссылаясь на внутренние распоряжения медицинской организации или состояние алкогольного опьянения пострадавшего лица.

Важно понимать, что, исходя из семантического содержания правовых норм основного закона о здравоохранении в России (в частности, ст. 11, 19, 32, 73 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [15], обязанность оказывать помощь больному возлагается именно на медицинского работника, под которым понимается физическое лицо, обладающее соответствующим профессиональным образованием, работающее в медицинской организации, и в обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности (либо индивидуальный предприниматель непосредственно осуществляющий указанную деятельность).

Установление субъективной стороны, в контексте рассматриваемой уголовно-правовой нормы, осложняется и особым характером противоправного поведения, выражающегося в несоблюдении установленных нормативных требований, регулирующих профессиональную деятельность медицинских работников, обязанных оказывать медицинскую помощь больным. Это обстоятельство требует учитывать не только психическое отношение субъекта к деянию и его последствиям, но и его сознательное или бессознательное пренебрежение установленными обязанностями, стандартами и рекомендациями по оказанию медицинской помощи.

В диссертационном исследовании Л.М. Назмутиновой отмечается, что «... исходя из особенностей субъекта указанного преступления, в содержание вины входит осознание виновным со-

циальной опасности и противоправности своего поведения...» [16, с. 104]. Данные характерные особенности выражаются, как минимум, в наличии у субъекта специального образования, знаний и навыков в области оказания медицинской помощи.

Ввиду этого, можно заключить, что субъект исследуемого состава преступления, в силу своей профессиональной подготовки, как правило, способен предвидеть возможные негативные последствия своего бездействия, тогда как его безразличное отношение к данным последствиям значительно повышает уровень угрозы охраняемым уголовным законом благам.

В качестве доводов, подтверждающих возможность реализации уголовно-правовых конструкций, учитывающих вышеперечисленные особенности субъективной стороны уголовно-правового запрета не оказания помощи больному, целесообразно обратиться к компаративистскому анализу зарубежного уголовного законодательства.

Нередко полученные выводы становятся катализатором нормотворческих инициатив, которые адаптируются к национальной правовой системе с учетом ее исторических и культурных особенностей. В силу этого, особую значимость приобретают уголовные законы стран ближнего зарубежья.

Наглядной демонстрацией подобных уголовно-правовых моделей может послужить наличие квалифицирующего обстоятельства в составе не оказания помощи больному в виде совершения такого деяния из предубеждения (УК Республики Молдова) или закрепление неосторожной формы вины либо косвенного умысла в числе условий уголовной ответственности за оставление в опасности (УК Республики Беларусь) [17, с. 36].

В рамках действующей нормы УК РФ о не оказании помощи больному, такие факультативные признаки субъективной стороны, как мотив и цель не влияют на квалификацию, но служат соответствующим индикатором общественной опасности деяния, а также могут способствовать указанию на вину в форме косвенного умысла наряду с ранее упомянутыми обстоятельствами.

Одновременно с этим, законодательное закрепление в диспозиции такого конститутивного признака, как «... которое по неосторожности или с косвенным умыслом повлекло причинение...» в предписании о не оказании помощи больному способно стимулировать ряд аналогичных изменений в преступлениях, связанных с нарушением установленных правил (например, в ст. 264 УК РФ).

Как нам представляется, данная законодательная конструкция имеет ряд преимуществ по сравнению с действующей редакцией ст. 124 УК РФ, к числу которых можно отнести следующее:

— во-первых, это обеспечит устранение имеющихся расхождений между нормативным текстом закона и фактической правоприменительной практикой, где возникают сложности при квалификации случаев, когда субъект, обладая необходимыми профессиональными знаниями и опытом, предвидел возможность наступления вреда, но сознательно допускал его (или проявлял безразличие), не принимая необходимых мер для его устранения;

— во-вторых, будет способствовать более справедливой дифференциации уголовной ответственности в зависимости от характера психического отношения виновного к последствиям, что позволит учитывать более опасные проявления профессионального цинизма по отношению к больным, нуждающимся в оказании необходимой медицинской помощи.

Результаты.

Исходя из выше изложенного, можно резюмировать, что при квалификации состава не оказания помощи больному в деятельности следственных и судебных органов возникают определенные сложности в части установления внутренней стороны противоправного деяния.

Отечественная уголовно-правовая доктрина также демонстрирует отсутствие единообразного понимания данного элемента состава преступления.

Исходя из этого, необходимо сформулировать следующие значимые обстоятельства:

— диспозиция ст. 124 УК РФ предусматривает только неосторожную форму вины, следовательно, квалификация данного деяния как умышленного либо как преступления со смешанной формой вины не имеет законодательных оснований и противоречит прямому смыслу правовой нормы;

— концептуальная схожесть психологических элементов косвенного умысла и легкомыслия свидетельствует о наличии в исследуемой норме УК РФ законодательного пробела, исключающего из сферы уголовно-правового регулирования случаи, когда виновный реально осознает уровень опасности по отношению к жизни и здоровью больного лица, но сознательно допускает или безразлично относится к возможным негативным последствиям, не осуществляя необходимых действий для предотвращения вреда;

— определение субъективной стороны в рамках анализируемой уголовно-правовой нормы затруднено спецификой противоправного деяния, заключающегося в нарушении профессиональных обязанностей медработника, который, в силу своей компетенции, зачастую обладает способностью предвидеть негативные последствия своего бездействия в части оказания необходимой медицинской помощи больному.

Заключение.

В завершении отметим, что субъективная сторона противоправного деяния, предусмотренного ст. 124 УК РФ, выступает не только обязательным элементом состава преступления, но и отражает уровень нравственной ответственности лица, обязанного принимать меры по сохранению жизни и здоровья нуждающихся. Поэтому уголовный закон, ставя под охрану интересы

личности в качестве наиболее важных общественных отношений, с одной стороны, защищает жизнь и здоровье граждан, их право на медицинскую помощь, а с другой – фундаментальные основы профессиональной этики и деонтологии, без которых невозможно существование эффективной системы здравоохранения и доверительных отношений между медицинским работником и пациентом.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Апелляционное постановление Владимирского областного суда от 24.09.2024 г. по делу № 22-1895/2024. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/TS7vxfNleV1> (дата обращения 06.05.2025).
2. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 18.06.2024 г. по делу № 22-2666/2024. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/5RQhhCXqu46r/?regular-txt=22-> (дата обращения 06.06.2025).
3. Радов В.В. Содержание вины в составе неоказания помощи больному // Уголовное право. 2021. № 8. С. 19–25.
4. См.: Хромов Е.В. Проблемы установления причинной связи в преступлениях, предусмотренных ст. 124 УК РФ // Уголовное право. 2024. № 1. С. 51–67.
5. Берчанский К.А. Неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ) как умышленное преступление: «и да, и нет» // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции, Красноярск, 08–09 апреля 2021 года. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. Ч. 2. С. 176–178.
6. Савич Н.А. Уголовно-правовая характеристика нарушения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей в сфере оказания медицинской помощи / Н.А. Савич, А.Ю. Коломийцев // Сибирский медицинский журнал. 2007. № 4. С. 87–93.
7. Коробеев А.И. Неоказание помощи больному // Криминологический журнал. 2007. № 1–2. С. 35–39.
8. Петрова Т.Н. Особенности квалификации и расследования неоказания помощи больному // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 4(18). С. 69–74.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. «Юриспруденция» / Под ред. д.ю.н., профессора С.В. Дьякова, д.ю.н., профессора Н.Г. Кадникова. // ЭПС «Система ГАРАНТ». 2013.
10. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. 2016 г. / Н.А. Агешкина [и др.] // ЭПС «Система ГАРАНТ».
11. Прокурор разъясняет ответственность за неоказание помощи больному. URL : https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_42/activity/legal-education/explain?item=59970018 (дата обращения 06.06.2025).
12. Ответственность за неоказание помощи больному. URL : <https://meschanka.mos.ru/safety-and-security/the-prosecutor-s-office/detail/9955348.html> (дата обращения 06.06.2025).
13. Квашис В.Е. Преступная неосторожность // Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986.
14. Нагорная И.И. Неосторожность медицинского работника при причинении вреда здоровью или смерти пациенту // Российский юридический журнал. 2017. № 4(115). С. 81–90.
15. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
16. Назмутдинова Л.М. Ответственность за неоказание помощи в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018.
17. Бабанин В.Ю. Особенности уголовно-правовой охраны права граждан на медицинскую помощь по законодательству стран ближнего зарубежья // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 4(66). С. 32–36.

References:

1. Appellate ruling of the Vladimir Regional Court dated September 24, 2024 in case № 22-1895/2024. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/TS7vxfNleV1> (date of application 06.05.2025).
2. Appellate ruling of the Primorsky Krai Court dated June 18, 2024 in case № 22-2666/2024. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/5RQhhCXqu46r/?regular-txt=22> (date of application 06.06.2025).
3. Radov V.V. The content of guilt in the composition of failure to provide assistance to a patient // Criminal law. 2021. № 8. P. 19–25.
4. See: Khromov E.V. Problems of establishing a causal relationship in crimes under Art. 124 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal Law. 2024. № 1. P. 51–67.
5. Berchansky K.A. Failure to provide assistance to a patient (Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation) as an intentional crime: «yes and no» // Actual problems of combating crime: issues of theory and practice: materials of the XXIV international scientific and practical conference, Krasnoyarsk, April 08–09, 2021. Krasnoyarsk : Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. Part 2. P. 176–178.
6. Savich N.A. Criminal-legal characteristics of violation of professional duties by medical workers in the field of medical care / N.A. Savich, A.Yu. Kolomiitsev // Siberian Medical Journal. 2007. № 4. P. 87–93.
7. Korobeev A.I. Failure to provide assistance to a patient // Criminological Journal. 2007. № 1–2. P. 35–39.
8. Petrova T.N. Features of qualification and investigation of failure to provide assistance to a patient // Investigation of crimes: problems and solutions. 2017. № 4(18). P. 69–74.
9. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical, article-by-article). 2nd edition, revised and enlarged. «Jurisprudence» / Edited by Doctor of Law, Professor S.V. Dyakov, Doctor of Law, Professor N.G. Kadnikov // EPS «Guarantee System». 2013.
10. Scientific and practical commentary to the Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ. 2016 / N.A. Ageshkina [et al.] // EPS «Guarantee System».
11. The prosecutor explains the responsibility for failure to provide assistance to the patient. URL : https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_42/activity/legal-education/explain?item=59970018 (date of application 06.06.2025).
12. Liability for failure to provide assistance to a patient. URL : <https://meschanka.mos.ru/safety-and-security/the-prosecutor-s-office/detail/9955348.html> (date of application 06.06.2025).
13. Kvashis V.E. Criminal negligence // Social, legal and criminological problems. Vladivostok, 1986.
14. Nagornaya I.I. Negligence of a medical worker in causing harm to health or death to a patient // Russian Law Journal. 2017. № 4(115). P. 81–90.
15. Federal Law «On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation» dated 21.11.2011 № 323-FZ // SPS «Consultant Plus».
16. Nazmutdinova L.M. Responsibility for failure to provide assistance in criminal law : dis. ... candidate of legal sciences. Kazan. 2018.
17. Babanin V.Yu. Features of criminal-legal protection of the right of citizens to medical care under the legislation of neighboring countries // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4(66). P. 32–36.

Информация об авторе

Бабанин Вячеслав Юрьевич

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
vbabanin19@mail.ru

Vyacheslav Yu. Babanin

Adjunct of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
vbabanin19@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-12>

УДК 343.98

Attribution

cc by

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СПОСОБАХ ВЕДЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Васильева М.А.

Университет прокуратуры Российской Федерации

Аннотация. В статье указывается на необходимость сосредоточения внимания ученых, в том числе ученых-криминалистов, на проблематике экологических войн, так как одним из побочных результатов ведения военных действий является негативное воздействие на природу, которое может привести к необратимым экологическим последствиям. К числу актуальных проблем борьбы с экологическими войнами отнесено отсутствие доктринального определения понятия экологической войны. Целью исследования стало формирование авторского определения экологической войны и способов ее ведения. Задачи исследования представлены выявлением тенденций в использовании способов ведения экологических войн, определением возможных способов предотвращения такого негативного явления. Методология исследования основана на анализе статистических данных, сравнительном подходе и прогнозировании развития выявленных тенденций. Результаты исследования представлены авторским определением рассматриваемой дефиниции. В широком смысле экологическая война может быть представлена как метод ведения военных действий с целью нанесения значительного ущерба противнику путем воздействия на среду его обитания до такой степени, что мирное пользование жителями этой территории будет серьезно ограничено. В статье обозначены возможные способы ведения экологической войны. С учетом указанных выше способов ведения экологической войны предложен перечень разновидностей экологического оружия. Сделан вывод о том, что ликвидация всех видов оружия массового уничтожения и экологического оружия – единственно реальный путь предотвращения глобальной экологической катастрофы, связанной с военными действиями.

Ключевые слова: экологическая война, экоцид, оружие массового поражения, экологическое оружие.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT AND METHODS OF ENVIRONMENTAL WARFARE

Maria A. Vasilyeva

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Abstract. The article points out the need to focus the attention of scientists, including criminologists, on the problems of environmental warfare, since one of the side effects of warfare is the negative impact on nature, which can lead to irreversible environmental consequences. The lack of a doctrinal definition of the concept of environmental warfare is considered one of the urgent problems of combating environmental wars. The purpose of the study was to form the author's definition of environmental warfare and the methods of its conduct. The objectives of the study are to identify trends in the use of methods of environmental warfare, to identify possible ways to prevent such a negative phenomenon. The research methodology is based on the analysis of statistical data, a comparative approach and forecasting the development of the identified trends. The results of the study are presented by the author's definition of the definition under consideration. In a broad sense, ecological warfare can be represented as a method of conducting military operations with the aim of causing significant damage to the enemy by affecting his habitat to such an extent that the peaceful use of the inhabitants of this territory will be seriously limited. The article outlines possible ways of conducting environmental warfare. Taking into account the above-mentioned methods of conducting ecological warfare, a list of types of ecological weapons is proposed. It is concluded that the elimination of all types of weapons of mass destruction and environmental weapons is the only realistic way to prevent a global environmental catastrophe related to military operations.

© Васильева М.А.

Keywords: ecological warfare, ecocide, weapons of mass destruction, ecological weapons.

Funding: Independent work.

Введение.

Человек издавна испытывал на себе влияние сил окружающей среды и в попытке преобразовать их для обеспечения собственного комфорта и в настоящее время вплотную подошел к пределу допустимого воздействия на природу.

В ходе долгой эволюции человечества, совершенствования навыков людей, в условиях ускоренного развития науки и техники человек приобрел, казалось бы, возможность использования этого опыта для защиты окружающей среды.

В то же время отчетливо обозначилась опасность того, что такие знания могут использоваться для кардинального ее изменения в невиданных до сих пор масштабах за непродолжительное время, с минимальными трудозатратами, более того даже многочисленными путями.

Так еще в 1972 г. на конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды обсуждалась способность человека преобразовывать окружающий мир в современных условиях, при этом указывалось на то, что в случае, если она будет использоваться неправильно или необдуманно, возможен несоизмеримый ущерб человечеству и окружающей его среде [4].

Проблемы защиты окружающей среды неоднократно становились предметом диссертационных исследований по военному праву, как комплексной отрасли права, включающей помимо прочего также нормы экологического права, в немалой степени затрагивались вопросы защиты окружающей среды.

Однако предметом военно-правовых исследований никогда ранее не становились вопросы экологической безопасности и охраны окружающей среды при осуществлении военной деятельности.

Вместе с тем ряд ученых относит к числу перспективных научных исследований военных проблем экологического права и военный экоцид [5, с. 193], указывает на актуальность поддержания мировой экологической безопасности в военной деятельности, которое представляет собой максимально возможное исключение опасности от военной деятельности биологическим основам жизни и экосистеме [1, с. 10].

Во всех работах по данной проблематике красной линией прослеживается мысль о том, что одним из побочных результатов ведения военных действий является негативное воздействие на природу, которое может привести к необратимым экологическим последствиям.

Истории известны случаи причинения колоссального ущерба окружающей среде в результа-

те проведения военных действий, проведенный нами анализ позволяет отразить наиболее крупные из них:

1) операция ВВС США «Ranch Hand» во время войны во Вьетнаме (1955–1975). Для борьбы с вьетнамскими партизанами, прячущимися в джунглях, и лишения их продовольственной базы американцы с самолетов распылили над территорией Вьетнама свыше 100 тыс. т. (72 млн литров) дефолиантов («Agent Orange»), в составе которых имелось вещество, воздействующее на деревья (арборицид 2,4,5-Т) [7, С. 89]. В результате были уничтожены тропические леса на площади 2 млн га и 43 % площади сельскохозяйственных угодий Вьетнама, произошло обеднение фауны (из 160 видов птиц в зараженных районах сохранилось менее 20).

2) подрыв войсками Ирака 1200 нефтяных скважин, ряда нефтепроводов, нефтехранилищ и потопление кувейтских танкеров во время войны с США в Персидском заливе (1990–1991). В результате пожаров каждый день сгорало около 1 млн т нефти, при этом выбрасывалось в атмосферу 50 тыс. т диоксида серы, 100 тыс. тонн сажи и 80 тыс. т углекислого газа. В радиусе 1000 км выпадали загрязненные осадки (черные дожди), что вызвало снижение продуктивности сельскохозяйственных угодий и массовые заболевания среди населения. В Персидский залив вылилось около 400 тонн нефти, нефтяное пятно образовалось на площади в 10 тыс. км².

Указанные преступные действия вооруженных сил США и Ирака привели к масштабным экологическим катастрофам и причинили широкомасштабный, долгосрочный и серьезный ущерб природной среде. Подобные действия могут быть квалифицированы как преступление против мира и безопасности человечества и подпадает под понятие экоцида [8].

Вместе с тем, несмотря на наличие таких прецедентов в истории, в научных исследованиях по указанной тематике до настоящего времени не появилось доктринального определения понятия экологической войны.

Результаты.

Автором представлено понятие экологической войны в широком смысле – как метод ведения военных действий с целью нанесения значительного ущерба противнику путем воздействия на среду его обитания до такой степени, что мирное пользование жителями этой территории будет серьезно ограничено.

Обозначены возможные способы ведения экологической войны:

а) заражение (загрязнение) воды, воздуха и почвы;

б) уничтожение флоры и/или фауны;

в) провоцирование техногенной катастрофы (стимулирование схода селей, оползней, а также цунами, паводков, землетрясений и извержений вулканов), вызывание цунами, ливней, смерчей, ураганов и изменение их траектории;

г) привнесение в экосистему в значительном количестве враждебных и действующих агрессивно по отношению к ней ядовитых растений, кровососущих насекомых-переносчиков заболеваний, патогенных микроорганизмов, вирусов и т.п.;

д) нарушение климата путем уничтожения растительного покрова, разрушения рельефа местности и др.

С учетом указанных выше способов ведения экологической войны предложен перечень разновидностей экологического оружия.

Обсуждение.

Государство-агрессор может целенаправленно воздействовать на окружающую среду с целью затруднить ведение боевых действий противником посредством создания условий для экологической катастрофы на территории другого государства.

В Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (1977) [9], которая обязала каждое государство-участника Конвенции не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику, лишь используется понятие «экологическая война», указывается, что она запрещена международным правом, но разъяснения этого термина не приводятся.

Э. Крейке в 2021 году впервые ввел в научный тезаурус понятие экологической войны, определив ее как ведение военных действий посредством преднамеренного разрушения или изменения окружающей среды [6, с. 1670].

Энциклопедия Fireman.club дает следующее определение экологической войны – это война с применением способов нанесения ущерба противнику, основывающихся на воздействии на среду обитания и приводящих к загрязнению или заражению воздуха, воды, почвы, истреблению флоры и фауны [10].

В подобном же варианте представлено определение экологической войны в Большом энциклопедическом словаре, Юридическом словаре и Экологическом энциклопедическом словаре, где эта дефиниция понимается как нанесение ущерба противнику путем воздействия на среду его

обитания (загрязнение или заражение воздуха, воды, почвы, истребление флоры и фауны) [2, с. 507; 3, с. 317].

Вместе с тем в указанных определениях акцент сделан на причинение ущерба окружающей среде. В этой связи целесообразно определить понятие экологической войны в широком смысле – как метод ведения военных действий с целью нанесения значительного ущерба противнику путем воздействия на среду его обитания до такой степени, что мирное пользование жителями этой территории будет серьезно ограничено.

Анализ действующего законодательства и научных трудов по данной проблематике позволяет обозначить возможные способы ведения экологической войны:

а) заражение (загрязнение) воды, воздуха и почвы;

б) уничтожение флоры и/или фауны;

в) провоцирование техногенной катастрофы (стимулирование схода селей, оползней, а также цунами, паводков, землетрясений и извержений вулканов), вызывание цунами, ливней, смерчей, ураганов и изменение их траектории;

г) привнесение в экосистему в значительном количестве враждебных и действующих агрессивно по отношению к ней ядовитых растений, кровососущих насекомых-переносчиков заболеваний, патогенных микроорганизмов, вирусов и т.п.;

д) нарушение климата путем уничтожения растительного покрова, разрушения рельефа местности и др.

При этом любой из этих способов ведения экологической войны определяется наличием и возможностями средств поражения, поэтому в экологической войне может быть использовано и оружие массового поражения.

При этом с учетом указанных выше способов ведения экологической войны можно предложить перечень разновидностей экологического оружия:

а) гидросферное – способно воздействовать на океан, создавать приливные волны (цунами), загрязнять воды, инициировать наводнения;

б) метеорологическое – воздействует на атмосферные процессы, вызывает пожары и огненные бури, разрушает слой озона;

в) климатическое – изменяет климат и температурные режимы в определенных районах, разрушает почвенный и растительный покров земли;

г) литосферное – может инициировать землетрясения, стимулировать извержение вулканов;

д) иные способы ведения экологической войны, позволяющие привести к уничтожению значительного объема флоры и/или фауны и иным влекущим значительный экологический ущерб последствиям.

Реализация указанных способов ведения экологической войны может быть достигнута использованием оружия массового поражения (ОМП).

Среди ОМП традиционно выделяются виды:

а) химическое оружие, действие которого основано на токсических свойствах отравляющих веществ (ОВ), а также средства доставки отравляющих веществ к цели (снаряды, ракеты, мины, авиабомбы и др.);

Химическое оружие широко применялось только в двух войнах (125 тыс. тонн было использовано во время Первой мировой войны (1914–1918) и 90 тыс. тонн – во время войны во Вьетнаме (1955–1975).

б) ядерное оружие – совокупность ядерных боеприпасов, средств их доставки к цели и средств управления;

Ядерное оружие дважды применялось США в 1945 году по г. Хиросима и г. Нагасаки в период войны с Японией (1941–1945).

Отметим, что наиболее известными последствиями применения ядерного оружия являются: опасность лучевой болезни у перенесших ядерный взрыв людей; повреждение систем связи,

линий электропередач, возможность разрушения озонового слоя атмосферы; нарушение теплового баланса атмосферы.

в) биологическое оружие – это патогенные микроорганизмы, вирусы, заражённые животные, а также средства их доставки (ракеты, управляемые снаряды, автоматические аэростаты, авиация), предназначенные для массового поражения живой силы противника, сельскохозяйственных животных, посевов сельскохозяйственных культур.

Впервые применить его пыталась кайзеровская Германия в Первую Мировую войну (1914–1918) путем заражения лошадей противника возбудителем сапа.

Заключение.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, какими бы средствами вооруженной борьбы ни велась война, ее целью, прежде всего, является нарушение экономического, экологического и социального баланса территории противника. При этом самыми тяжкими и трудно восполняемыми являются нарушения экологического баланса территории в результате ведения экологических войн и применения оружия массового поражения.

В этой связи ликвидация всех видов оружия массового уничтожения и экологического оружия – единственно реальный путь предотвращения глобальной экологической катастрофы, связанной с военными действиями.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ашихмин И.М. Международно-правовое обеспечение экологической безопасности в военной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 196 с.
2. Большой энциклопедический словарь. М., 2012. 547 с.
3. Дедю И.И. Экологический энциклопедический словарь. Кишинев : Главная редакция Молдавской советской энциклопедии, 1989. 406 с.
4. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. 1972.
5. Корякин В.М. Военное право: антология диссертаций : в 2-х ч. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». М., 2011. Ч. 2. С. 193.
6. Крейке Эммануэль. Выжженная земля: экологическая война как преступление против человечества и природы. Издательство Принстонского университета. 2021. С. 1668–1672.
7. Павлов Ю.А. Экологическая война во Вьетнаме (1961–1975): итоги и уроки // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. № 3. С. 89–93.
8. Поручение Президента Российской Федерации от 02 декабря 2017 г. № Пр-2435.
9. Резолюция 31/72 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1976 года.
10. Энциклопедия Fireman.club. URL : <https://fireman.club> (дата обращения 21.03.2025).

References:

1. Ashikhmin I.M. International legal provision of environmental safety in military activities : dis. ... kand. jurid. Sciences. M., 1997. 196 p.
2. Large encyclopedic dictionary. M., 2012. 547 p.
3. Dediu I.I. Ecological Encyclopedic Dictionary. Chisinau: The main edition of the Moldovan Soviet Encyclopedia, 1989. 406 p.
4. Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment. 1972.
5. Koryakin V.M. Military law: anthology of dissertations : in 2 parts. The series «Law in the Armed Forces – consultant». M., 2011. Part 2. P. 193.
6. Kreike Emmanuel. Scorched Earth: Ecological warfare as a crime against humanity and nature. Princeton University Press. 2021. P. 1668–1672.
7. Pavlov Yu.A. The ecological war in Vietnam (1961–1975): results and lessons // Social and humanitarian sciences in the Far East. 2021. Vol. 18. № 3. P. 89–93.
8. Instruction of the President of the Russian Federation dated December 02, 2017 № Pr-2435.
9. General Assembly resolution 31/72 of December 10, 1976.
10. Encyclopedia of Fireman.club. URL : <https://fireman.club> (date of application 03/21/2025).

Информация об авторе

Васильева Мария Александровна

доктор юридических наук,
Университет прокуратуры Российской Федерации
vasileva-ecology@mail.ru

Maria A. Vasilyeva

Doctor of Law,
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
vasileva-ecology@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-5>
УДК 349.2

Attribution
cc by

РАБОТНИК КАК БОЛЕЕ СЛАБАЯ СТОРОНА ТРУДОВОГО СПОРА

Вишнева У.И.

Московская коллегия адвокатов «Право и инновации»

Аннотация. Вопросы и проблемы, которые рассматриваются в настоящей статье, представляют интерес из-за высокого числа нарушений трудовых прав работников. Законодатель и правоприменительные органы, прежде всего, ориентируются на защиту прав работников как слабой стороны трудовых отношений. В рамках статьи рассмотрена специфика правового положения работника как слабой стороны трудовых споров и способы защиты его прав. Особое внимание уделено анализу судебной практики Верховного Суда РФ в части защиты прав работников. Одной из целей исследования в рамках научной статьи стало также обоснование изменений в законодательство и уточнений в постановления пленумов ВС РФ в части защиты прав работников. В рамках статьи учтены и новые концепции относительно вопросов злоупотребления работником своими правами. Целью настоящей статьи является системный анализ правового положения работника как слабой стороны трудовых правоотношений.

Ключевые слова: защита прав работника, несудебные способы защиты прав работника, работник, работодатель, судебные способы защиты прав работника, трудовые правоотношения, трудовые споры.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE EMPLOYEE AS THE WEAKER SIDE OF THE LABOR DISPUTE

Uliana I. Vishneva

Lawyer of the Moscow bar Association «Law and Innovations»

Abstract. The issues and problems considered in this article are of interest due to the fact that it is the rights of workers that are violated quite often, and the number of such violations is high. That is, both the legislator and law enforcement agencies are primarily focused on protecting the rights of workers as the weaker party in labor relations. The article examines the specifics of the legal status of an employee as a weaker party in labor disputes, and considers ways to protect rights. Particular attention is paid to the analysis of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in terms of protecting the rights of workers. One of the goals of the research within the framework of the scientific article was also the justification of changes in legislation and clarifications in the resolutions of the plenums of the Supreme Court of the Russian Federation in terms of protecting the rights of workers. At the same time, the article also takes into account new concepts regarding issues of abuse of rights by an employee, including the right to judicial protection. Thus, the purpose of this article is a systematic analysis of the legal status of an employee as a weaker party in labor relations and labor disputes.

Keywords: protection of employee rights, non-judicial methods of protecting employee rights, employee, employer, judicial methods of protecting employee rights, labor relations, labor disputes.

Funding: Independent work.

Введение. Актуальность темы настоящей статьи обусловлена несколькими объективными факторами. Прежде всего, следует отметить, что дискуссия о слабой стороне трудовых отношений в целом и трудового спора в частности, ведётся довольно давно, так как именно работник является слабой стороной трудовых правоотношений, что вызывает необходимость создания особой системы защиты его прав. На практике это

выражается в том, что трудовые права работника нарушаются довольно часто. Так, например, если исходить из доклада Уполномоченного по правам человека за 2023 год, следует, что произошло увеличение количества жалоб по вопросам нарушения трудовых прав работников более чем в 2 раза [9].

Стоит отметить, что суды признают работника слабой стороной трудовых правоотношений и

трудовых споров, и в значительной мере удовлетворяют иски требования работников.

Вместе с тем, сейчас начинает формироваться, и концепция злоупотребления работниками своими правами.

Таким образом, тема настоящей работы актуальна и значима, как следствие, целью научной статьи является определение специфики статуса работника как слабой стороны трудовых споров.

Обсуждение.

Прежде чем охарактеризовать статус работника как слабого субъекта трудовых правоотношений в целом и правового спора в частности, следует дать общее понятие слабого участника частных правовых отношений.

Е. Волос указывает на то, что для слабой стороны характерно, прежде всего, материально-имущественная зависимость такого субъекта, а также некоторые дополнительные признаки, такие как неопытность, непрофессионализм, правовая некомпетентность, необразованность [8, с. 96].

И. Покровский выделил признак для слабой стороны любого правоотношения – особую систему защиты прав такой стороны.

Данные общие признаки применимы и к слабой стороне трудовых правоотношений, трудовых споров. Охарактеризуем особенности работника как слабой стороны трудовых споров более подробно.

Во-первых, работник является экономически подчиненной стороной. При этом В. Коншаков обосновывает это тем, что работодатель обладает так называемой «хозяйской властью» [11, с. 15]. Исследователь также отмечает, что хозяйская власть основывается на объективно сложившейся возможности работодателя оказывать решающее влияние на всю систему управления факторами производства, ресурсами производства. Причём проявлением такой власти является тот факт, что работодатель заключает с работником трудовой договор, он вместе с работником определяет условия труда и на основании названных условий работодатель приобретает право давать работнику обязательные для исполнения указания, которые и позволяют реализовать все нормы и положения трудового договора.

Делается логический вывод о том, что работник является экономически несамостоятельной стороной, и эта причина обуславливает тот факт, что работник в итоге является слабой стороной трудовых правоотношений в целом и трудовых споров в частности. Поэтому здесь используются особые механизмы защиты трудовых прав работников.

Во-вторых, острой проблемой является низкий уровень правовых знаний работника. Так, например, исследователи отмечают, что по итогам опросов выяснилось, что 25 % работников вполне искренне полагают, что ежегодный оплачиваемый отпуск составляет 14 календарных дней [10, с. 66].

В-третьих, имеет место дискриминация работника, которая может осуществляться на любой стадии, от заключения договора до его расторжения.

А.М. Лушников и М.В. Лушникова выделяют следующие виды дискриминации [12, с. 298]:

- дискриминацию в процессе приема на работу;
- дискриминацию в процессе переобучения, повышения квалификации, получения дополнительного образования;
- дискриминацию в продвижении по службе, затруднение карьерного роста;
- дискриминацию в сфере материального стимулирования;
- дискриминацию в сфере выбора специальности, места работы;
- дискриминацию в сфере увольнения работника.

В-четвертых, закрепляется и особая система защиты трудовых прав работников. Такие формы закреплены в статье 352 Трудового кодекса РФ [1].

К несудебным формам защиты прав относятся:

- самозащита работниками своих трудовых прав; защита трудовых прав и законных интересов работников профсоюзами;
- федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

Обратим внимание на тот факт, что первые два способа несудебной защиты закрепляются только за работниками.

Вместе с тем, следует отметить, что законодатель в статье 352 Трудового кодекса не определил такие формы несудебной защиты прав работника, как деятельность прокуратуры, деятельность системы уполномоченных по правам человека.

Автор настоящей статьи полагает, что названные формы защиты прав работника должны быть непосредственно поименованы нормами данной статьи.

Законодатель предлагает весьма доступную процедуру судебной защиты прав работника.

Именно в рамках судебной практики и разрешения трудовых споров принимаются судебные решения, исходя из признания работника слабой стороной трудовых отношений. Например, Пленум ВС РФ определил, что в силу норм статьи 393 Трудового кодекса РФ работник освобождается от любых судебных расходов [3].

Судебная коллегия ВС РФ, отменяя решения нижестоящих судов, которые возложили на истца обязанность оплатить проведение экспертизы, сослалась на позицию Пленума ВС РФ и подчеркнула, что освобождение истца-работника от уплаты судебных расходов является гарантией прав работника, как слабой стороны трудовых отношений [5].

Третий кассационный суд определил, что именно работодатель должен доказать, что договор является не трудовым, а гражданско-правовым, так как работник в силу того, что является слабой стороной ограничен в процессе сбора доказательств [7].

Еще более чётко свою позицию выразила коллегия ВС РФ по делу № 16-КГ20-6 [6]. Коллегия отменила акты нижестоящих судов, которые отклонили иски о возмещении работником расходов на оплату труда, так как он пропустил срок исковой давности при обращении в суд по спору об увольнении. Суд мотивировал своё решение тем, что работник находился в материальной зависимости от работодателя, испытывал давление со стороны и именно по причине такого давления не смог в пределах искового срока подать исковое заявление.

Также следует обратить внимание на ещё одну правовую позицию коллегии ВС РФ [4]. В данном случае, ВС РФ определил, что законодатель существенно ограничил практику заключения срочных трудовых договоров, и такое ограничение служит гарантиям прав работника как слабой стороны трудовых правоотношений.

В настоящее время, в рамках современной правовой доктрины, начинает обосновываться концепция «трудового экстремизма» со стороны работника, когда работник действует недобросовестно и злоупотребляет своими правами, руководствуясь тем, что суды, в большинстве случаев, встают на защиту прав работников.

До недавнего времени все возможные противоречия в рамках трудовых споров трактовались в пользу работников. Как следствие, работники, в ряде случаев, начинают действовать вопреки принципу добросовестности и злоупотреблять своими правами. При этом нарушается баланс прав и законных интересов сторон трудовых правоотношений [13].

В среде юристов-практиков под «трудовым экстремизмом» понимается недобросовестное поведение работника как стороны трудовых правоотношений, трудового договора, которое в итоге вызывает прямое нарушение прав и законных

интересов работодателя. Довольно часто, идя на конфликт с работодателем, работник действует агрессивно, злоупотребляя не только правом на обращение в суд, но и правом на обращение в прокуратуру, налоговую инспекцию, иногда обращаясь и в правоохранительные органы с неправомерными требованиями о возбуждении уголовного дела против работодателя [14].

Таким образом, должен быть реализован не только принцип добропорядочности со стороны работодателя, но и такой же принцип со стороны работника. Пленум ВС РФ сделал первый такой шаг еще в 2004 году, когда привел пример факта недобросовестности со стороны работника, а именно сокрытие факта беременности. И пример очевидный – работодатель, если бы знал о статусе работницы, как беременной, либо не уволил сотрудницу, либо же уволил по применимому основанию (при его наличии). То есть, работодатель из-за бездействия работницы (в части информирования о своём статусе) формально нарушил требования трудового законодательства. Верховный Суд объяснил, что в данном случае наличие признаков нарушения трудового законодательства не является основанием для восстановления на работе, поскольку причиной такого нарушения стало бездействие истца [2].

Результаты.

Таким образом, в нашем исследовании определены основные факторы, которые характеризуют работника как слабую сторону трудовых отношений в целом, так и трудовых споров в частности.

Особое внимание уделено формулированию правовых позиций в рамках судебной практики. При этом суды напрямую определяют, что работник является слабой стороной. Закрепляются позиции, что работник освобождается от всех судебных расходов как слабая сторона. Определяется, что функция доказывания должна возлагаться именно на работодателя, так как работнику затруднительно получать доказательства.

Выявлены проблемы и определено, что могут быть предложены изменения в трудовое законодательство, а также с целью формирования единообразной судебной практики предлагается закрепить дополнительные гарантии защиты прав работника на уровне постановления Пленума ВС РФ.

В частности, автор предлагает:

- в статье 352 Трудового кодекса РФ, кроме уже закреплённых в данной статье форм защиты прав работника (самозащита работниками трудовых прав:
- защиту трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами;
- федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;

- судебную защиту – необходимо закрепить и конкретизировать такие формы защиты прав работника, как обращение в прокуратуру, обращение к уполномоченному по правам человека;
- для формирования единообразной судебной практики на уровне Пленума ВС РФ определить в качестве уважительной причины пропуска срока исковой давности по спорам об увольнении – воздействие работодателя на работника с целью воспрепятствовать обращению в суд.

Заключение.

Таким образом, по итогам работы можно сделать следующие выводы:

- 1) факторами, которые свидетельствуют о том, что работник – это слабая сторона трудовых споров являются:
- материальная зависимость работника;

- низкий уровень правовой грамотности работника;
- случаи дискриминации, которые могут проявляться от момента заключения трудового договора до момента увольнения;
- особые методы защиты прав работников; правовые позиции высшего судебного органа по разрешению трудовых споров.

2) вместе с тем, ставится вопрос о наличии такого явления, как «трудовой экстремизм», злоупотребление работниками своими правами, в том числе и правом на судебную защиту;

3) обоснованы предложения о внесении изменений в статью 352 Трудового кодекса РФ с конкретизацией иных форм защиты прав работника, а также о закреплении некоторых положений ВС РФ с целью формирования единообразной судебной практики для защиты работника как наиболее слабой стороны трудового спора.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 6.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // СПС «Гарант».
4. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.07. 2021 г. № 85-КГПР21-1-К1. URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-ros-siiskoi-federatsii-ot-19072021-n-85-kgpr21-1-k1>
5. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.05.2021 № 41-КГ21-14-К4. URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-31052021-n-41-kg21-14-k4>
6. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.06. 2020 г. № 16-КГ20-6. URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29062020-n-16-kg20-6>
7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.05.2023 № 88-7703/2023. URL : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=456811>
8. Волос Е.П. Признаки слабой стороны в гражданском правоотношении в современных экономико-правовых условиях // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 9. С. 94–101.
9. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. URL : <https://rg.ru/documents/2024/06/11/document-1718031632431255.html>
10. Калинин И.В. Правовая грамотность работников как основной механизм реализации охраны труда на производстве // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2022 г.). М. : Буки-Веди, 2022. С. 65–70.
11. Коншаков В.М. Проблемы конституционализации правового регулирования социально-трудовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 24 с.

12. Курс трудового права : учебник / Отв. ред. А.М. Лушников, В.М. Лушникова. М., 2009. С. 297–298.
13. Маракулин Д. По трудам их. Как меняется подход к рассмотрению споров между сотрудниками и работодателем. URL : https://www.dp.ru/a/2019/12/19/Po_trudam_ih
14. Некрасова И. Что такое трудовой экстремизм. URL : <https://bolshoedelo.com/news/inform/trudovoy-ekstremizm>

References:

1. The Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 №197-FZ (as amended on August 4, 2024). Collection of Legislation of the Russian Federation, January 07, 2002. № 1 (part 1). Art. 3.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 2 dated March 17, 2004 «On the application of the Labor Code of the Russian Federation by the Courts of the Russian Federation» (with amendments and additions) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2004. № 6.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2018 № 15 «On the application by courts of legislation regulating the labor of employees working for employers – individuals and employers – small businesses that are classified as microenterprises» // SPS «Garant».
4. Court ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 19, 2021 № 85-KGPR21-1-K1. URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19072021-n-85-kgpr21-1-k1>
5. Court ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 31, 2021 № 41-KГ21-14-K4. URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-31052021-n-41-kg21-14-k4>
6. Court ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 29, 2020 № 16-KГ20-6. URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29062020-n-16-kg20-6>
7. Court ruling of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction dated May 10, 2023 № 88-7703/2023. URL : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=456811>
8. Volos E.P. Signs of a weak side in civil law in modern economic and legal conditions. problems of Russian law. 2022. Vol. 17. № 9. P. 94–101.
9. Report on the activities of the Commissioner of Human Rights in the Russian Federation for 2023. URL : <https://rg.ru/documents/2024/06/11/document-1718031632431255.html>
10. Kalinger I.V. Legal literacy of employees as the main mechanism for the implementation of occupational safety at work. Actual problems of law: proc. 6th Int. Scientific Conference. (Moscow, December 2022). М. : Buki-Vedi, 2022. P. 65–70.
11. Konshakov V.M. Problems of constitutionalization of legal regulation of social and labor relations : dis. ... of Candidate of Law. М., 2014. P. 24.
12. Lushnikov A.M. Course of Labor law / Responsible editors A.M. Lushnikov, V.M. Lushnikova. М., 2009. P. 297–298.
13. Marakulin D. According to their works. How is the approach to resolving disputes between employees and the employer changing. URL : https://www.dp.ru/a/2019/12/19/Po_trudam_ih
14. Nekrasova I. What is labor extremism. URL : <https://bolshoedelo.com/news/inform/trudovoy-ekstremizm>

Информация об авторе

Вишнева Ульяна Ивановна
адвокат Московской коллегии адвокатов
«Право и инновации»,
ORCID: 0009-0007-1706-910X
vishneva777@yandex.ru

Uliana I. Vishneva
Lawyer of the Moscow Bar Association
«Law and Innovations»
ORCID: 0009-0007-1706-910X
vishneva777@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.05.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-7>

УДК 321.01

Attribution

cc by

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕОРИИ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА В РАМКАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ МЕЖДУНАРОДНЫМ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРАВОМ

Гуляев Т.Н.

Московский университет «Синергия»

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию сущности и роли суверенитета в условиях современного глобализованного мира. В центре авторского внимания – анализ трансформации концепции суверенитета под воздействием глобальных процессов, международных нормативных актов и новых вызовов, таких как вмешательство транснациональных корпораций и международных организаций. В работе рассматриваются основные характеристики, функции и ограничения суверенитета, а также его эволюция в исторической перспективе. Методологическая база включает историко-правовой анализ, сравнительный подход, контент-анализ нормативных документов и публичных выступлений. Исследование позволяет выявить особенности реализации суверенитета в различных странах и эпохах, а также определить его роль в формировании внутренней политики и межгосударственных отношений. Полученные результаты способствуют развитию теоретических основ и практических рекомендаций по укреплению и адаптации концепции суверенитета в условиях глобальных изменений, а также подчеркивают необходимость балансирования национальных интересов и международной ответственности.

Ключевые слова: государственный суверенитет, международные отношения, глобализация, транснациональные акторы, национальная независимость, международное право, территориальная целостность, прав человека, интервенции, глобальные нормативные акты.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE HISTORICAL ASPECT OF THE THEORY OF STATE SOVEREIGNTY IN THE FRAMEWORK OF THE INTERACTION BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

Timur N. Gulyaev

Moscow University «Synergy»

Abstract. This work is devoted to the study of the essence and role of sovereignty in the modern globalized world. The focus is on the analysis of the transformation of the concept of sovereignty under the influence of global processes, international regulations and new challenges, such as the intervention of multinational corporations and international organizations. The paper examines the main characteristics, functions, and limitations of sovereignty, as well as its evolution from a historical perspective. The methodological base includes historical and legal analysis, a comparative approach, content analysis of regulatory documents and public speeches. The study makes it possible to identify the specifics of the implementation of sovereignty in various countries and eras, as well as to determine its role in shaping domestic policy and interstate relations. The results obtained contribute to the development of theoretical foundations and practical recommendations for strengthening and adapting the concept of sovereignty in the context of global changes, as well as emphasize the need to balance national interests and international responsibility.

Keywords: state sovereignty, international relations, globalization, transnational actors, national independence, international law, territorial integrity, human rights, interventions, global regulations.

Funding: Independent work.

Введение.

Концепция суверенитета занимает центральное место в теоретических и практических дискуссиях о современном устройстве международных отношений и внутренней политике государств.

Актуальность рассматриваемого вопроса обоснована происходящими в современном мире интеграционными процессами и глобализации, что ведет к переосмыслению понятия «суверенитет», его сущностного содержания и границ.

Концепция суверенитета занимает центральное место в теоретических и практических дискуссиях о современном устройстве международных отношений и внутренней политике государств.

Современные вызовы, такие как вмешательство международных организаций во внутренние дела государства, цифровая трансформация, экологические кризисы, иммиграционные процессы, требуют пересмотра классических подходов к понятию «суверенитет» и поиска компромисса между национальными интересами и глобальными обязательствами. Поэтому является важным изучение исторической эволюции концепции, а также анализ текущих тенденций, показывающих её динамичный характер.

Использование комплексных методологических подходов, таких как историко-правовой анализ, сравнительный метод и контент-анализ нормативных актов, позволяет выявить особенности реализации и восприятия суверенитета в различных контекстах.

Обсуждение.

Термин «суверенитет» происходит от французского слова «souveraineté», обозначающего верховную власть. В историческом контексте он включает в себя идеи абсолютной власти внутри государства и независимости в международных отношениях.

Согласно классической теории, суверенитет представляет собой исключительное право государства управлять своей внутренней и внешней политикой без внешнего вмешательства.

Впервые термин «суверенитет» стал использоваться в конце XVI – начале XVII века в рамках укрепления централизованных государственных структур в Европе.

В Центральной и Восточной Европе суверенитет ассоциировался с правоцентрализованными государствами, где центральный орган обладал исключительной властью. Связь суверенитета с развитием государственных институтов прослеживается через институционализацию власти, закрепление ее в конституциях и международном праве.

Важной датой является Вестфальский мир 1648 года, который закрепил принцип нерушимости границ и невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

© Гуляев Т.Н.

Таким образом, суверенитет стал основой государственности, позволяя государствам заниматься внутренними делами и определять свою внешнюю политику. В теоретическом плане он выступает как равенство всех государств в международной системе.

Исторически связь суверенитета с развитием цивилизации иллюстрируется примером возникновения национальных государств в XVI–XVII веках, таких как Франция и Англия. Этот концепт является базой для формулирования международного права, где суверенитет выступает как фундаментальный принцип регулирования межгосударственных отношений.

Общая концепция суверенитета претерпела значительные изменения с течением времени. Еще в античности идея верховной власти принадлежала царям или правителям, однако она имела ограниченные рамки и часто ассоциировалась с божественной волей [10].

В Средние века, при феодальной раздробленности, понятие «суверенитет» носило децентрализованный характер, а власть была разложена между многочисленными феодальными лордами.

В эпоху Возрождения и Нового времени, с формированием национальных государств, появился взгляд на суверенитет как на исключительную власть монарха и народа внутри границ государства.

В XVII веке, после Вестфальского мира, закрепилась идея о нерушимости границ и равенстве суверенных государств. В XIX–XX веках концепция расширилась и включила идеи легитимности власти и народовластия, что, например, реализовалось в теориях демократии.

В современной системе международных отношений ведущие идеи связаны с ограничением суверенитета в рамках международных обязательств, что отражается в международных организациях, таких как ООН.

Постмодернистский подход подчеркивает гибкость и изменчивость понятия в связи с глобализацией, мобилизацией транснациональных компаний и технологическим прогрессом. Эти изменения демонстрируют, что суверенитет – не статичный, а динамический концепт, постоянно адаптирующийся к новым условиям мира и политической ситуации. Особенно ярко это проявляется в обсуждениях о так называемом «государственном суверенитете в эпоху глобализации», когда государство сталкивается с необходимостью балансировать между внутренней автономией и международными обязательствами.

В современном государстве суверенитет закреплён в конституционных нормах большинства стран мира как основной принцип государственного устройства.

В Конституции Франции, например, закрепляется верховенство народа и его суверенное право, что подтверждает легитимность власти и её источник – народ [2].

Аналогичные положения содержатся в Конституции Германии, где суверенитет выражается через федеральный принцип и разделение властей, обеспечивая баланс и контроль между разными институциями [11].

В России, согласно статье 3 Конституции, суверенитет частью определяется как единство государственной власти, выраженное через систему институтов [7].

В США статус суверенитета закреплён в Конституции, где он проявляется через исключительное право федеральных органов управлять внутренней и внешней политикой. На основе этих норм формируются правовые основы внутренней автономии и внешней независимости, регулирующие отношения внутри страны [8].

В таких странах, как Индия и Япония, конституционные положения предусматривают суверенитет как неотъемлемое право народа и страны.

В контексте международных обязательств закрепление суверенитета в национальных правовых системах подчеркивает важность его защиты и развития [3; 9]. Актуальным аспектом является баланс между суверенитетом и международными обязательствами, что на практике требует гармонизации внутренних нормативных актов и международных соглашений.

Таким образом, конституционное закрепление суверенитета служит гарантом стабильности и легитимности власти внутри государства.

Внутреннее проявление суверенитета – это его роль в распределении власти и принятии решений на государственном уровне. В теории и практике, суверенитет определяет, что именно государство является конечным распорядителем власти и ресурсов внутри своих границ. Внутренняя политика, направления развития экономики и социальной сферы, а также контроль над природными и человеческими ресурсами – все эти функции реализуются в рамках суверенитета.

Власть в демократических государствах формируется через избирательные процедуры, что закреплено в конституциях и обеспечивается институтами власти. Контроль над ресурсами – это важная часть реализации суверенитета, так как ресурсы позволяют формировать государственную экономическую политику и обеспечивать национальную безопасность. Например, в Казахстане статус контроля над природными богатствами (нефтегазовые ресурсы) закреплён законодательством, что подтверждает суверенитет в управлении ресурсами [6].

Принятие решений касательно внутренней политики и безопасности находится в руках суверенных институтов государства, что подтверждают такие примеры, как структура власти в Китае или Индии [5].

Однако на практике существуют ограничения внутреннего суверенитета, вызванные федеративным устройством, децентрализацией или сепаратистскими движениями, что создаёт сложные ситуации.

В условиях федеративных систем, таких как Германия или США, части федерации обладают значительной автономией, что накладывает ограничения на единый суверенитет центра. В результате, внутренний суверенитет всё чаще сталкивается с вызовами, связанными с федерализмом, региональными особенностями и межэтническими конфликтами.

Реализация суверенитета нередко осложняется внутренними и внешними факторами.

Внутренние ограничения возникают в результате федеративных актов и децентрализации власти, что приводит к конфликтам между федеральным центром и регионами.

Например, в Канаде и Бразилии, сепаратистские движения требуют большей автономии или даже полного выхода из состава государства.

В федеративных странах, таких как Австралия или Индонезия, автономия регионов создаёт сложные вопросы о границах внутренних полномочий.

Внутренний суверенитет также подвергается испытаниям в случаях коррупции, слабости институтов и вмешательства внешних сил.

Внутренние вызовы сопряжены с проблемой сепаратизма, как в Каталонии или Шотландии, где региональные элиты требуют более широкой автономии или независимости.

В условиях глобализации и растущей роли транснациональных корпораций, государственный суверенитет сталкивается с угрозами от их деятельности, что ограничивает полномочия национальных органов. В некоторых странах, например, в Иране, наличие внутренней власти и внешних санкций ставит под вопрос полное осуществление суверенитета. Основная проблема – баланс между внутренней автономией и необходимостью сотрудничества с международными организациями и партнёрами. В результате, внутренний суверенитет постоянно находится под воздействием глобальных и региональных факторов, а его реализация требует поиска компромиссов и согласования интересов [4].

Процессы глобализации существенно меняют традиционные представления о суверенитете, увеличивая степень взаимозависимости государств. Интеграционные процессы в рамках ЕС, например, требуют от участников уступать часть суверенных полномочий в обмен на общие преимущества, такие как свободное движение и экономический рост [1]. Транснациональные корпорации, действующие по всему миру, зачастую влияют на национальную политику, вводя понятия «экономического суверенитета» под угрозу. Глобальные сети коммуникаций и ин-

формация, передаваемая через сеть Интернет, усиливают межгосударственную взаимозависимость и сокращают пространство национальной автономии.

Такие страны, как США или Китай сталкиваются с вызовами от транснациональных платформ вроде Google или Alibaba, что ограничивает контроль государств над внутренней информационной и экономической сферами.

Энергетическая политика и климатические соглашения также существенно влияют на суверенитет, поскольку требуют согласования интересов нескольких стран. В результате, полная автономия и независимость в традиционном понимании становятся всё более условными, а государства вынуждены вести баланс между национальными интересами и глобальными обязательствами.

Роль международных организаций, таких как ООН, ЕС и НАТО, – в регулировании и ограничении суверенитета государств.

В рамках глобальных институтов реализуются механизмы коллективной безопасности, совместного принятия решений, и ограничения отдельных прав в интересах общего мира [12, 13]. Например, НАТО действует как механизм коллекционной обороны, вмешиваясь в кризисные ситуации, например, в 1999 году в Косово.

Важным аспектом является вопрос о легитимности и последствиях таких ограничений – насколько это оправдано и легитимно с точки зрения международного права. На практике, ограничения суверенитета в рамках этих организаций воспринимаются как необходимость для обеспечения стабильности и безопасности, однако вызывают споры о сохранении национальной автономии.

Таким образом, международные организации выступают как инструменты ограничения и защиты суверенитета, балансируя между необходимостью глобального регулирования и сохранением национальной самобытности.

Заключение.

Анализ современного состояния концепции суверенитета подтверждает, что его сущность не остается статичной и постоянно подвержена трансформациям под влиянием внутренних и внешних факторов.

В национальном контексте, суверенитет выступает как фундаментальное право государства на внутреннюю автономию и политическую независимость, закрепленное в национальных конституциях и международных правовых нормах.

Постоянный поиск баланса между региональными интересами и централизованной властью объясняется тем, что реализация суверенитета неизбежно сопряжена с внутренними ограничениями: федерализм, децентрализация, внутренние конфликты.

Современные глобальные процессы и международные договоры демонстрируют, что традиционный, абсолютный суверенитет становится менее применимым. Все это требует пересмотра классического подхода к определению понятия суверенитет, так как современная интерпретация включает не только право, но также ответственность перед глобальным сообществом в условиях современных вызовов и угроз.

Для обеспечения стабильности и развития суверенитета необходимо постоянное совершенствование правовых и институциональных структур. Следует отметить, что важным направлением исследования становится влияние цифровизации, кибербезопасности и больших данных на права и границы суверенных государств.

Взаимодействие суверенитета с передовыми технологиями, такими как искусственный интеллект и блокчейн, требует переосмысления границ ответственности и прав государств.

Другим важным аспектом является экологический суверенитет, который также требует переосмысления границ ответственности в рамках международных экологических соглашений, подразумевающих сохранение ресурсов и климатические обязательства.

Следующий вопрос – это миграционная политика и международные кризисы, которые подразумевают необходимость контроля над миграционными потоками и подчеркивают значимость международных организаций в вопросах регулирования миграционных процессов. Контроль над миграционными потоками и роль международных организаций в регулировании миграционных процессов приобретают особую актуальность в условиях глобальных кризисов и пандемий. Такого рода исследования позволяют сформировать теоретические основы и внедрить практические рекомендации по развитию суверенитета в условиях беспрецедентных вызовов современности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Консолидированная версия Договора о функционировании Европейского Союза. URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12012E%2FTXT> (дата обращения 20.05.2025).
2. Конституционные акты Франции. URL : <https://legalns.com/компетентные-юристы/правовая-библиотека/конституции-стран-мира/конституция-франции> (дата обращения 20.05.2025).
3. Конституция Индии. URL : <https://www.india.gov.in/my-government/constitution-india> (дата обращения 20.05.2025).
4. Конституция Исламской Республики Иран. URL : <https://kitaboxu.com/wp-content/uploads/2023/03/Конституция-Исламской-Республики-Иран.pdf> (дата обращения 20.05.2025).
5. Конституция Китайской Народной Республики. URL : <https://www.npc.gov.cn/englishnpc/constitution2019> (дата обращения 20.05.2025).
6. Конституция Республики Казахстан. URL : https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения 20.05.2025).
7. Конституция Российской Федерации. URL : <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution> (дата обращения 20.05.2025).
8. Конституция Соединённых штатов Америки. URL : <https://www.archives.gov/founding-docs/constitution> (дата обращения 20.05.2025).
9. Конституция Японии. URL : https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (дата обращения 20.05.2025).
10. Осветимская И.И. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2. С. 150–168.
11. Основной закон Федеративной Республики Германии. URL : <https://legalns.com/компетентные-юристы/правовая-библиотека/конституции-стран-мира/конституция-германии.pdf> (дата обращения 20.05.2025).
12. Североатлантический договор. URL : https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения 20.05.2025).
13. Устав Организации Объединённых Наций. URL : <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 20.05.2025).

References:

1. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12012E%2FTXT> (date of application 05.20.2025).
2. Constitutional Acts of France. URL : <https://legalns.com/компетентные-юристы/правовая-библиотека/конституции-стран-мира/конституция-франции> (date of application 05/20/2025).
3. Constitution of India. URL : <https://www.india.gov.in/my-government/constitution-india> (date of application 05.20.2025).
4. The Constitution of the Islamic Republic of Iran. URL : <https://kitaboxu.com/wp-content/uploads/2023/03/Конституция-Исламской-Республики-Иран.pdf> (date of application 05.20.2025).
5. Constitution of the People's Republic of China. URL : <https://www.npc.gov.cn/englishnpc/constitution2019> (date of application 05.20.2025).
6. Constitution of the Republic of Kazakhstan. URL : https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (date of application 05.20.2025).
7. Constitution of the Russian Federation. URL : <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution> (date of application 05.20.2025).
8. The Constitution of the United States of America: URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/constitution> (date of application 05/20/2025).
9. Constitution of Japan. URL : https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (date of application 05.20.2025).
10. Razvatimskaya I.I. State sovereignty: content and transformation in the context of globalization // Izvestiya vysshikh uchebnykh uchebnykh. Law studies. 2017. № 2. P. 150–168.
11. Basic Law of the Federal Republic of Germany. URL : <https://legalns.com/компетентные-юристы/правовая-библиотека/конституции-стран-мира/конституция-германии.pdf> (date of application 05.20.2025).
12. North Atlantic Treaty Organization. URL : https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm (date of application 05.20.2025).
13. Charter of the United Nations. URL : <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (date of application 05.20.2025).

Информация об авторе

Гуляев Тимур Николаевич
аспирант,
Московский университет «Синергия»
regina.yafizova@mail.ru

Timur N. Gulyaev
Postgraduate Student,
Moscow University «Synergy»
regina.yafizova@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-2>

УДК 342

Attribution

cc by

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ГОРОДСКУЮ СРЕДУ

Попов Е.А.¹, Абрамян С.К.², Штырхунова Н.А.³

^{1,3}Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова

²Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Цель исследования – определить влияние городского электрического транспорта на пространство городской среды г. Новороссийска. Актуальность заключается в том, что для г. Новороссийска троллейбус является самым выгодным видом городского транспорта с экологической, экономической и социальной точек зрения. Развитая система общественного транспорта, в которой первостепенное значение имеет городской электрический транспорт, обеспечивает снижение нагрузки на окружающую природную среду и стабильное функционирование всех институтов, входящих в состав городского пространства – данная закономерность является одним из принципов устойчивого развития. Повышение качества условий труда работников новороссийского городского электрического транспорта способствует росту престижности профессий данной отрасли, что влечет за собой развитие городского пространства в виде эффективной работы и стабильного функционирования троллейбусного транспорта и института городского общественного транспорта в целом. Методология исследования основана на диалектико-материалистическом подходе к познанию обозначенных явлений и фактов. Инструментами в процессе работы над статьей стали такие методы, как сравнительно-правовой, описательный, статистический. Теоретическую основу составили научные работы ведущих ученых в области отечественной юриспруденции; нормативную – правовые акты в анализируемой сфере; эмпирическую – статистические данные. Результатом проведенного в статье анализа стали выводы и предложения, которые могут быть полезны в практике совершенствования законодательства по рассмотренным вопросам.

Ключевые слова: транспорт, троллейбус, городская среда, экология, город, общественный транспорт, развитие, автобус, безопасность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE DEVELOPMENT OF PUBLIC TRANSPORT AND ITS IMPACT ON THE URBAN ENVIRONMENT

Evgeny A. Popov¹, Suzanna K. Abramyan², Natalia A. Shtyrkhunova³

^{1,3}Admiral F.F. Ushakov State Maritime University

²Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The purpose of the study is to determine the impact of urban electric transport on the urban environment of Novorossiysk. The relevance lies in the fact that for Novorossiysk, the trolleybus is the most profitable form of urban transport from an ecological, economic and social point of view. A well-developed public transport system, in which urban electric transport is of paramount importance, ensures a reduction in the burden on the environment and the stable functioning of all institutions that make up the urban space – this pattern is one of the principles of sustainable development. Improving the quality of working conditions for employees of Novorossiysk urban electric transport contributes to the growth of the prestige of professions in this industry, which entails the development of urban space in the form of efficient operation and stable functioning of trolleybus transport and the institute of urban public transport in general. The research methodology is based on a dialectical-materialistic approach to the knowledge of these phenomena and facts. Methods such as comparative law, descriptive, and statistical methods have become tools in the process of working on the article. The theoretical basis is made up of scientific works by leading scientists in the field of domestic jurisprudence; normative – legal acts in the analyzed field; empirical – statistical data. The analysis carried out in the article resulted in conclusions and suggestions that may be useful in the practice of improving legislation on the issues considered.

Keywords: transport, trolleybus, urban environment, ecology, city, public transport, development, bus, safety

Funding: Independent work.

Введение

Для снижения нагрузки на окружающую природную среду в границах городской среды человеку необходимо отказаться от поездок в личном автомобиле и отдать предпочтение общественному транспорту. Первым этапом к снижению загрязнения атмосферного воздуха в городах является развитие системы общественного транспорта. Предпочтение при планировании транспортной маршрутной сети должно отдаваться городскому электрическому транспорту – трамваям, троллейбусам и др. видам [1, с. 115].

При наличии в системе автобусов малой и особо малой вместимостей необходимо перейти к тенденции постепенного перехода к автобусам средней и большой вместимостей (в зависимости от местных условий рельефа). При дальнейшем планировании и развитии системы городского общественного транспорта автобусы по мере максимальной возможности должны быть заменены городским электрическим транспортом. Замена 1 автобуса одним троллейбусом влечет за собой уменьшение выбросов угарного газа и оксидов серы на 1,5 т и 0,5 т соответственно ежегодно.

Функционирование транспортных систем должно быть подчинено интересам развития городской среды, но в городах, где действует автомобильно-ориентированная политика, транспортные системы идут по пути развития интересов постоянного и бесконтрольного роста и экспансии других элементов городского пространства [2, с. 175].

Основной проблемой автомобильно-ориентированных муниципальных образований является тот факт, что геометрические параметры городской застройки не совпадают с «идеальным» уровнем автомобилизации. Если этим фактом пренебречь, то уровень городской застройки имел бы такой разрозненный вид, что площади городов увеличились бы в несколько раз. Пример скоростного автобусного сообщения в государствах Южной Америки. В 1974 г., до внедрения системы скоростного автобуса в Куритибе, подвижным составом городского общественного транспорта производились перевозки пассажиров до 25 тысяч человек в сутки. На 2016 г. пассажирская мощность системы общественного транспорта представлена значением в 2 миллиона пассажиров в сутки. В результате проведенных исследований стало ясным, что на долю скоростного автобуса приходится 27 миллионов поездок на личных автомобилях в год.

Таким образом, уровень запасов продуктов бензина в бразильской Куритибе ежегодно сохраняется на 30 %, что непосредственно влияние на снижения загрязнения атмосферного воздуха.

Обсуждения

Развитие системы городского общественного транспорта – это залог экономического развития определенной административной (муниципальной) единицы. Благодаря тому, как общественный транспорт развивается, внимание к вопросам автомобилизации городского пространства и безопасности дорожного движения постепенно сдвигается на второй план. Помимо этого, резко уменьшается потребность в выделении парковочных мест и уменьшается доля выбросов загрязняющих веществ в окружающую среду [3, с. 23]. Сфера обслуживания населения городским транспортом является сложной системой, которая может значительно отразиться на социально-экономическом развитии муниципальных образований, если при ее планировании допустить ошибки. В связи с этим система общественного транспорта имеет стратегическое значение, которому следует уделять особое внимание.

Устойчивое развитие и функционирование городского транспорта на сегодняшний день является гарантией повышения условий качества жизни среди городского населения. Весовым фактором, который на 2023 год в большинстве городов России препятствует нормальному функционированию и дальнейшему развитию сети городского общественного транспорта, является историчность, а точнее – моменты становления транспортных систем городов, которые находились под влиянием различного рода исторических факторов. Эти же исторические факторы одновременно с невозможностью рациональной организации движения городского транспорта повлекли за собой развитие зон «притяжения» городского населения в разрывном характере.

При планировании и создании систем городского пассажирского транспорта необходимо учитывать и производить расчеты такого показателя, как экономическая эффективность. Однако в современных условиях при разработке системы работы общественного транспорта практически невозможно спланировать систему так, чтобы она имела высокий процент эффективности.

Причиной является то, что пытаются определить некий единый критерий этой самой эффективности. Трудность этого процесса заключается в невозможности установления среднего значения мотивации пассажира, по которой он определяет соответствующий способ своего перемещения между контрольными пунктами (узлами), которые для каждого пассажира являются индивидуальными.

Контрольными моментами в определении показателей эффективности всей связки городского

пассажирского транспорта является расчет следующих показателей: минимально возможный временной промежуток в ожидания пассажирами единиц общественного транспорта для совершения преодоления участка «пункт А – пункт Б», минимально возможный временной промежуток для преодоления участка «пункт А – пункт Б» и минимально возможное количество пересадок из одной единицы общественного транспорта в другую при преодолении участка «пункт А – пункт Б». Но главный недостаток данной системы расчетов – это противоречивость всех участников системы городского пассажирского транспорта.

При соблюдении момента сокращения времени ожидания общественного транспорта необходимо обеспечивать увеличение единиц подвижного состава на маршрутах, что уже со собой влечет снижение показателей экономической эффективности каждого из выполняемых рейсов. А если же посмотреть на систему с точки зрения повышения экономической эффективности маршрута по 8 машиночасам, тогда мы увидим снижение спроса среди городского населения на пользование услугами городского пассажирского транспорта.

Успешное и устойчивое функционирование транспортных систем российских городов напрямую связано с возможностью осуществления централизованного процесса диспетчеризации на уровне муниципальных (местных) органов власти. Разделение внимания на процессы оказания транспортных услуг городскому населению на муниципальные и коммерческие транспортные предприятия – главная ошибка современного процесса управления городским транспортом. Невозможно добиться устойчивого развития системы, разделенной на две части, где форма контроля в одной из половин носит жесткий характер [4, с. 32].

Одной из глобальных проблем городского транспорта, по мнению большинства специалистов, являются заторы или в простонародье – пробки. В разрешении данной проблемы поможет процесс внедрения интеллектуальных транспортных систем, ориентированные на эффективное управление всех транспортных потоков на улично-дорожной сети города [5, с. 165].

Практика Республики Татарстан показала, что внедренная ими система помогла обеспечить увеличение пропускной способности на дорогах столицы республики на 20 %. За период с 2000 по 2018 гг. было отмечено уменьшение спроса на пользование услугами городского транспорта на 61 %. Это значительно ударило по «кошелькам» транспортных предприятий, которые ежедневно выпускают троллейбусы, трамваи и автобусы на городские маршруты. Значительное сокращение показателей пассажиропотока и уменьшение выручки при постоянном росте издержек быстро приводит автотранспортные предприятия к состоянию банкротства.

Для того, чтобы продолжать обеспечивать функционирование своих автотранспортных хозяйств, перевозчики приходят к такой необходимой мере, как повышение стоимости проезда. Значительное сокращение показателей пассажиропотока и уменьшение выручки при постоянном росте издержек быстро приводит автотранспортные предприятия к состоянию банкротства. Для того, чтобы продолжать обеспечивать функционирование своих автотранспортных хозяйств, перевозчики приходят к такой необходимой мере, как повышение стоимости проезда. Следствием падения спроса на общественный транспорт является увеличение доли легковых автомобилей. Рост автомобилизации в свою очередь вызывает повышение уровня дохода среди городского населения и отсутствие каких-либо регламентирующих документов, которые бы на основе функционирования пространства городской среды ограничивали количество автомобилей на этой или иной территории.

Одним из способов повышения спроса на пользование городским пассажирским транспортом является влияние на размер заработной платы и количество автомобилей, которые находятся в собственности среди представителей городского населения. Два этих момента тесно связаны между собой и имеют неразрывной характер. Повлиять на сокращение заработной платы граждан мы никаким образом не сможем, но повлиять на количество приобретенной техники – возможно. Реализовать это можно путем совершенствования требований настоящего законодательства и внедрения различных финансовых инструментов, которые способствовали бы за счет приобретения дополнительных транспортных средств производить определенные выплаты, которые могут быть направлены местными органами власти на совершенствование и модернизацию элементов городской среды, в том числе и на нужды систем общественного транспорта.

Результаты

На сегодняшний день автомобилизация приобрела тотальный характер. Сейчас практически все развитые государства находятся в постоянном поиске способа, который ограничивал бы пользование личным автотранспортом. Однако сейчас никаких других способов, кроме способа принудительного характера, выделить невозможно.

Европейские государства, государства Запада и Китайская Народная Республика решили остановиться на методе регулирования автомобильных потоков путем разделения нечетных и четных государственных идентификационных знаков на транспортных средствах в различные дни недели. Одним из сопутствующих способов уменьшения доли автомобилизации в городском пространстве является повышение не только эффективных управленческих процессов работы общественного транспорта, то и доли безопасности при совершении поездок.

В понятие безопасности входит значительное число характеристик. К ним относятся техническая составляющая подвижного состава городского транспорта, технико-экономические, социальные, экологические и иные показатели.

В результате социологических опросов россиян в 2010–2020 гг. большее предпочтение все-таки отдавалось личному транспорту, однако вопрос повышения безопасности общественного транспорта не остался в стороне – респонденты оценили повышения качества услуг общественного транспорта, но сделали свой выбор в сторону автомобиля, т.к. он является источником самодовольствия и получения эмоционального удовлетворения от процесса управления автомобилем.

В 2020 г. корректировки в картину видения системы общественного транспорта внесла пандемия COVID-19 и появившееся вместе с остальными ограничениями понятие «социальная дистанция», которые опустили городской транспорт в рейтинге безопасности вниз.

Экономический эффект от совершенствования системы городского общественного транспорта на несколько позиций перекрывает вложенную в нее средства и ресурсы. При планировании системы транспортного обслуживания населения необходимо строго придерживаться научного принципа системного анализа с определением степени взаимосвязи выявленных структур установленным стандартам и нормативам и обеспечением анализа в сравнении других транспортных систем.

Аудит систем общественного транспорта – первоисточник стабильного функционирования института городского транспорта. Методика данной работы включает в себя структуру, логическую организацию, средства и методы аудита систем транспорта.

При проведении данного исследования для каждого из видов общественного транспорта определяются оценки таких показателей, как маршрутный коэффициент, уровень пересадочности, уровень регулярности обслуживания маршрутов, среднее значение дальности поездки пассажира, уровень обеспеченности подвижным составом и др.

Обязательным элементом аудита системы общественного транспорта должен быть экологический аудит. Экологический аудит дает возможность проанализировать степень соблюдения стандартов и норм, которые отвечают за защиту оболочек окружающей среды от негативного влияния. Экологический аудит проводится в целях установления действительного экологического состояния зон, которые находятся в обслуживании, снизить экологическое воздействие подвижного состава на функционирование городского пространства и, наконец, повысить качество проводимых природоохранных мероприятий.

В экономической сфере всех государственных объектов отрасль транспорта как вид деятельности данной сферы занимает одно из ведущих мест. Сейчас, в период кризиса, который приобрел общемировой характер, предпочтение на себя переменяет виды транспортных средств, которые для своей эксплуатации не используют двигатели внутреннего сгорания. К таким видам относятся и представители городского электрического транспорта.

В развитых государствах предпочтения в сфере пользования услугами городского пассажирского транспорта ориентир идет на электротранспорт – именно он является основным представителем перевозки пассажиров в городах, а его доля в пассажирских перевозках составляет более 50 %. В государствах, которые имеют развивающийся тип своего прогресса, доля перевозок городским электрическим транспортом составляет от 15 %.

Городской электрический транспорт – это источник электромагнитного излучения промышленной частоты (50 Гц). Многие исследования в данной области доказали, что электромагнитное излучение промышленной частоты проявляет свое воздействие на различные характеристики живых организмов, а именно такое воздействие приводит к астатическому, астеносенситивному, гипоталамическому синдрому, патологиям различного рода сердечно-сосудистой, нервной, половой, иммунной, эндокринной систем, оказывает влияние на нейрогуморальную реакцию и др. Кроме того, горэлектротранспорт – это источник шумового загрязнения. Именно транспортные средства, к которым относятся различные виды ГЭТ, являются главным источником шумового загрязнения. В городском пространстве уровень шума в жилом массиве может быть сильно увеличен за счет неправильного городского планирования (неграмотной урбанистической политики).

Шумовое загрязнение в определенных условиях может оказывать значительное влияние на здоровье и поведение человека. Он вызывает раздражение и агрессию, артериальную гипертензию (повышение артериального давления), тиннитус (шум в ушах), потерю слуха. При чрезмерном уровне шума влияет на орган слуха, центральную нервную систему и сердечно-сосудистую систему.

Заключение

На работниках горэлектротранспорта, в том числе и на лицах, обслуживающих подвижной состав, лежит ответственность за безопасность перевозок и уровень комфортности поездок пассажиров. В связи с этим работники городского электрического транспорта нуждаются в безопасных и максимально возможно комфортных условиях своего труда.

Следует отметить тот факт, что среди работников данной отрасли часто встречаются женщины

ны. Их доля на предприятиях горэлектротранспорта составляет 55 % и выше. Установлено, что наибольшее влияние на развитие колыпита оказывали электромагнитное и шумовое воздействия.

Спектр влияния электромагнитных полей на биологические объекты достаточно велик и на сегодняшний день изучен незначительно. В связи с тем для таких научных дисциплин, как «Экология», «Медицина» и «Физиология» изучение реакций живых организмов на электромагнитное воздействие является как никогда актуальной

Обеспечение безопасных условий труда – первоочередная задача в целях сохранения здоровья человека. Создаваемые электромагнитные поля являются одним из видов производственных факторов, которые могут оказывать влияние на состояние и здоровье человека.

Наиболее чувствительными и подверженными воздействию электромагнитного поля являются копытные животные и человек в обуви, которая изолирует его от поверхности земли. Копыто животных является хорошим изолятором. В таком случае на изолированном от поверхности объемном теле наводится потенциал, который будет зависеть от соотношения емкости этого тела на землю и на провода линий электропередач. Исследованиями специалистов данной области было определено, что опасной величиной для здоровья живых организмов напряженности электрического поля является значение в 160 кВ/м.

Наиболее подверженными и чувствительными системами организма человека к электромагнитному воздействию являются нервная, иммунная, эндокринная и половая системы.

Человек с древнейших времен окружен звуками и шумом. Шум представляет собой механические колебания внешней среды, воспринимаемые слуховым аппаратом человека. Слуховой аппарат человека способен воспринимать звук в диапазоне от 16 до 20000 колебаний в секунду. Если же значение колебаний составляет менее 16, то тогда это инфразвук, если же более 20000 – это ультразвук.

Шум представляет собой громкие звуки, которые образовались в нестройное звучание. Для всех живых организмов, в том числе и для человека, звук является одним из видов воздействий окружающей среды.

С ростом урбанизации шум стал неотъемлемой частью жизни человека. Шум – это один из главных загрязнителей городского пространства. Сейчас трудно назвать ту отрасль быта и производства, где в звуковом диапазоне отсутствовал бы шум. За последние десятилетия вопрос борьбы с шумовым загрязнением городской среды во многих государствах мира стал одним из важнейших.

Введение в оборот в сфере промышленности новых технологических процессов и увеличение

мощности оборудования и их элементов привели к тому, что человек постоянно начал подвергаться шумовому воздействию. Но основным источником шума в городском пространстве, по мнению многих исследователей, является транспорт. Именно на транспорт приходится от 60 до 80 % источников возникновения шума. Установление в правовой базе критериев соблюдения безопасности и использование средств защиты от шумового воздействия производится путем разработки, согласования и утверждения санитарно-гигиенических и экологических нормативов и правил, приведенных в соответствующих нормативных документах.

На сегодняшний день цель по достижению благоприятной городской среды усложняется и является трудно выполнимой по причине того, что современное муниципальное образование – это комплекс источников шумового воздействия. Единственным решением вопроса минимизации городского пространства шумовым воздействием является метод градостроительного зонирования, который заключается в разделении трех основных шумовых зон – жилой, транспортной и производственной.

В целях популяризации экологически чистого и экономически выгодного троллейбусного транспорта, и повышения качества условий труда необходимо запустить процесс постепенного обновления троллейбусного подвижного состава новыми единицами. Для снижения воздействия электромагнитного излучения на работников городского электрического транспорта рекомендуется использовать метод экранирования.

Экраны предназначаются для того, что ослаблять электромагнитные поля в направлении распространения волн. Такая степень ослабления зависит от конструкции соответствующего экрана и параметров излучения и материалов, из которых он изготовлен.

В практическом использовании данный метод представляет собой применение металлизированного стекла для экранирования окон объектов городского электрического транспорта. На стекло наклеивается тонкая прозрачная пленка, в состав которой входят окислы металлов – никель, медь, олово, серебро. Дополнительной мерой защитой от электромагнитного излучения для водителей и кондукторов является применение специализированной форменной одежды с использованием металлизированных тканей. В целях снижения нагрузки на улично-дорожную сеть и городскую среду Новороссийска в целом, уменьшения воздействия на рабочий персонал и пассажиров, а также повышения эффективности работы троллейбусного транспорта предлагается создание комплекса выделенных полос для движения муниципального общественного транспорта.

Предложение по созданию комплекса выделенных полос представляет собой включение в единую связку городских улиц, расположенных на

территории Восточного, Приморского, Центрального и Южного внутригородских районов муниципального образования город Новороссийск

Комплекс выделенных полос позволит создать преимущество для троллейбусов при выборе способа передвижения среди представителей городского населения. Выделенные полосы способствует переориентированию мышления человека и тем самым помогут снизить потреб-

ность в повседневном пользовании легковым автомобилем и уровень автомобилизации в целом. Для перевозчика выделенные полосы привлекают дополнительный пассажиропоток, а соответственно и выручку. За счет сокращения времени для прохождения перегонов между контрольными пунктами появится возможность увеличения регулярности движения без добавления на маршрут дополнительных единиц подвижного состава.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ушаков Д.Е. Развитие общественного транспорта в рыночных условиях // Системные технологии. 2016. № 18. С. 114–118.
2. Юстратова И.Л. Перспективные направления развития общественного транспорта // МАДИ. 2021. С. 173–177.
3. Мажбиц Е.Г. Гигиена труда и оценка профессионального риска для здоровья женщин-водителей городского пассажирского электротранспорта : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Волгоград, 2006.
4. Лисина Н.Л. Шумовое воздействие на окружающую среду в городах как правовая проблема // Аграрное и земельное право. 2020. № 6(186). С. 32–34.
5. Кузьминых Т.С. Проблемы при организации движения пассажирского транспорта // Международный журнал перспективных исследований. 2020. № 4. С. 162–169.

References:

1. Ushakov D.E. Development of public transport in market conditions // System technologies. 2016. № 18. P. 114–118.
2. Yustratova I.L. Promising directions for the development of public transport // MADI. 2021. P. 173–177.
3. Mashbits E.G. Occupational hygiene and occupational risk assessment for the health of female drivers of urban passenger electric transport : abstract. dis. ... Candidate of Medical Sciences. Volgograd, 2006.
4. Lisina N.L. Noise impact on the environment in cities as a legal problem // Agrarian and land law. 2020. № 6 (186). P. 32–34.
5. Kuzminykh T.S. Problems in the organization of passenger transport // International Journal of Advanced Studies. 2020. № 4. P. 162–169.

Информация об авторах

Попов Евгений Александрович

начальник кафедры гражданского и международного права, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzann@yandex.ru

Абрамян Сюзанна Кароевна

доцент кафедры специальных дисциплин, Краснодарский университет МВД России
abrsyuzanna@yandex.ru

Evgeny A. Popov

Head of the Department of Civil and International Law, Admiral F.F. Ushakov State Maritime University
abrsyuzann@yandex.ru

Suzanna K. Abramyan

Associate Professor of the Department of Special Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
abrsyuzanna@yandex.ru

Штырхунова Наталья Александровна

доцент кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
syuzanna@yandex.ru

Natalia A. Shtyrkhunova

Associate Professor of the Department
of Civil and International Law,
Admiral F.F. Ushakov State Maritime University
syuzanna@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.05.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.06.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-14>

УДК 340

Attribution

cc by

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Попов М.Ю.¹, Вакула И.М.², Чапурко Т.М.³, Клименко Т.М.⁴, Бандурин В.А.⁵

¹Издательство ООО «Наука и образование»,

²Ростовский университет МВД России,

³Краснодарский университет МВД РФ

⁴Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии

⁵Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт им А.К. Кортунова,

Донской государственный университет

Аннотация. Данная публикация посвящена одной из актуальных тем исследования источников коррупции в духовно-нравственной сфере и противодействия ей. Цель исследования - выявление наиболее болезненных для современного российского общества духовно-нравственных источников коррупции. Задачей – систематизация представлений об этой проблеме в современных отечественных научных исследованиях и определение наиболее эффективных способов противодействия ей. При проведении исследования авторами использовались следующие методы научного исследования: контент – анализа, систематизации, диалектический принцип. В результате проведенного исследования выявлены наиболее болезненные для российского общества точки негативного воздействия на российское общество системного духовно-нравственного, ценностного кризиса в постсоветский период его истории. Выводы: организационно-правовые технологии противодействия коррупции в российском обществе, даже самые жесткие, не способны внести перелом в деле противодействия ей без комплексного подхода к решению данной проблемы с использованием инструментов духовно-нравственного воспитания молодого поколения на всех его уровнях и этапах этого процесса.

Ключевые слова: нравственность, духовность, системный духовно-нравственный кризис российского общества, ценностная и патриотическая составляющие воспитания молодого поколения.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SPIRITUAL AND MORAL SOURCES OF CORRUPTION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

M.Yu. Popov¹, Ivan M. Vakula², Tatyana M. Chapurko³,
Tauzhan M. Klimenko⁴, Vitaly A. Bandurin⁵

¹Publishing House of ООО «Science and Education»,

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

³Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

⁴Law Institute of the North Caucasus State,

⁵Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute named after A.K. Kortunov,
Donskoy State University

Abstract. This publication is devoted to one of the most relevant topics of research on the sources of corruption in the spiritual and moral sphere and ways to counter it. The purpose of the study is to identify the most painful spiritual and moral sources of corruption for modern Russian society. The objective is to systematize the understanding of this problem in modern Russian scientific research and determine the most effective ways to counter it. The authors used the following research methods: content analysis, systematization, and the dialectical principle. As a result of the conducted research, the most painful points of the negative impact of the systemic spiritual, moral, and value crisis on Russian society in the post-Soviet period of its history have been identified. Conclusions: organizational and legal technologies for countering corruption in Russian society, even the most stringent

ones, are not capable of making a breakthrough in the fight against corruption without a comprehensive approach to solving this problem using the tools of spiritual and moral education of the younger generation at all levels and stages of this process.

Keywords: morality, spirituality, the systemic spiritual and moral crisis of Russian society, the value and patriotic components of educating the younger generation.

Funding: Independent work.

Введение.

В результате попыток Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) во второй половине 1980-х гг. избежать негативных тенденций в экономической и общественно-политической жизни советского общества и ослабить международную напряженность посредством комплекса мероприятий, получивших в партийных документах название «Перестройка», которые привели, в конечном счете, к весьма плачевным результатам не только в политической жизни в нашей стране, КПСС постепенно стала терять лидирующие позиции в руководстве советским обществом, несмотря на провозглашение лозунгов его демократизации, политического плюрализма, провозглашение свободы слова и совести, ликвидацию «железного занавеса» между нашей страной и странами Запада, в том числе и в сфере культурного сотрудничества. Тем не менее, руководство КПСС в стремлении возглавить процесс трансформации советского общества в контексте идеи социализма в «человеческом лице», закрепило в итоговых документах XXVII съезда КПСС тезис о неуклонном возрастании её руководящей роли в процессе перестройки [1]. На практике же, не имея научно обоснованной стратегии его преобразования, лидеры КПСС не только довели нашу страну до глубокого политического кризиса, но и потеряли контроль над процессом трансформации страны в качественно новое состояние, вызвав в ней сепаратистское движение среди партийных элит союзных республик. В результате этих процессов, как известно, распался не только СССР, но и Восточный блок государств социалистической ориентации, а постсоветская Россия, как и большинство бывших союзных республик, оказалась в глубоком системном кризисе. И если через достаточно короткий по историческим меркам период времени руководству нашей страны удалось выйти из политического и экономического кризиса, восстановить её обороноспособность, установить в стране достаточно стабильный правовой порядок, то духовно-нравственная сфера российского общества под влиянием внешнего и внутреннего активного воздействия по настоящее время продолжает находиться в кризисном состоянии, причину которого ряд исследователей вполне обоснованно объясняет распадом Советского Союза, приведшем к разрушению практически во всем постсоветском пространстве прежней системы ценностных ориентиров, создав ситуацию аксиологического вакуума в условиях духовно-нравственного кризиса в российском обществе, который государство пыталось заполнить раз-

личными способами на протяжении более чем трех десятилетий. Этот процесс носил неоднозначный характер, включая периоды радикальной либерализации, консервативной реакции и попытки синтеза различных ценностных традиций [3], но до настоящего времени последствия этого кризиса продолжают отражаться на многочисленных сферах функционирования отечественной системы государственного управления на всех его уровнях, ярким свидетельством тому является системная коррупция, которая затрагивает практически все сферы государственного управления, повседневной жизни российского общества.

Насколько же жизнеспособно это явление в условиях современного общества? В поисках ответа на этот вопрос ряд исследователей приходит к неутешительному выводу о том, что для распространения коррупции существуют объективные условия, от которых практически невозможно избавиться в современном государстве по нескольким причинам [9].

Во-первых, законы государства характеризуются консервативностью. Они не могут меняться быстро, и часто бывает так, что законодательная система просто не успевает за вызовами времени и оставляет некое пространство для действий по своему усмотрению. В противном случае, система становится совершенно негибкой, стимулируя желание воспользоваться наиболее выгодной рентой.

Во-вторых, обеспечение всеобъемлющего контроля невозможно. Это и не отвечает идеалам современного демократического государства – чрезмерный контроль и надзор обернется ущербом для прав и свобод личности, приведет к оттоку творчески мыслящих кадров. Кроме того, такой контроль будет связан с огромными затратами [9].

Резюмируя вышеизложенное, высказывается мнение относительно того, что коррупцию провоцируют такие факторы, как несовершенство законодательства, юридическая неграмотность населения, несовершенство правоохранительной и судебной системы, а также – системы власти (кумовство, бюрократия, незаинтересованность самих граждан). Сопутствующими факторами могут выступать низкие доходы в госсекторе, высокая роль государства в экономике и зависимость от госаппарата, оторванность элиты от народа и даже культурно-религиозные традиции [9].

И с подобной точкой зрения сложно не согласиться, если ограничивать свое внимание к этой

проблеме выше изложенными аргументами. Только, по нашему убеждению, этого не достаточно, потому что многочисленные исследователи коррупции в своих творческих поисках выходят за выше обозначенные рамки, полагая, что одной из основополагающих причин её высокой жизнеспособности ими определяются духовно-нравственные источники, и авторы данной публикации, разделяя их мнение, посвящают её анализу духовно-нравственных источников коррупции в современном российском обществе.

Обсуждение. Результаты.

В.В. Горбова, анализируя этическую сторону коррупции, указывала на то, что «в коррупционном поведении действует не только экономическая целесообразность, но и стремление к личной выгоде, которая становится иррациональной страстью и самоцелью. Личная выгода, сама по себе, не может, конечно, восприниматься, как только юридически криминальное или морально порочное явление, потому что гипертрофированные формы, которые становятся возможными при коррупции, являются одновременно и правонарушением, и этически недопустимыми действиями. Кроме страсти к наживе, автор указывает ещё на один специфически коррупционный моральный порок — на продажность человека, которая, по её убеждению, тесно связана с личной выгодой; можно сказать, что желание личной выгоды стимулирует продажность, которая легализует морально порочные механизмы поведения, создаваемые, в свою очередь, коррупционной ситуацией. Образуется порочный круг между моральными пороками личности и коррупционной ситуацией, способствующей проявлению этих пороков. Тем самым, выявляется исключительно нравственная природа коррупции» [6].

Исследуя духовно-нравственные источники коррупции в современном обществе, основная масса ученых и экспертов ищет её корни в достаточно глубоком прошлом нашей страны, связывая это явление с традицией, этической нормой подношения подарков персонам, выше стоящим по социальной лестнице или, так называемым кормлением лиц, уполномоченных государем руководить той или иной территорией нашего государства и т.д. [2]. И с этой точкой зрения достаточно сложно спорить, хотя и в данной позиции имеет место расхождение во мнениях.

В частности, О.В. Кириченко, представитель Русской православной церкви, отмечает, что желание быть богатым не является чем-то естественным для человека, чуть-ли не инстинктом, оно воспитывается и живет в обществе и государстве как установка на общий положительный результат, словом, имеет рукотворный характер. И наше время являет удивительные успехи тех, кто сегодня продвигает эту идею в массы [7].

Далее, автор обращает внимание читателей на то обстоятельство, что не «лихие 90-е» стали безнравственным источником коррупции, а её трансляция извне, связывая это явление с ре-

форматорской эпохой Петра Великого, когда в государственной и близкой к ней сфере стал прививаться европейский стандарт жизни. Этим процессом были затронуты хозяйственные сферы, тесно связанные с государством, а также некоторые социальные слои, прежде всего, дворянство и купечество. Причем, ориентация шла не на католический, а на протестантский (лютеранский) Запад, что имело свою специфику, поскольку именно в протестантизме жизненный успех был сопряжен с вопросом личного спасения человека в вечности, а богатство было зримым показанием того, что к тебе благоволит Бог и тебе есть чем оправдаться на Страшном суде. Конечно, это было трудовое богатство, но, тем не менее — богатство [7].

Как отмечает О.В. Кириченко, Россия, хотя и принялась учиться жить по-европейски, но все же, оставалась православной страной и православной монархией. Узкий слой дворянства и купечества, потом чиновничества и был только затронут европейскими переменами; именно этот слой первый вкусил сладость плода безудержного стяжания. Привычный тип прежнего богатого царедворца, живущего на царские пожалованья, на барщинные сборы с крестьян принципиально отличался от нового дворянина. Прежде богатство было консервативно и натурально. Границы его колебались из века в век в известных пределах, зависели от выслуги, успехов на войне, дипломатической или придворной выслуги, но не было резких скачков. Богатство знати в старые эпохи было сосредоточено в одежде, столе, выстроенных теремах (но опять же, не выше уровня царского). Во всем господствовали не деньги, а натуральный продукт. Главной ценностью была земля [7].

В петровскую эпоху огромное число людей получило возможность пройти в течение одной жизни путь из «грязи да в князи», при этом накапливая не натуральный продукт, а деньги — интернациональный эквивалент обмена. Деньги становятся главным критерием высоты положения в обществе и государственной иерархии. Именно Петр I впервые столкнулся с таким явлением, как коррупция: мздоимство казнокрадство, лихоимство [7].

В итоге размышлений по поводу западной природы коррупции в нашей стране, О.В. Кириченко, отмечает, что Россия, одев на себя европейское платье ради благородных и высоких целей, столкнулась с неизбежным следствием «переодевания» в чужое платье. Но и те, для кого это платье было своим, этой проблемы не избежали. Напротив, это была их родная проблема как следствие их экономической и, в первую очередь, духовно-религиозной системы. Задавшись вопросом: Почему же сегодня на слуху постоянные упреки России в коррумпированности, словно она породила это явление, и почти одна продолжает ее воспроизводить? он отмечает, что Россия продолжает свой путь, начатый Петром I, и чужое одеяние продолжает пагубно влиять на

народ и страну. При этом наше стяжание и коррупция, в силу чужеродности одежды, видны всему миру, они зримы и открыты [7].

Отстаивая свою позицию в отношении того, что коррупцию породил западный, протестантский капитализм с его неукротимым стремлением человека к богатству и жаждой накопления, О.В. Кириченко заявляет о том, что Россию сегодня, в какой-то степени, спасает Православие, хотя вот уже три века как мы движемся в фарватере западных ценностей. Сейчас, когда стяжанием охвачены в России самые широкие слои, но при этом Церковь уже не имеет имперских возможностей распространять Православие (ради чего всё затевалось в начале XVIII в., по большому счету), возникает вопрос: Зачем России далее нужны чужие одежды? Одежды в самом широком смысле этого слова. Власти ведут борьбу с коррупцией и одновременно поощряют движение населения страны к обогащению. С президентской трибуны звучат слова комфорт, комфортная жизнь как обозначение национальной идеи. Но ведь именно движение к обогащению и порождает коррупцию, потому что порочность заключается уже в выборе порочной цели. Коррупция является лишь следствием движения к обогащению [7].

В завершение своего исследования О.В. Кириченко приходит к выводу о том, что у России должна появиться другая национальная идея, не сопряженная с западной протестантской религиозной целью, тем более, что сейчас, когда Русская Православная Церковь отделена от государства и настолько связана по рукам и ногам этими западными ценностями извне, что ей грозит большая опасность — начать протестантскую миссию, вместо православной. Так что, вопрос о коррупции тесно связан с нашей национальной идеей. Какой она будет, такой и будет наше общество [7].

Логическим продолжением темы связи религии в контексте духовно-нравственного противостояния коррупции в нашей стране, нам представляется исследование, проведенное на эту тему С.В. Ивантьевым [8], убежденным в том, что коррупция приводит государство и общество к политическим, экономическим, социальным и нравственным негативным последствиям, отмечая, что, как правило, все преступления всегда носят нравственный характер; то есть, все правовые (уголовные) преступления, определённые законом, включая коррупцию, являются духовно-нравственными преступлениями, т.к. представляют собой нарушения норм морали и прав души и духа человека, направлены против души человека (духовно-нравственный подход к определению коррупции) [8].

Отдавая должное анализу духовно-нравственной природы коррупции с православных религиозных позиций, мы переводим своё внимание к исследованию этой насущной для

современного российского общества проблеме со «светских» научных позиций.

Так, А.А. Капаров, проведя анализ отечественной государственной антикоррупционной политики, выделил в её структуре следующие периоды.

Первый период характеризуется им как **время духовной деконструкции (1991–1999 гг.)**, отмечая, что он сопровождался радикальной либерализацией ценностной сферы, когда доминирующей стала концепция ценностного плюрализма, предполагающая минимизацию государственного вмешательства в процессы формирования мировоззренческих ориентиров граждан. Следствием подобной политики стала деконструкция прежней системы ценностного воспитания личности, коммерциализация образовательной и культурной сфер, интенсивное проникновение западных культурных образцов [3].

Второй период патриотической реконструкции (2000–2012 гг.) ознаменовался формированием новой парадигмы государственного участия в ценностной сфере, основанной на концепции патриотической консолидации общества [4]. Государство, осознав деструктивные последствия ценностного релятивизма, стало рассматривать духовно-нравственные ценности как важнейший ресурс национальной консолидации, начав целенаправленную работу по восстановлению национально-культурной идентичности в контексте концепции управляемой демократии, предполагающей активную роль государства в формировании ценностных ориентиров общества при сохранении демократических институтов. Патриотизм, в контексте этой политики, охарактеризовался автором как консолидирующая идея, способная объединить различные социальные группы в направлении патриотического воспитания граждан, актуализации исторической памяти, восстановления роли традиционных конфессий в общественной жизни.

Третий период стратегической консолидации (2013–2021 гг.) [3].

Он отмечен стратегической консолидацией ценностной политики и её интеграцией в систему обеспечения национальной безопасности.

Принятие фундаментальных документов в сфере культурной политики ознаменовало качественно новый этап в развитии государственного подхода. Его концептуальной основой становится теория культурного суверенитета, рассматривающая способность государства и общества сохранять и развивать свою культурную идентичность как важнейший фактор национальной безопасности. Формируется понимание ценностной сферы как стратегического ресурса национального развития, а конституционная реформа 2020 года закрепила духовно-нравственные ценности на высшем правовом уровне [3].

Четвертый период нормативной кодификации (с 2022 г.).

Представляет собой этап нормативной кодификации традиционных ценностей и создания детализированной системы их защиты и продвижения.

Концептуальной особенностью данного этапа является формализация традиционных ценностей как официально признанной и защищаемой государством системы духовно-нравственных ориентиров. Впервые в постсоветской истории России государство официально определило конкретный перечень ценностей, подлежащих приоритетной поддержке.

По мнению А.А. Капарова, **современное состояние государственной политики в области духовно-нравственных ценностей** характеризуется высоким уровнем институциональной зрелости и нормативной детализации, активным привлечением институтов гражданского общества к реализации ценностной политики, а также активизацией участия государства в этом процессе в направлениях:

- интеграции ценностного компонента в учебные программы всех уровней образования, что создает основы для систематического воздействия на мировоззренческие установки подрастающего поколения;
- активизации воспитательной функции образовательного процесса через внеурочную деятельность и систему дополнительного образования;
- усиления внимания подготовке педагогических кадров, способных эффективно реализовывать ценностный компонент образования;
- акцента внимания на культурной сфере посредством реализации ценностной политики через деятельность музеев, театров, библиотек, культурных центров;
- ориентации информационной составляющей ценностной политики на создание альтернативы западным медиапродуктам и формирование отечественного контента, транслирующего традиционные российские ценности [3].

Как утверждает автор данного исследования, эволюция государственной политики в области духовно-нравственных ценностей определяется воздействием комплекса внутренних и внешних факторов.

Внутренние факторы включают социокультурные трансформации российского общества, изменения в его демографической и социальной структуре.

Внешние факторы включают процессы глобализации, международные конфликты, геополитическое противостояние, информационную конкуренцию

между различными цивилизационными проектами.

Санкционное давление на Россию способствовало активизации поиска внутренних ресурсов консолидации, включая актуализацию традиционных духовно-нравственных ценностей [3].

Отдавая должное аналитическим способностям этого молодого исследователя, мы, в то же время, при ознакомлении с содержанием данной публикации, испытывали определенный дискомфорт от презентованного автором комплекса государственных мер, направленных на духовно-нравственное возрождение российского общества, с реальным положением дел в этой сфере; их катализатором, по нашему убеждению, являются многочисленные проблемы, с которыми оно сталкивается в процессе реализации вышеуказанных проектов. И одной из них, по нашему убеждению, как раз и является системная коррупция практически во всех сферах повседневных практик государственной и общественной жизни. А её причину подавляющее большинство исследователей на протяжении всего постсоветского периода отечественной истории связывает именно с той очередной глубокой травмой, которую нанесли населению нашей страны её современные политические лидеры¹, подвергшие обструкции семидесятилетний опыт государственного строительства в СССР, нашедший поддержку у немалой части населения планеты, несмотря на немалые издержки в этом проекте, приведшие, с одной стороны, к распаду СССР, а с другой — после коррекции этого курса, в соответствии с новыми реалиями и национальной спецификой, вывели КНР в число мировых лидеров по многим экономическим и иным показателям. К нашему глубокому сожалению, следствием этих очередных революционных по масштабам и последствиям перемен, стала неудачная попытка создания модели государственного устройства, ориентированного не только на западную модель государственного и социально-экономического устройства российского государства и общества в надежде на конструктивное и взаимовыгодное равнопартнерское сотрудничество с коллективным Западом, но и переформатирование духовно-нравственного мировоззрения населения нашей страны в контексте неолиберальной морали.

Известным следствием этой попытки стал достаточно продолжительный системный кризис, который переживала наша страна на протяжении четверти века; и эта реальность, с которой столкнулись государство и общество, привели патристическую часть отечественной элиты к пониманию истинных целей, преследуемых ми-

¹ Первая, по нашему убеждению, была нанесена более ста лет назад революцией 1917 г., в результате которой новое политическое руководство Советской России, а потом и СССР было одержимо идеей формирования нового человека советского типа, воспитанного в духе коммунистической морали — строителя коммунизма.

ровыми лидерами, в надежде завершить процесс уничтожения России, продолжающей претендовать на сохранении роли одного из мировых лидеров как правопреемницы СССР, добиваясь её дальнейшей деградации в экономическом и политическом контексте, социально-политической дестабилизации ситуации в нашей стране с последующим её распадом на более мелкие государственные образования, находящиеся в полном подчинении интересам лидеров однополярного мироустройства.

Но, к чести автора данного исследования, он посвятил его завершающую часть анализу динамики государственной ценностной политики, в результате которого выявил наличие фундаментального противоречия, существующего между декларативным уровнем официальных установок и их практическим воплощением в социокультурную реальность российского общества.

В частности, им было отмечено следующее.

Образовательная сфера демонстрирует формальное внедрение ценностного компонента в учебные программы при сохранении ограниченной эффективности воздействия на мировоззренческие установки учащихся. Причины данного феномена автором связываются с недостаточной подготовкой педагогических кадров, отсутствием современных методик преподавания гуманитарных дисциплин и конкуренцией со стороны альтернативных (читай, деструктивных — *наша редакция*) источников информации, что требует существенной модернизации в части формирования компетенций по работе с ценностным содержанием образования. Необходимо создание специализированных центров повышения квалификации, разработка инновационных образовательных технологий, способных эффективно транслировать традиционные ценности современными методами [3].

Медиасфера характеризуется сосуществованием официально поддерживаемого контента и альтернативных информационных потоков, зачастую транслирующих противоположные ценностные установки.

Молодежь демонстрирует предпочтение зарубежным цифровым платформам, что ограничивает эффективность отечественных информационных проектов ценностной направленности. Данная проблема требует создания привлекательных российских медиапродуктов, способных конкурировать с зарубежными аналогами по качеству контента и технологическому уровню [3].

Региональная дифференциация в восприятии и поддержке официальной ценностной политики отражает неравномерность социально-экономического развития российских регионов. Экономически развитые регионы с высоким уровнем урбанизации демонстрируют большую устойчивость к государственным инициативам в ценностной сфере, тогда как периферийные территории проявляют большую восприимчи-

вость к традиционным ценностям. Это обстоятельство требует дифференцированного подхода к реализации ценностной политики в различных регионах страны [3].

Поколенческий аспект ценностной политики, по мнению автора, представляет собой одну из наиболее сложных проблем для современной России. Представители старших возрастных групп, социализировавшиеся во времена СССР, демонстрируют высокую поддержку государственных инициатив по укреплению традиционных ценностей. Молодое поколение, сформировавшееся в условиях информационной глобализации, проявляет значительно большую избирательность в восприятии официальных ценностных установок [3].

Семейная сфера характеризуется А.А. Капаровым как наиболее консервативный сегмент общества в отношении традиционных ценностей, однако, и здесь, как он отмечает, наблюдаются процессы трансформации под влиянием урбанизации, изменения экономических условий жизни, воздействия глобальных культурных трендов, в связи с чем, институт семьи требует особого внимания в контексте ценностной политики, поскольку именно семья является первичным агентом социализации и формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения [3].

Подводя итог своему исследованию, А.А. Капаров приходит к следующим выводам.

Эффективность современной ценностной политики в значительной степени зависит от способности государства адаптировать традиционные механизмы воздействия к условиям цифровой эпохи. Создание привлекательного контента, использование современных форматов коммуникации, интеграция ценностного содержания в популярные цифровые платформы становятся критически важными факторами успеха.

Международное измерение ценностной политики требует развития сотрудничества с государствами, разделяющими приверженность традиционным духовно-нравственным ценностям [3].

Формирование альтернативных западному либерализму ценностных коалиций может способствовать укреплению позиций России в глобальной конкуренции цивилизационных проектов [3].

Таким образом, автор констатирует, что, несмотря на создание в прошедшее двадцатилетие государством достаточно основательной нормативно-правовой базы, которая, вероятно, по мнению руководства страны, должна была стать определяющим условием духовно-нравственного возрождения общества, но как оказалось на практике, этого было недостаточно, и данное обстоятельство он объясняет:

— социокультурной неоднородностью российского общества;

- негативным воздействием процессов глобализации;
- необходимостью адаптации к условиям цифровой трансформации;
- проблемой интеграции традиционных ценностей в современную социальную практику.

В этом контексте, А.А. Капаров заявляет о необходимости учета специфики различных социальных групп при разработке и реализации ценностной политики, её технологического измерения в условиях цифровой трансформации, защиты и продвижения российских духовно-нравственных ценностей, обретающих геополитическое значение, становясь элементом «мягкой силы» и культурной дипломатии России, полагая также, что в настоящее время ключевое значение приобретает способность российского государства вписаться в динамично развивающуюся социокультурную реальность XXI века [3].

Исследованию коррупции как проявления феномена «отчуждение» посвящено исследование Л.В. Мухамедьярова и Э.Д. Хафизов, в результате которого они пришли к мнению о том, что в массовом общественном сознании коррупция воспринимается в качестве приемлемой этической формы «восстановления социальной справедливости», когда духовная составляющая предстает существенным фактором, предопределяющим распространение явлений коррупции, которые в результате нивелирования нравственных идеалов, принципов и ценностей, начинают восприниматься не как аморальные проступки, а как допустимые в силу необходимости [10].

Как полагают эти исследователи, по мере расширения кризиса духовных основ общества происходит усугубление нравственного отчуждения. Социальная значимость человека начинается определяться размером его личного состояния независимо от способов его приобретения. Постепенно девальвируются регуляторы общественных отношений: социальные, моральные, религиозные нормативы, значимость общественного мнения, социального контроля и др. На личностном уровне происходит раздвоение общественных ценностей и правил поведения. Двойные моральные стандарты создают предпосылки для поддержки и воссоздания обстановки приемлемости коррупционных составляющих, что в массовом сознании воспринимается, «по умолчанию», как обычное явление, часть общественного быта. Коррупционные деяния, охватывая значимые сферы общественной жизни, становятся привычным явлением и нормой жизни, постепенно определяют психологию поведения людей, приобретая коллективный, массовый характер [10].

По убеждению авторов данного исследования, только с утверждением общечеловеческих ценностей в нравственных отношениях возможно «снятие» отчужденного состояния индивида в

совокупности всех проявлений социальной практики. Решить проблему предупреждения и эффективного противодействия коррупции возможно только с обновлением духовных ценностей, действенности институтов и механизмов социального контроля, наличия правовой базы, эффективности деятельности правоохранительных органов и т.д. [10].

Заключение.

Разделяя озабоченность исследователей проблемой поиска эффективных средств борьбы с коррупцией в современном российском обществе, мы убеждены в том, что необходим комплексный подход к её решению. И, несмотря на то, что эта тема должна стать предметом отдельного научного анализа, мы хотим тезисно определить свое отношение к ней.

Во-первых, если предложить радикальные государственные организационно-правовые меры по успешному решению этой проблемы, то среди них возможно ужесточение наказания лицам, обвиняемым в этом правонарушении, например, в зависимости от их статуса во властной иерархии, допуская обвинение высших должностных лиц в государственной измене, распространяя на них такое наказания, как смертную казнь или пожизненное заключение и т.д. Только возникает по этому поводу, как и на счет других карательных мер по отношению к другим категориям менее статусных чиновников, вопрос: Как в структуре тех же правоохранительных органов найти высококвалифицированных специалистов, участвующих в следственных действиях и судебном процессе, а среди них — лиц, не пораженных вирусом коррупции, способных добросовестно, с риском для собственного здоровья и даже жизни, беря во внимание высокий уровень коррупции, в том числе и в правоохранительных органах и аналогичных им структурах? Исходя из этого замечания, мы допускаем высокую вероятность саботажа во властных структурах этому процессу, имея ввиду, что сама практика подбора, аттестации и расстановки кадров практически во всех государственных структурах, зачастую (это — в лучшем случае), носит формальный характер, имея, в том числе ввиду высокий «инфекционный» потенциал коррупции в них.

Таким образом, нами не видится реальная возможность достижения быстрого успеха в борьбе с коррупцией только с использованием карательных методов, даже, если проводить открытые в прямом эфире судебные заседания по наиболее громким коррупционным преступлениям, а также исполнение таких решений судов, как публичная смертная казнь, чему ярким примером является китайский опыт, где широко распространенная такая практика не останавливает коррупционеров от совершения подобных деяний. Есть определенная надежда на участников СВО, потенциально способных поставить надежный барьер коррупции в органах государственной власти, но для их адаптации к новым

условиям своей профессиональной деятельности потребуются определенное время.

Во-вторых, возвращаясь к теме духовно-нравственной реформации российского общества, в контексте темы нашего исследования, мы убеждены в необходимости системного подхода к духовно-нравственному возрождению российского общества, включающего образовательное,

воспитательное воздействие на процесс социализации представителей молодого поколения на всех его этапах, начиная с раннего детского возраста, включая семью, образование на всех его уровнях (дошкольное, среднее и т.д.), самообразование, в том числе в гуманитарной, культурной, патриотической, эстетической и иных ценностных сферах.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Материалы XXVII съезда КПСС. М. : Издательство политической литературы; М. : Политиздат, 1986. 351 с.
2. Бондаренко С.В. Коррупированные общества. Ростов-н/Д. : ОАО «Ростиздат», 2002. 368 с.
3. Капаров А.А. Основные этапы трансформации государственной политики Российской Федерации в области духовно-нравственных ценностей // История. Культурология. Политология. 2025. № 2.
4. Постановление Правительства РФ от 16 февраля 2001 г. № 122 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 9. Ст. 864.
5. Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.
6. Горбова В.В. Коррупция и нравственные пороки // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2015. № 2(14). С. 41–45.
7. Кириченко О.В. Духовные корни коррупции. URL : <http://hram-sdr.ru/index.php?module=pages&id=739&ysclid=mc1zcwcaf5416373780>
8. Ивентьев С.И. Духовно-нравственный аспект коррупции / Под ред. Н.Ш. Валеевой [и др.]; Минобрнауки России, Казанский национальный исследовательский технологический университет // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, 07 декабря 2018 г. Казань : Изд-во КНИТУ, 2019. С. 86–90.
9. Кочергина Э.Н. Факторы, способствующие распространению коррупции // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». 2020. № 2(41). URL : Alley-science.ru
10. Мухамедьярова Л.В. Коррупция как проявление феномена «отчуждение» / Л.В. Мухамедьярова, Э.Д. Хафизов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 4. С. 37–50.

References:

1. Materials of the XXVII Congress of the CPSU. M. : Publishing House of Political Literature; 1986. M. : Politizdat, 1986. 351 p.
2. Bondarenko S.V. Corrupt societies. Rostov-on/D. : Rostizdat JSC, 2002. 368 p.
3. Kaparov A.A. The main stages of transformation of the state policy of the Russian Federation in the field of spiritual and moral values //History. Cultural studies. Political science. 2025. № 2.
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated February 16, 2001 № 122 «On the state program "Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2001–2005» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 9. Art. 864.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated November 09, 2022 № 809 «On approval of the Fundamentals of state Policy on preservation and strengthening of traditional spiritual and moral values // Collection of legislation of the Russian Federation. 11/14/2022. № 46. P. 7977.
6. Gorbova V.V. Corruption and moral vices // Humanitarian Bulletin of the Tolstoy State Pedagogical University. 2015. № 2(14). P. 41–45.
7. Kirichenko O.V. The spiritual roots of corruption. URL : <http://hram-sdr.ru/index.php?module=pages&id=739&ysclid=mc1zcwcaf5416373780>
8. Iventyev S.I. The spiritual and moral aspect of corruption/ Edited by N.S. Valeeva [et al.]; Ministry of Education and Science of Russia, Kazan National Research Technological University // Anti-corruption practice: problems and achievements: Proceedings of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference, December 07, 2018. Kazan: KNRTU Publishing House, 2019. P. 86–90.

© Попов М.Ю., Вакула И.М., Чапурко Т.М., Клименко Т.М., Бандурин В.А.

9. Kochergina E.N. Factors Contributing to the Spread of Corruption// Scientific and Practical Electronic Journal Alley of Science. 2020. № 2(41). URL : Alley-science.ru
10. Mukhamedyarova L.V. Corruption as a Manifestation of the Phenomenon of Alienation / L.V. Mukhamedyarova, E.D. Khafizov // Context and Reflection: Philosophy about the World and Man. 2016. № 4. P. 37–50.

Информация об авторах

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор,
директор издательства «Наука и образование»
ORCID: 0000-0002-2090-0933
popov-52@mail.ru

Вакула Иван Михайлович

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский юридический институт МВД России
ORCID: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Чапурко Татьяна Михайловна

доктор политических наук,
профессор,
профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД РФ
chapurko@mail.ru

Клименко Таужан Микаиловна

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Юридический институт
Северо-Кавказской государственной академии
tauzhank@List.ru

Бандурин Виталий Александрович

кандидат философских наук,
доцент кафедры техносферной безопасности
и нефтегазового дела,
Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
им А.К. Кортунова,
Донской Государственный аграрный университет
mivital@mail.ru

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Director of the Publishing House
Science and Education»
ORCID: 0000-0002-2090-0933
popov-52@mail.ru

Ivan M. Vakula

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department of Humanities
and Social and Economic Disciplines,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORCID: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Tatyana M. Chapurko

Doctor of Political Sciences,
Professor, Professor of the Department
of Social Sciences and Humanities,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
chapurko@mail.ru

Tauzhan M. Klimenko

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
of Criminal Law and Procedure,
Law Institute of the North Caucasus State Academy
tauzhank@List.ru

Vitaly A. Bandurin

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Technosphere Safety and Oil and Gas Business,
Novocherkassk Engineering and Land Reclamation
Institute named After A.K. Kortunov,
Donskoy State Agrarian University
mivital@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.03.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.05.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-9>

УДК 340

Attribution

cc by

ОСОБАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕДКИХ И ИСЧЕЗАЮЩИХ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ: СОЦИАЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Рахимов Д.О.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье анализируется современная уголовно-правовая охрана редких и исчезающих видов животных и растений в Российской Федерации, обусловленная социальными потребностями и правовыми обязанностями государства. Определяется социально-политическая и теоретическая обусловленность разработки вопросов уголовно-правовой охраны редких и исчезающих видов животных и растений. Раскрывается значимость криминализации посягательств на представителей флоры и фауны, занесённых в Красную книгу. Проведена историческая ретроспектива развития уголовной охраны природы, определены критерии общественной опасности экологических преступлений, обоснованы правовые основания криминализации данных деяний. Обоснована потребность дальнейшего совершенствования механизмов уголовно-правовой охраны редких и исчезающих видов животных и растений, а также сделан вывод о необходимости непрерывного развития и улучшения рассматриваемой правовой институции.

Ключевые слова: редкие и особо охраняемые животные и биоресурсы, окружающая среда, экологические преступления, уголовно-правовые нормы, уголовно-правовая охрана.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SPECIAL CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION OF RARE AND ENDANGERED SPECIES OF ANIMALS AND PLANTS: SOCIAL AND LEGAL CONDITIONALITY

Jahongir O. Rakhimov

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article analyzes the current criminal-legal protection of rare and endangered species of animals and plants in the Russian Federation, conditioned by social needs and legal obligations of the state. The socio-political and theoretical prerequisites for the development of issues of criminal-legal protection of rare and endangered species of animals and plants are determined. The significance of criminalization of encroachments on representatives of flora and fauna listed in the Red Book is revealed. A historical retrospective of the development of criminal protection of nature is conducted, criteria for the public danger of environmental crimes are determined, and legal grounds for the criminalization of these acts are substantiated. The need for further improvement of the mechanisms of criminal-legal protection of rare and endangered species of animals and plants is substantiated, and a conclusion is made on the need for continuous development and improvement of the legal institution under consideration.

Keywords: rare and specially protected animals and biological resources, environment, environmental crimes, criminal law norms, criminal law protection.

Funding: Independent work.

Введение.

Защита редких и исчезающих видов диких животных и растений является важнейшей составляющей государственной экологической политики, отражающей как глобальные тенденции, так и

насушнные национальные интересы. Ещё в 1990-е годы учёные указывали на необходимость развития природоохранного законодательства, включая усиление мер по сохранению биоразнообразия [1].

© Рахимов Д.О.

Уголовное право традиционно рассматривается в отечественной доктрине как отрасль, выполняющая охранительную функцию по отношению к наиболее значимым общественным благам, включая окружающую среду и животный мир. Особая уголовно-правовая охрана редких видов означает установление специальной уголовной ответственности за посягательства на них.

По выражению Б.Т. Разгильдиева, уголовно-правовая охрана представляет собой уголовно-правовое сохранение социально ценных объектов от преступных посягательств посредством запрета и наказания [2, с. 42]. Социальная обусловленность такой охраны заключается в высокой общественной опасности уничтожения редких биологических видов, а правовая обусловленность – в наличии у государства юридических обязательств и полномочий по их защите.

Проблема криминализации деяний против редких представителей флоры и фауны стала предметом внимания сравнительно недавно. Длительное время незаконная охота и иные природопользовательские правонарушения преследовались преимущественно административно, а при наступлении крупных последствий – по общим нормам уголовного закона (например, ст. 258 УК РФ «Незаконная охота»). Однако меры ответственности не отражали специфики посягательств на исчезающие виды.

В начале 2000-х годов в научных работах подчёркивалась необходимость дифференцировать ответственность за экологические преступления особой тяжести.

Так, И.В. Лавыгина в диссертационном исследовании провела комплексный анализ экологических преступлений и проблем ответственности за них, предвосхитив возникающие вопросы квалификации [3, с. 24].

Ю.В. Надточий обосновала целесообразность введения самостоятельного уголовно-правового запрета на незаконное использование особо ценных объектов природы [4, с. 132].

Актуальность темы усилилась в связи с участием России в глобальных инициативах по охране окружающей среды. Международное сообщество признаёт угрозу незаконной добычи и торговли дикими животными как транснациональную проблему, сопоставимую по доходности с незаконным оборотом наркотиков и оружия [3, с. 230].

Россия, будучи стороной ряда конвенций о сохранении биологического разнообразия (включая Конвенцию о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. – CITES), взяла на себя обязательства внедрять эффективные меры борьбы с этими правонарушениями. В национальном законодательстве это нашло отражение, в частности, через указание на виды, охраняемые международными договорами РФ, в уголовно-правовых нормах.

Цель настоящей работы – на основе диссертационных материалов и научных источников проанализировать социальную и правовую обусловленность особой уголовно-правовой охраны редких и исчезающих видов животного и растительного мира. Для этого последовательно рассматриваются историческая эволюция уголовной охраны природы в России, критерии общественной опасности экологических преступлений, правовые основания их криминализации.

Обсуждение. Результаты.

Уголовно-правовые запреты, направленные на защиту природы, имеют в России более чем вековую историю, однако, долгое время они не выделяли особо редкие виды в качестве самостоятельного объекта охраны. Ещё Уложение о наказаниях 1845 года и последующие уголовные акты дореволюционной России предусматривали ответственность за незаконную охоту и истребление определённых животных, но основным мотивом тогда была защита имущества (лесных и охотничьих угодий) и государственных интересов (например, охрана угодий царской охоты).

В советский период, особенно во второй половине XX века, формируется понимание экологии как самостоятельной ценности: в УК РСФСР 1960 года появляются статьи об ответственности за браконьерство, незаконную рубку леса, загрязнение вод и др. Тем не менее, защита редких и исчезающих видов осуществлялась лишь косвенно.

Понятие «Красная книга» (список редких и находящихся под угрозой исчезновения видов) было введено в СССР в 1970-х годах, и к 1980-м годам сложилась система мер охраны таких видов преимущественно административного характера. Уголовное законодательство союзных республик не содержало отдельных составов за посягательства на краснокнижных животных или растения. Нарушения в этой сфере квалифицировались как общая незаконная охота или уничтожение государственного имущества (если редкие животные принадлежали государственным заповедникам и т.п.).

Существенный шаг был сделан с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 года, в котором впервые выделена самостоятельная глава 26 «Экологические преступления». В её рамках получили развитие составы, унаследованные от советского права (ст. 256 «Незаконная добыча водных биологических ресурсов», ст. 258 «Незаконная охота», ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» и др.), а также появились новые нормы, например, ст. 259 УК РФ «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесённых в Красную книгу РФ». Однако прямой уголовной ответственности именно за незаконное изъятие самих редких животных и растений не существовало до 2013 года. Практика показывала, что случаи браконьерства в отношении исчезающих видов квалифицируются либо по ч. 1 ст. 258 УК РФ (если охота велась на

запрещённых к отстрелу животных), либо по ст. 256 УК РФ (когда речь шла о водных ресурсах), а противоправный оборот (перевозка, сбыт туш и дериватов) зачастую ускользал от уголовного наказания, ограничиваясь административными штрафами.

Осознание пробела в уголовно-правовой охране редких видов оформилось к началу 2010-х годов на фоне участвовавших случаев браконьерства в отношении особо ценных животных (амурский тигр, дальневосточный леопард, соколы и др.), имевших широкий подпольный рынок сбыта за рубежом. В научных кругах и среди экологической общественности зрела идея усилить уголовную ответственность за такие деяния. В 2013 году законодатель предпринял исторический шаг: Федеральным законом от 02.07.2013 г. № 150-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен новой статьёй 258.1 [6].

Впервые в истории отечественного уголовного законодательства введена прямая норма, устанавливающая наказуемость незаконных добычи, содержания, приобретения, хранения, перевозки, пересылки и продажи особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, а равно их частей и дериватов. Одновременно Правительство РФ утвердило перечень видов, подпадающих под понятие «особо ценные» для целей ст. 258.1 УК и сопряжённых норм (включая ст. 226.1 УК РФ о контрабанде) [7].

Данный перечень изначально охватывал наиболее ценные объекты животного мира (преимущественно редкие млекопитающие, птицы, водные животные), а впоследствии дополнялся некоторыми видами растений (в 2023 году в него включены «женьшень настоящий» и «родиола розовая»).

Таким образом, к началу XXI века уголовно-правовая охрана природы прошла путь от отсутствия специализации к формированию особых норм, учитывающих статус пострадавших видов. Появление ст. 258.1 УК РФ ознаменовало новый этап развития экологического законодательства, когда охрана редких видов была выведена на уровень приоритетной задачи уголовной политики.

Ключевым фактором, обусловившим криминализацию посягательств на редкие виды, стала их высокая общественная опасность. Общественная опасность преступления определяется характером и масштабом вреда, причиняемого объекту охраны, а также степенью угрозы для общества в целом. Экологические преступления наносят комплексный вред: непосредственный ущерб окружающей среде и биоразнообразию, а опосредованно — экономике, здоровью населения, экологической безопасности страны.

В научной литературе понятие «экологическое преступление» раскрывается через причинение

им существенного вреда экологическим интересам. Например, Н.А. Лопашенко даёт следующее определение экологического преступления — это предусмотренное уголовным законом, виновно совершённое общественно опасное деяние, посягающее на окружающую среду и её компоненты, рациональное использование и охрана которых обеспечивают оптимальную жизнедеятельность человека, экологическую безопасность населения и территорий. Такое деяние выражается в противоправном использовании природных объектов (либо воздействии на их состояние) как социальной ценности, что приводит к негативным изменениям состояния окружающей среды, к уничтожению или повреждению её объектов [8, с. 211].

В данном определении подчёркивается, что преступления против природы имеют отдалённые последствия для самого человека: разрушение экосистем в конечном счёте угрожает благополучию общества.

Применительно к редким и исчезающим видам животного и растительного мира общественная опасность правонарушений определяется рядом критериев:

Необратимость ущерба. Гибель отдельных особей редкого вида может иметь необратимые последствия для всей популяции, вплоть до полного исчезновения вида. В отличие от возобновляемых ресурсов, утраченную биологическую разновидность восстановить невозможно, что делает такое деяние невозможным по ущербу. Например, незаконный отстрел последней пары гнездящихся стерхов (сибирских журавлей) в конкретном регионе способен поставить крест на перспективах вида в дикой природе.

Урон биоразнообразию и экосистемам. Каждая исчезающая разновидность является уникальным элементом экосистемы. Их уничтожение нарушает экологическое равновесие, цепочки питания, может вызвать всплеск численности видов-вредителей или иных нежелательных последствий. Таким образом, преступление против редкого вида выходит за рамки частного случая браконьерства, затрагивая систему экологических связей.

Высокая латентность и организованность. Преступления против особо ценных диких животных и растений отличаются значительной скрытностью. По экспертным оценкам, регистрируется лишь около 10 % фактически совершаемых деяний данного вида. Большинство случаев остаются невыявленными из-за труднодоступности мест преступлений (тайга, горные районы), сложности обнаружения и идентификации похищенных природных объектов, а также коррупционных факторов. Кроме того, более 20 % этих преступлений совершаются организованными группами, около 70 % — группой лиц по предварительному сговору. Нелегальная добыча и торговля редкими животными приносит колоссальные прибыли и нередко курируется преступными

сообществами транснационального характера [9]. По данным правоохранительных органов, нелегальный оборот диких животных по доходности соперничает с торговлей наркотиками и оружием [5, с. 4]. Всё это значительно повышает общественную опасность рассматриваемых деяний, сближая их с организованной преступностью.

Международный резонанс и ущерб имиджу страны. Уничтожение объектов мировой природного наследия (таких, как амурский тигр или снежный барс) вызывает широкий общественный резонанс как внутри государства, так и за его пределами. Страдает международная репутация страны, не обеспечившей сохранность редких видов, и это тоже социально значимый вред. Российская Федерация, обладая уникальной фауной, несёт ответственность перед мировым сообществом за её сохранение.

Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о том, что преступления, посягающие на редких животных и растения, имеют высокую степень общественной опасности, что и послужило основанием для их выделения в особую категорию уголовно наказуемых деяний. Существенно, что они посягают прежде всего на экологическую безопасность и природное наследие государства. Объектом этих преступлений признаются общественные отношения по сохранению окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, в том числе отношения по охране редких и находящихся под угрозой исчезновения биологических видов.

Таким образом, критериями общественной опасности рассматриваемых деяний являются:

- большой и трудноустраняемый экологический вред, наносимый преступлением;
- прямая угроза утраты невосполнимых природных ценностей;
- системный характер последствий для экосистем;
- вовлечённость организованной преступности и высокий уровень латентности.

Эти признаки обосновывают необходимость особой уголовно-правовой охраны редких видов, поскольку иные меры (административные, гражданско-правовые) оказались недостаточными для адекватного предотвращения и пресечения подобных посягательств.

Криминализация определённого деяния предполагает наличие не только социальной потребности, но и правовых оснований — соответствия конституционным принципам, системе законодательства и уголовно-правовой политике государства. Введение специальной уголовной ответственности за незаконную добычу и оборот особо ценных биологических ресурсов (ст. 258.1 УК РФ) в 2013 году опиралось на ряд таких правовых предпосылок.

Во-первых, имелось общее разрешение в природоохранном законодательстве на применение уголовных мер за нарушения в сфере охраны животного и растительного мира. Так, Федеральный закон «О животном мире» от 24.04.1995 г. № 52-ФЗ (ст. 55) прямо устанавливает, что лица, виновные в нарушении законодательства об охране животного мира, несут административную или уголовную ответственность согласно законодательству РФ [10]. Аналогичные положения содержатся и в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ, указывающем, что редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды подлежат особой охране, а за их незаконное изъятие наступает ответственность [11].

Таким образом, действующее природоохранное право само предусматривало возможность уголовной репрессии за наиболее опасные экологические правонарушения.

Во-вторых, к началу 2010-х сложился определённый правовой вакуум в регулировании оборота редких видов. В административном законодательстве ответственность была предусмотрена (например, ст. 8.35 КоАП РФ устанавливает штрафы за уничтожение редких животных или растений), однако размеры штрафов были несоизмеримы с выгодами от преступной деятельности. Отсутствие угрозы реального наказания (лишения свободы, конфискации орудий и т.п.) делало административные санкции малоэффективными против организованных браконьеров. С другой стороны, общие уголовно-правовые нормы не охватывали всех форм деяний: незаконная продажа частей редких животных (рогов, шкур, трофеев) фактически не подпадала под ст. 258 УК РФ, поскольку последняя охватывает лишь сам факт незаконной охоты. Уголовные дела иногда пытались возбуждать по смежным составам — например, по ст. 175 УК РФ (приобретение или сбыт добытого преступным путём имущества) — но правовая конструкция таких дел была крайне спорной. Таким образом, неполнота уголовно-правовой охраны очевидна, и восполнить её могла лишь новая норма.

В-третьих, введение ст. 258.1 УК РФ отвечало принципу дифференциации уголовной ответственности. Законодатель учёл, что особо охраняемые виды заслуживают более строгой защиты, чем прочие объекты животного мира. В прежней редакции ст. 258 УК РФ в качестве отягчающего признака незаконной охоты фигурировал пункт «в» ч. 1 — охота на птиц и зверей, полностью запрещённых к добыче. Однако санкция за это деяние была относительно мягкой (максимум 2 года лишения свободы). Статья 258.1 УК РФ устанавливает гораздо более строгое наказание: до 4 лет лишения свободы и крупный штраф. Кроме того, новая статья охватывает не только отстрел, но и весь последующий незаконный оборот редких животных, их частей и производных (что особенно важно для пресечения торговли). Тем самым, законодатель обеспечил справедливую дифференциацию: деяния против самых ценных представителей

фауны и флоры выделены из общей массы экологических преступлений и наказываются строже, что соответствует их повышенной общественной опасности.

В-четвёртых, криминализация была обоснована необходимостью устранения пробелов и коллизий в правоприменении. Появление специальной нормы позволило разграничить смежные составы. Например, конкуренция между ст. 258.1 и ст. 258 УК РФ решается в пользу первой, если предметом выступает «особо ценный» краснокнижный вид, включённый в перечень.

Таким образом, правовая конструкция новой нормы основана на бланкетности: отсылает к перечню, утверждаемому Правительством РФ, и к спискам видов в Красной книге и международных актах. Бланкетный характер требует согласованности уголовного закона с подзаконными актами. В связи с этим в 2013–2014 гг. были оперативно обновлены и приняты нормативные акты: о перечне особо ценных объектов животного мира.

Судебная практика также получила руководящие разъяснения: Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18.10.2012 г. (ещё до появления ст. 258.1) обобщил применение законодательства об ответственности за экологические правонарушения [12], а в Постановлении от 23.11.2010 г. дал указания по делам о браконьерстве в сфере рыболовства [13]. Эти акты ныне дополняются разъяснениями, учитывающими новую норму (в частности, относительно понятия «части и дериваты» редких животных, оценки крупного ущерба и др.).

Наконец, правовым основанием служат конституционные положения.

Статья 42 Конституции РФ гарантирует каждому право на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о её состоянии, а также возмещение ущерба, причинённого экологическим правонарушением.

Статья 58 Конституции РФ устанавливает обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам.

Эти конституционные нормы формируют общий императив охраны экологической безопасности, в развитие которого федеральный законодатель вправе устанавливать уголовную ответственность за наиболее опасные посягательства на природу.

Таким образом, введение ст. 258.1 УК РФ находилось в русле конституционных ценностей и принципов: оно преследовало цель защиты права граждан на благоприятную среду, сохранения природного богатства как основы жизни и деятельности народов России (преамбула Федерального закона «Об охране окружающей среды»).

Заключение.

Обобщая всё вышесказанное, можно утверждать, что особая уголовно-правовая охрана редких и исчезающих видов полностью социально оправдана и юридически обоснована. Она отвечает насущным потребностям общества в сохранении уникального природного богатства для будущих поколений и соответствует стратегическим интересам государства в обеспечении экологической безопасности. В трудах ведущих учёных (Б.Т. Разгильдиева, С.А. Боголюбова, Н.А. Лопашенко, И.В. Лавыгиной и др.) неоднократно подчёркивалось, что уголовное право должно гибко реагировать на новые вызовы, включая экологические. Криминализация посягательств на краснокнижные виды стала именно такой реакцией на вызовы времени. В дальнейшем предстоит развивать и улучшать эту правовую институцию, исходя из накопленного опыта, чтобы уголовный закон оставался действенным инструментом охраны природы и отвечал, как национальным приоритетам, так и международным стандартам.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гаевская Е.Ю. Уголовно-правовая охрана животного мира : дис. ... канд. юрид. наук. 2005. 185 с.
2. Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация : монография. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 42 с.
3. Лавыгина И.В. Экологические преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы ответственности : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2003. 24 с.
4. Надточий Ю.В. Уголовно-правовая охрана особо ценных животных и водных биологических ресурсов (целесообразность криминализации ст. 258.1 УК РФ) // Исторические, философские, политические и юридические науки... Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2014. № 12(50). Ч. I. С. 131–134.

5. Петрова Т.М. Особая уголовно-правовая охрана редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений : дис. ... доктора юридических наук. Саратов, 2024. 350 с
6. Федеральный закон РФ от 02.07.2013 г. № 150-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант».
7. Приказ от 23 октября 2019 года № 596 Об утверждении Перечня особо ценных и ценных видов водных биологических ресурсов // СПС «Гарант».
8. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. М. : Юрлитинформ, 2009. 352 с.
9. Меморандум «Краткое изложение точки зрения Всемирного фонда природы на приоритетные вопросы повестки дня 16-й конференции сторон Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры (СИТЕС)». 2013. URL : http://www.awsassets.panda.org/downloads/cites_cop16 (дата обращения 16.08.2024).
10. Федеральный закон «О животном мире» от 24.04.1995 № 52-ФЗ // СПС «Гарант».
11. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ // СПС «Гарант».
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «Гарант»
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов» // СПС «Гарант».

References:

1. Gayevskaya E.Y. Criminal and legal protection of wildlife : dis. ... of the cand. jurid. sciences'. 2005. 185 p.
2. Razgildiev B.T. The tasks of the criminal law of the Russian Federation and their implementation : a monograph. Saratov : Sarat Publishing House. University, 1993. 42 p.
3. Lavygina I.V. Environmental crimes: criminal and legal characteristics and problems of responsibility: Abstract of the dissertation. ... Candidate of Law Sciences. M., 2003. 24 p.
4. Nadtochiy Yu.V. Criminal and legal protection of especially valuable animals and aquatic biological resources (expediency of criminalization of art. 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Historical, philosophical, political and legal sciences... Questions of theory and practice. Tambov : Diploma, 2014. № 12(50). Part I. P. 131–134.
5. Petrova T.M. Special criminal and legal protection of rare and endangered species of animals and plants : dis. ... Doctor of Law. Saratov, 2024. 350 p.
6. Federal Law of the Russian Federation dated 07/02/2013 № 150-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SPS «Garant».
7. Order No. 596 dated October 23, 2019 On Approval of the List of especially Valuable and Valuable Types of Aquatic Biological Resources // SPS «Garant».
8. Lopashenko N. Aeological crimes: criminal law analysis. M. : Yurlitinform, 2009. 352 p.
9. Memorandum «Summary of the World Wide Fund for Nature's view on priority issues on the agenda of the 16th Conference of the Parties to the Convention on International Trade in Species of Wild Fauna and Flora (CITES)». 2013. URL : http://www.awsassets.panda.org/downloads/cites_cop16 (date of application 08/16/2024).
10. Federal Law «On Wildlife» dated 04/24/1995 № 52-FZ // SPS «Garant».
11. Federal Law «On Environmental Protection» dated 10.01.2002 № 7-FZ // SPS «Garant».
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.10.2012 № 21 «On the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management» // SPS «Garant».
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.11.2010 № 26 «On some issues of application by courts of legislation on criminal liability in the field of fisheries and conservation of aquatic biological resources» // SPS «Garant».

Информация об авторе

Рахимов Джахонгир Оттаевич
адъюнкт кафедры уголовного права,
Краснодарский университет МВД России
jax_7770@mail.ru

Jahongir O. Rakhimov
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
jax_7770@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.05.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-10>

УДК 340

Attribution

cc by

АРБИТРАБЕЛЬНОСТЬ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Тихонов Р.И.

Московский государственный институт международных отношений

Министерства иностранных дел Российской Федерации

Аннотация. В представленной статье проанализировано понятие «арбитрабельность» применительно к трансграничным корпоративным отношениям, раскрыта классификация видов корпоративных споров по критерию возможности их передачи в арбитраж, а также проведен сравнительно-правовой анализ подходов к арбитрабельности корпоративных конфликтов в Германии, США и России. В статье рассмотрены примеры из судебной практики и международные договоры как нормативная основа обсуждаемых проблем. Сделан вывод о наличии парадоксов: с одной стороны, наблюдается расширение арбитрабельности корпоративных конфликтов в транснациональном бизнесе, с другой – сохраняются законодательные барьеры и различия подходов. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию пределов автономии воли сторон в корпоративных спорах и указывают на необходимость комплексного учета национальных особенностей права при выборе арбитража как механизма разрешения таких споров.

Ключевые слова: арбитрабельность; корпоративные споры; иностранный элемент; трансграничные споры; международный коммерческий арбитраж; признание и исполнение арбитражных решений.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ARBITRABILITY OF CORPORATE DISPUTES: A COMPARATIVE STUDY

Roman I. Tikhonov

Moscow State Institute of International Relations

of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract. The present article examines the concept of «arbitrability» in the context of cross-border corporate relations, outlines a classification of corporate disputes by their admissibility to arbitration, and offers a comparative legal analysis of approaches to the arbitrability of corporate conflicts in Germany, the United States, and Russia. The article refers to examples from judicial practice and international treaties as the normative basis for the issues under discussion. A conclusion is drawn that certain paradoxes are evident: on the one hand, there is a trend toward expanding the arbitrability of corporate conflicts in transnational business, while on the other, legislative barriers and differing approaches persist. The results contribute to a deeper understanding of the limits of party autonomy in corporate disputes and highlight the necessity of comprehensively taking national legal particularities into account when choosing arbitration as a mechanism for resolving such disputes.

Keywords: arbitrability; corporate disputes; foreign element; cross-border disputes; international commercial arbitration; recognition and enforcement of arbitral awards.

Funding: Independent work.

Введение

Развитие международного бизнеса и усложнение корпоративных отношений с участием иностранных инвесторов ставят вопрос о допустимых способах разрешения возникающих споров. Арбитраж традиционно рассматривается как гибкий и конфиденциальный механизм урегулирования

коммерческих разногласий, однако применимость арбитража к корпоративным спорам (спорам, связанным с управлением и участием в юридических лицах) не является безусловной. Арбитрабельность в общем смысле означает способность спора быть предметом рассмотрения в третейском суде (арбитраже) вместо госу-

дарственного суда [9]. При этом законодательство отдельных государств устанавливает императивные ограничения, то есть определенные категории дел могут быть изъяты из ведения арбитража и подсудны исключительно государственным судам (так называемые неарбитрабельные споры). В международном частном праве отсутствует единое универсальное определение круга неарбитрабельных вопросов; как отмечают исследователи, «арбитрабельность является правилом, а неарбитрабельность — исключением» [9], тем не менее пределы допустимости арбитража значительно варьируются от страны к стране.

Особую сложность представляет арбитрабельность корпоративных споров, осложненных иностранным элементом, то есть ситуаций, когда корпоративный конфликт затрагивает сразу несколько юрисдикций — например, спор между участниками компании разных государств, спор относительно долей в иностранном юридическом лице, либо конфликт, возникающий из трансграничной сделки M&A. Такие споры по природе своей международные и часто подталкивают стороны к выбору международного коммерческого арбитража как нейтрального форума. Однако правовые парадоксы проявляются, когда нормы национального права ограничивают возможность рассмотрения подобных корпоративных разногласий в арбитраже. В разных правовых порядках сложились различные подходы к вопросу: в одних странах (например, в США) исторически преобладала презумпция в пользу арбитража даже по широкому кругу корпоративных дел [10], тогда как в других (например, в Германии) арбитрабельность внутренних корпоративных споров долгое время ставилась под сомнение судьями и доктриной, но эволюционировала под влиянием практики Верховного суда Германии (BGH) [8]. В России проблема арбитрабельности корпоративных споров приобрела особую остроту после реформы арбитражного законодательства 2016 года, которая одновременно разрешила третейским судам рассматривать определенные корпоративные дела и установила жесткие условия такого разрешения [6].

Актуальность исследования обусловлена как потребностями деловой практики, так и теоретической значимостью вопроса о пределах автономии воли в корпоративных отношениях. С одной стороны, транснациональные корпорации и инвесторы заинтересованы в единообразном и предсказуемом разрешении конфликтов, которого позволяет достичь арбитраж (в том числе посредством приведения решения в исполнение за рубежом согласно Нью-Йоркской конвенции 1958 года [1]). С другой стороны, государства стремятся сохранить за своими судами контроль над ключевыми спорами, затрагивающими публичные интересы или права третьих лиц (как часто бывает в корпоративных спорах, влияющих на участников корпорации, не подписывавших арбитражное соглашение). В результате возникает коллизия юрисдикций и нормативных установле-

ний, порождающая современные вызовы и парадоксы.

Исследование опирается на общенаучные и специальные юридические методы. Применен формально-юридический метод для анализа нормативных актов, регламентирующих арбитрабельность споров, в частности, рассмотрены положения Арбитражного процессуального кодекса РФ (глава 28.1 АПК РФ, устанавливающая подведомственность корпоративных споров государственным судам и допускающая отдельные категории корпоративных дел в третейский суд) [2], Федерального закона РФ «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» № 382-ФЗ [3] и закона № 409-ФЗ [4], внесшего изменения в регулирование арбитража, а также сопоставимые законодательные положения зарубежных стран (например, §1030 Гражданского процессуального уложения Германии (Zivilprozessordnung, ZPO), п. 2 Федерального арбитражного акта США 1925 г. (Federal Arbitration Act, FAA).

Важную роль сыграл сравнительно-правовой анализ, так как были сопоставлены доктринальные подходы и судебные решения трех правовых порядков — российского, немецкого и американского — в части допустимости арбитража по корпоративным спорам. Сравнительный метод позволил выявить общие тенденции (например, постепенное расширение арбитрабельности коммерческих споров во всех рассмотренных странах) и расхождения (такие как особые требования к арбитражу корпоративных конфликтов в Германии или законодательный запрет в России на передачу отдельных споров в иностранный арбитраж).

Обсуждение

Арбитрабельность корпоративного спора определяется законодателем каждой конкретной страны исходя из сочетания частных и публичных интересов. В общем виде объективная арбитрабельность — это способность конкретного вида спора быть разрешенным в арбитражном порядке. Трансграничный характер корпоративных отношений усложняет этот вопрос, поскольку необходимо учитывать требования нескольких юрисдикций одновременно.

Для признания корпоративного конфликта арбитрабельным в международном смысле требуется двойное соответствие:

- 1) спор должен быть арбитрабелен по праву страны, выбранной сторонами для арбитража (например, по праву места арбитража),
- 2) спор не должен относиться к неарбитрабельным по праву государства, где потенциально будет испрашиваться принудительное исполнение арбитражного решения [9].

Невыполнение любого из этих условий ведет к тому, что итоговое решение арбитров останется декларацией, не имеющей юридической силы в

нужной юрисдикции. Например, если спор о правах участников российской компании будет рассмотрен в зарубежном арбитраже, но по российским законам относится к исключительной компетенции суда, решение иностранного арбитража не получит признания в России на основании 244 АПК РФ и Нью-Йоркской конвенции 1958 г. (неарбитрабельность спора).

В российском правовом порядке вопрос арбитрабельности корпоративных споров получил нормативное разрешение в 2016–2017 годах посредством реформы третейского законодательства. Помимо прочего, была сформирована трехуровневая классификация корпоративных споров по критерию арбитрабельности, закрепленная в ст. 225.1 АПК РФ (в ред. Федерального закона № 409-ФЗ от 29.12.2015):

1. Неарбитрабельные корпоративные споры – закрытый перечень категорий, которые не могут быть переданы в третейский суд ни при каких условиях, так как выделяются такие виды конфликтов, которые резервируются за государственной судебной системой ввиду их особой значимости и участия круга лиц, не охваченных арбитражным соглашением.

2. Условно арбитрабельные корпоративные споры – дела, которые могут быть разрешены третейским судом, но только при соблюдении специальных требований к форме арбитража и институту, его осуществляющему. Законодатель ввел правило, что определенные споры из корпоративных отношений подведомственны арбитражу исключительно в постоянно действующих арбитражных учреждениях (ПДАУ), имеющих специализированные правила для корпоративных разбирательств [5]. На практике число ПДАУ, отвечающих данным требованиям, ограничено, и в первые годы после реформы (2017–2018) в них практически отсутствовала арбитражная практика по корпоративным делам [5], что свидетельствует о сложности и новизне механизма.

3. Свободно арбитрабельные корпоративные споры – это корпоративные конфликты, которые могут быть переданы в арбитраж без специальных условий, помимо обычного заключения арбитражного соглашения между сторонами. В эту категорию подпадает большинство коммерческих споров, связанных с корпоративной сферой (конфликты между участниками по поводу исполнения договорных обязательств, выплаты прибыли, осуществления опционов на доли и т.п.), если только они не влияют на вопросы внутреннего управления самой компанией.

Трехступенчатая модель демонстрирует компромисс – Россия признала принципиальную возможность арбитража корпоративных споров, но ввела ограничения, стремясь предотвратить злоупотребления и защитить публичные интересы. Результатом стало то, что трансграничные корпоративные конфликты, посягающие на «чувствительные» сферы корпоративного управле-

ния (например, структура органов общества или права неопределенного круга акционеров), де-факто остаются вне досягаемости международного арбитража, если существенный связанный элемент относится к России.

В Германии исторически корпоративные споры (в особенности, споры об оспаривании решений собраний участников) считались проблематичными для арбитража. Федеральный верховный суд Германии (BGH) в решении 1996 года вообще отрицал арбитрабельность споров по недействительности решений собраний участников GmbH, аргументируя это тем, что арбитражное решение не может иметь *erga omnes* эффекта для всех участников, как это предусмотрено нормами корпоративного закона [8]. Однако последующая эволюция законодательства и судебной практики изменила ситуацию. К 2009 году BGH пересмотрел свою позицию, признав, что корпоративный спор может быть передан в арбитраж при условии соблюдения ряда гарантий процессуальных прав всех участников корпорации.

В частности, в решении по делу II ZR 255/08 от 2009 г. суд указал критерии, которым должен отвечать арбитраж корпоративного конфликта: все участники общества должны согласиться на арбитраж (например, через арбитражную оговорку в уставе), каждый из них должен иметь равную возможность участвовать в выборе арбитров, все заинтересованные лица должны быть извещены о начале разбирательства и допущены к участию, а все связанные споры по одному корпоративному решению должны рассматриваться в рамках единого арбитража. Если эти условия не выполнены, арбитражное соглашение считается ничтожным. Дальнейшее развитие закрепило данный подход: в решении 2017 года BGH распространил указанные требования и на споры участников товариществ (полных и командитных) [13]. Таким образом, современный немецкий подход состоит в том, что все внутренние корпоративные споры с экономическим содержанием в принципе арбитрабельны, за исключением некоторых корпоративно-правовых вопросов публичных акционерных обществ. Закон прямо запрещает включать арбитражные оговорки в устав публичных акционерных компаний (AG), чьи акции торгуются на бирже, в части споров о действительности решений собраний акционеров – такие споры находятся в исключительной подсудности государственных судов [11]. В остальных же случаях ничто не препятствует заключению арбитражного соглашения либо в уставе (для GmbH, закрытых обществ), либо отдельным договором между конкретными участниками. В целом, Германия пришла к модели, при которой арбитрабельность корпоративных конфликтов признается, но процессуальная приемлемость арбитража достигается путем особых процессуальных требований, делающих арбитраж по возможностям равноценным суду.

В США правовая система традиционно характеризуется проарбитражной политикой, так, Федеральный арбитражный акт (FAA) провозглашает юридическую силу и исполнимость любого письменного арбитражного соглашения, касающегося предмета, затрагивающего межштатную или внешнюю торговлю [10]. Верховный суд США на протяжении десятилетий последовательно расширял сферу применения арбитражных оговорок, распространяя их действие даже на требования, возникающие из федеральных статутах (например, по законам о ценных бумагах и антимонопольному законодательству) [10]. В корпоративной области это выражается в широком допущении к арбитражу споров между хозяйственными обществами, споров, вытекающих из договоров купли-продажи бизнеса, акционерных соглашений, соглашений о слияниях и поглощениях и т.п. В американской практике арбитраж обычен для разрешения конфликтов между акционерами и менеджментом, если стороны заключили соответствующее соглашение. Ограничения проявляются лишь в отдельных аспектах корпоративного права, связанных с публичными рынками капитала.

Так, в штате Делавэр – ведущей юрисдикции по корпоративному праву США – в последние годы обсуждалась возможность принудительного арбитражирования претензий акционеров публичных компаний (включая групповые иски акционеров). Хотя Федеральный закон (FAA) допускает такие оговорки, делавэрские суды заняли позицию, что само корпоративное законодательство штата может воспрепятствовать арбитражу некоторых акционерных исков. В деле *Salzberg v. Sciabacucchi* (2020) Верховный суд Делавэра подтвердил право корпораций устанавливать в уставах форум для рассмотрения исков акционеров (*state forum selection*), однако вопрос об арбитраже требований акционеров публичных компаний вызвал дискуссии [12]. Эксперты отмечают, что хотя с точки зрения договора устав корпорации можно рассматривать как «контракт» между акционером и обществом, штат Делавэр как суверен, выдающий корпоративный устав, может не дать согласия на передачу определенных споров (например, групповых исков о мошенничестве на рынке ценных бумаг) в арбитраж. Фактически, делавэрские суды исходят из того, что некоторые акционерные разбирательства – особенно те, что затрагивают права неопределенного круга инвесторов – являются частью публичного регулирования и не могут быть полностью отданы на усмотрение частного арбитража. Тем не менее, подавляющее большинство корпоративных коммерческих споров в США арбитрабельно, и в договорах между компаниями широко присутствуют арбитражные оговорки.

В целом, сравнительно-правовой анализ показывает, что американский подход наиболее либерален, так как он исходит из презумпции действительности арбитражного соглашения и возможности арбитража при отсутствии прямого

законодательного запрета. Германия находится в средней позиции – арбитраж разрешен, но сопряжен с процессуальными условиями. Россия, несмотря на реформы, сохраняет наибольшую осторожность, существенно ограничивая как круг арбитрабельных корпоративных споров, так и допустимые формы арбитража.

Таким образом, арбитрабельность корпоративных споров с иностранным элементом формируется на стыке национальных и международных начал. Многое зависит от внутренней политики государства (как видно на примере РФ, где законодатель четко провел границы арбитрабельности и отреагировал на санкции новыми ограничениями), но при этом глобальные тенденции создают давление в сторону расширения сферы арбитража.

Результаты

Сопоставление теории и практики арбитража корпоративных споров в разных юрисдикциях позволяет выявить ряд правовых парадоксов и проблемных зон, обозначившихся в современных условиях и отражающих противоречие между глобальным характером корпоративной деятельности и фрагментированностью правового регулирования, сохраняющейся на национальном уровне.

Корпорации действуют глобально, но споры о корпоративном управлении по-прежнему «приземлены» в национальные правовые системы. С одной стороны, транскорпоративные отношения предполагают, что конфликт между акционерами из разных стран логично решать в универсальном порядке (через международный арбитраж), без предпочтения национальному суду одной из сторон. С другой стороны, государства не готовы полностью отпустить корпоративные споры в транснациональное пространство, видя в них отражение своих публичных интересов. Отсюда – сохраняющиеся исключения из арбитрабельности. Парадоксально, но чем больше иностранный элемент в корпоративном конфликте, тем сильнее стремление каждой затронутой юрисдикции заявить свои правила игры. Например, немецкий BGH допустил арбитраж для внутренних споров GmbH, но если бы речь шла о трансграничном конфликте, к процессу добавились бы требования международной юрисдикции (напрямую Германия, правда, не ограничивает арбитраж иностранных корпоративных споров, но сама может отказать в исполнении, если, скажем, спор затрагивает права миноритариев немецкой биржевой компании). Российская же практика вовсе демонстрирует защитную реакцию: когда иностранный элемент использован, чтобы обойти запрет на арбитраж, суды применяют доктрину «обхода закона», рассматривая зарубежную форму как чисто техническую и утверждая свою юрисдикцию [7]. Таким образом, глобальность спора оборачивается усилением локального суверенитета – явный парадокс современности.

Корпоративные споры затрагивают одновременно частноправовые притязания (права участников, договорные обязательства) и публичные интересы (защита третьих лиц – миноритариев, кредиторов, прозрачность рынка). Парадокс арбитража в том, что он является частной юстицией и по своей природе менее приспособлен защищать разнонаправленные интересы неопределенного круга лиц. В суде, например, решение об отмене решения общего собрания акционеров действует для всех, и закон обеспечивает механизм участия всех акционеров. В арбитраже, как мы видели на примере Германии, приходится искусственно воссоздавать эти механизмы, иначе решение затронет только участников арбитража. Получается, что для корпоративных споров арбитраж должен играть по правилам суда, теряя часть своих преимуществ (конфиденциальность – уже нет, нужно уведомлять всех; автономия сторон – ограничена требованием единогласия всех участников на оговорку; скорость – ниже из-за усложненной процедуры). Такой компромиссный арбитраж, возможно, утрачивает смысл для сторон, что и подтверждается отсутствием практики: компании не спешат включать арбитражные оговорки в уставы или заключать их всем составом участников, понимая громоздкость процедуры [5]. Значит, вывод заключается в том, что строгое соблюдение всех гарантий, требуемых для арбитража корпоративного спора, фактически делает его менее привлекательным, чем государственный суд, подрывая цель самого арбитража. Здесь проявляется напряжение между защитой публичных интересов и желанием сторон решить вопрос приватно. Разные страны балансируют по-разному: США идут по пути доверия частной автономии (раз акционеры договорились об арбитраже, пусть решают без суда даже потенциально коллективные вопросы), Германия ищет баланс (арбитраж да, но quasi-judicial), Россия, можно сказать, склоняется к публично-правовому подходу (большинство корпоративных вопросов оставляет государственному суду). Универсального решения дилеммы пока не найдено.

Обобщая, можно сказать, что арбитрабельность корпоративных споров с иностранным элементом сегодня – это поле напряжения между тенденцией к либерализации и унификации (ведущей к расширению арбитража) и контртенденцией к национальному протекционизму (ведущей к новым ограничениям). Парадоксально, но обе эти линии развития часто сосуществуют в рамках одного правового порядка. Россия, например, либерализовала арбитраж в 2017 году, а в 2020 году ввела новую «неарбитрабельность» по санкциям; США продвигают арбитраж договорных споров, но допускают ограничение в уставах корпораций; Германия разрешила внутренний корпоративный арбитраж, но зафиксировала запрет для публичных акционерных обществ. В каждом случае компромисс между частным и публичным началом сдвигается то в одну, то в другую сторону.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд выводов о текущем состоянии и проблемах арбитрабельности корпоративных споров с иностранным элементом.

Во-первых, арбитрабельность в корпоративной сфере – многослойное явление. Она определяется на пересечении национального законодательства, договорной воли сторон и международных обязательств государств. Корпоративные споры одновременно затрагивают интересы отдельных участников и более широкий круг третьих лиц, поэтому вопрос об их передаче в арбитраж решается сложнее, чем для обычных коммерческих конфликтов. В целом подтверждается тезис, что общая тенденция – расширение арбитрабельности, но с существенными оговорками для корпоративных дел.

Во-вторых, российская модель арбитрабельности корпоративных споров представляет собой гибрид запретов и разрешений. Список неарбитрабельных корпоративных споров в АПК РФ отражает стремление сохранить под контролем государства ключевые корпоративно-правовые вопросы (структура органов, стратегические обществу, права не участвующих в соглашении лиц). Одновременно закон допускает арбитраж ряда споров, особенно договорных, связанных с корпоративными отношениями, но вводит институциональные ограничения. Первые годы применения этой модели выявили ее недостаточную эффективность: крупный бизнес не спешит пользоваться новыми возможностями арбитража, опасаясь сложности процедуры и раскрытия информации. Тем не менее, сама по себе реформа 2016–2017 гг. показала поворот к признанию роли международного арбитража в корпоративных конфликтах, чего ранее не было (Конституционный Суд РФ в старых решениях фактически не допускал такую возможность).

В-третьих, западные подходы (Германия, США) демонстрируют, что традиционные барьеры постепенно отступают, хотя не исчезают полностью. В Германии снято принципиальное возражение против арбитража корпоративных споров – решением BGH установлены условия, при выполнении которых арбитраж допустим. Законы США изначально не содержали ограничений арбитрабельности корпоративных споров и государство остается наиболее благоприятной юрисдикцией для арбитража, хотя в корпоративном управлении публичных компаний прослеживается идея ограничить навязывание арбитража миноритариям. Отличие в том, что в Германии инициатором либерализации выступила судебная власть (BGH), в США – практика самих корпораций и арбитражная доктрина, а в России – законодатель, носящийся между либерализацией и контролем.

Современные вызовы и правовые парадоксы арбитрабельности корпоративных споров с иностранным элементом отражают переходный этап

в развитии международного арбитража. Можно наблюдать своеобразное «маятниковое» движение: периоды расширения автономии сторон сменяются периодами усиления государственного контроля. В таких условиях правоприменителю и арбитражным институтам важно стремиться к балансу – обеспечивать предсказуемость и эффективность арбитража, не игнорируя при этом легитимные интересы государств. Одним из возможных путей преодоления обозначенных

противоречий является диалог между правовыми системами и выработка общих принципов арбитрабельности, по аналогии с принятыми международными материальными нормами. Например, международные организации могли бы разработать рекомендации по арбитражу корпоративных споров (soft law), учитывающие лучшие практики Германии, США, России и других стран.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заклучена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
3. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (часть I). Ст. 2.
4. Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (часть I). Ст. 29.
5. Арбитрабельность корпоративных споров в РФ: изменения в законодательстве // Arbitration.ru. URL : <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/arbitrabelnost-korporativnykh-sporov-v-rf-izmeneniya-v-zakonodatelstve> (дата обращения 04.04.2025).
6. Федоров А.М. Арбитрабельность корпоративных споров: последствия реформы 2016 г. // Уральский журнал правовых исследований. 2021. № 1. С. 59–64.
7. Arbitrability of corporate disputes: dispute in relation to «Delovye Linii» // DLA Piper. URL : <https://www.dlapiper.com/en/insights/publications/2021/10/arbitrability-of-corporate-disputes-dispute-in-relation-to-delovye-linii> (date of application 05.04.2025).
8. Arbitrability of Shareholder Disputes in Germany // Kluwer Arbitration Blog. URL : <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/02/07/arbitrability-shareholder-disputes-germany> (date of application 02.04.2025).
9. Issues relating to Challenging and Enforcing Arbitration Awards // Norton Rose Fulbright. URL : <https://www.nortonrosefulbright.com/en-de/knowledge/publications/ee45f3c2/issues-relating-to-challenging-and-enforcing-arbitration-awards-grounds-to-refuse-enforcement> (date of application 05.04.2025).
10. Manesh M. The Corporate Contract and Shareholder Arbitration / M. Manesh, J.A. Grundfest // 98 N.Y.U. L. REV. 1106. 2023. URL : <https://ssrn.com/abstract=4214943> (date of application 03.04.2025).
11. Raeschke-Kessler H. Objective Arbitrability of Corporate Disputes – the German Perspective // European Business Organization Law Review. 2002. № 3(3). P. 553–567.
12. v. Sciabacucchi / Salzberg [et al.] // Justia. URL : <https://law.justia.com/cases/delaware/supreme-court/2020/346-2019.html> (date of application 11.04.2025).
13. The Arbitrability of German Shareholder Resolutions: Limited Partnerships Now also Covered // Lexology. URL : <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f77216ff-c239-41cd-84af-d39462247864> (date of application 05.04.2025).

References:

1. The United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (Concluded in New-York in 1958) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1993. № 8.
2. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002; 95-FZ (as amended on 12/28/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 07/29/2002. № 30. Art. 3012.
3. Federal Law of December 29, 2015 № 382-FZ (as amended on 08.08.2024) «On arbitration (arbitration pro-

- ceedings) in the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 04.01.2016. № 1 (Part I). Vol. 2.
4. Federal Law № 409-FZ of December 29, 2015 (as amended on July 03, 2016) «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidation of Paragraph 3 of Part 1 of Article 6 of the Federal Law «On Self-Regulatory Organizations» in Connection with the Adoption of the Federal Law «On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 04.01.2016. № 1 (Part I). Vol. 29.
 5. Arbitrability of corporate disputes in the Russian Federation: changes in legislation // Arbitration.ru. URL : <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/arbitrabelnost-korporativnykh-sporov-v-rf-izmeneniya-v-zakonodatelstve> (date of application 04/04/2025).
 6. Fedorov A.M. Arbitrability of corporate disputes: consequences of the 2016 reform // Ural Journal of Legal Research. 2021. № 1. P. 59–64.
 7. Arbitrability of corporate disputes: dispute in relation to «Delovye Linii» // DLA Piper. URL : <https://www.dlapiper.com/en/insights/publications/2021/10/arbitrability-of-corporate-disputes-dispute-in-relation-to-delovye-linii> (date of application 05.04.2025).
 8. Arbitrability of Shareholder Disputes in Germany // Kluwer Arbitration Blog. URL : <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/02/07/arbitrability-shareholder-disputes-germany> (date of application 02.04.2025).
 9. Issues relating to Challenging and Enforcing Arbitration Awards // Norton Rose Fulbright. URL : <https://www.nortonrosefulbright.com/en-de/knowledge/publications/ee45f3c2/issues-relating-to-challenging-and-enforcing-arbitration-awards-grounds-to-refuse-enforcement> (date of application 05.04.2025).
 10. Manesh M. The Corporate Contract and Shareholder Arbitration / M. Manesh, J.A. Grundfest // 98 N.Y.U. L. REV. 1106. 2023. URL : <https://ssrn.com/abstract=4214943> (date of application 03.04.2025).
 11. Raeschke-Kessler H. Objective Arbitrability of Corporate Disputes – the German Perspective // European Business Organization Law Review. 2002. № 3(3). P. 553–567.
 12. v. Sciabacucchi / Salzberg [et al.] // Justia. URL : <https://law.justia.com/cases/delaware/supreme-court/2020/346-2019.html> (date of application 11.04.2025).
 13. The Arbitrability of German Shareholder Resolutions: Limited Partnerships Now also Covered // Lexology. URL : <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f77216ff-c239-41cd-84af-d39462247864> (date of application 05.04.2025).

Информация об авторе

Тихонов Роман Игоревич
студент 2 курса магистратуры
международно-правового факультета,
Московский государственный институт
международных отношений
Министерства иностранных дел
Российской Федерации, г. Москва
r.tikhonov00@gmail.com

Roman I. Tikhonov
2nd year Master's Degree Student
International Law Faculty,
Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow
r.tikhonov00@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.05.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 23.06.2025

Подписано в печать 25.06.2025

Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 18

Печать riso. Уч.-изд. л. 5,65

Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.

Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 132

e-mail: id-yug@id-yug.com